ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 24. № 2 2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 24. No. 2 2025

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into **“The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses”** that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat©** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), **“CyberLeninka” Scientific Electronic Library** (Russia), **“Socionet” Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat©** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025
Том 24. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025
Volume 24. No. 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS
2025. Vol. 24. No. 2
Academic Periodical
First published in 1996
6 issues a year

Editorial Staff:
Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)
Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:
Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);
Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);
Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);
Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);
Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);
Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);
Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);
Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);
Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);
Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);
Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);
Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);
Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);
Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);
Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);
Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);
Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);
Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri* (Turin, Italy);
Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);
Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);
Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);
Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);
PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*
Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*
Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Apr. 14, 2025.
Date of publication: July 24, 2025. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 13.7. Published pages 14.7.
Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).
Order 41. «C» 13.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: https://l.jvolsu.com
English version of the website:
https://l.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2025

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ
2025. Т. 24. № 2
Научно-теоретический журнал
Основан в 1996 году
Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:
д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманит. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 14.04 2025 г.
Дата выхода в свет: 24.07 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 13,7.
Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 41. «С» 13.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: https://l.jvolsu.com
Англояз. версия сайта журнала:
https://l.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Баталин С.В. Прогрессивная коартикуляция и эмфатическое ударение в ГСГ-структурах русского языка 5

Теркулов В.И. Город как объект разноаспектного лингвистического исследования 17

Шамне Н.Л., Милованова М.В. Медиаобраз нецентральной территории в российских СМИ 29

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Богоявленская Ю.В. Предложный падеж в письменной и устной речи французско-русских билингвов 44

Нагорная А.В., Нванкво Д.Ч. Метафорическая концептуализация рака в англоязычной литературе жанра «художественный нон-фикшн» [*На англ. яз.*] 59

Павлина С.Ю., Сафина М.Р., Прасолова О.Д. Когезивные связи в продвигающих текстах: кинопостеры в ракурсе мультимодального перевода [*На англ. яз.*] 73

Ключак М.Ю. Гибридизация профессионального интернет-дискурса переводчиков в рамках гипержанра «переводческий блог» 86

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Мухин С.В. Оценочность соматических фразеологизмов в древнеанглийских версиях псалмов 98

Алимурадов О.А., Лату М.Н., Раздуев А.В. Поликодовый текст как пространство манифестации конфликтогенности 110

Старикова Д.Д., Войцех К.Д., Ложкина Д.Д., Селина Л.А. Восприятие жанра лекции представителями поколения Z (по данным ассоциативного эксперимента) 120

ДИСКУССИИ

Сусеева Д.А. О гласных фонемах современного калмыцкого языка 133

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Batalin S.V. Progressive Coarticulation and Emphatic Stress in Russian VCV Structures 5

Terkulov V.I. City as an Object of Multidimensional Linguistic Research 17

Shamne N.L., Milovanova M.V. Media Image of Non-Central Territory in Russian Media 29

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

Bogoyavlenskaya Yu.V. Prepositional Case in Written and Oral Speech of French-Russian Bilinguals 44

Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch. Metaphorical Conceptualization of Cancer in English Medical Creative Nonfiction 59

Pavlina S.Yu., Safina M.R., Prasolova O.D. Cohesive Ties in Promotional Texts: A Multimodal Translation Perspective on Film Posters 73

Klyuchak M.Yu. Hybridization of Translators' Professional Internet Discourse Within the "Translator's Blog" Hypergenre 86

MATERIALS AND REPORTS

Mukhin S.V. Evaluativity of Somatic Phraseology in Old English Versions of the Psalms 98

Alimuradov O.A., Latu M.N., Razduyev A.V. Polycode Text as a Space of Conflictogenity Manifestation 110

Starikova D.D., Voytsekh K.D., Lozhkina D.D., Selina L.A. Perception of the Lecture Genre by Generation Z Students (Based on Associative Experiment) 120

DISCUSSIONS

Suseeva D.A. The Vowel Phonemes of the Modern Kalmyk Language 133

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.1

UDC 811.161.1.342.1
LBC 81.411.2-1

Submitted: 14.09.2024
Accepted: 13.01.2025

PROGRESSIVE COARTICULATION AND EMPHATIC STRESS IN RUSSIAN VCV STRUCTURES

Sergey V. Batalin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The study seeks to establish regularities in carryover coarticulation induced by the first unstressed vowel and the intervocalic consonant on the second vowel in VCV clusters in the Russian language. The experiment is conducted on nonsense words of the 'etV1CV2te' structure. The V1 vowel is presented by the unreduced unstressed vowels [e], [a] and [u]; the intervocalic consonant C is presented by the sounds [p], [t] and [k]; the V2 vowel is presented by the emphatically stressed [e], [a] and [u]. Two male native speakers read the corpus of 540 words. The *PRAAT* software was used to measure F2 formants in the V2 vowels. ANOVA was employed to process the data obtained. It was established that in Russian VCV structures both the front/back dimensionality of the unstressed V1 vowels and the place of obstruction of the intervocalic consonants have a clearly pronounced statistically significant effect on the F2 formant values of the emphatically stressed V2 vowels. The interaction of the two factors also proved to be significant. However, the ANOVA procedures did not make it possible to establish any clearly defined regularities in the carryover coarticulation impact either of the unstressed V1 vowel front/back row or the place of obstruction of the intervocalic consonant on the F2 value of the V2 vowel. It was established that speaker-specific differences heavily affect the coarticulation in VCV structures. The results obtained are interpreted using existing findings.

Key words: coarticulation, VCV coarticulation, prominence, emphatic stress, formants, Russian language.

Citation. Batalin S.V. Progressive Coarticulation and Emphatic Stress in Russian VCV Structures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 5-16. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.1

УДК 811.161.1.342.1
ББК 81.411.2-1

Дата поступления статьи: 14.09.2024
Дата принятия статьи: 13.01.2025

ПРОГРЕССИВНАЯ КОАРТИКУЛЯЦИЯ И ЭМФАТИЧЕСКОЕ УДАРЕНИЕ В ГСГ-СТРУКТУРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сергей Васильевич Баталин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

© Баталин С.В., 2025

Аннотация. В статье проанализирована прогрессивная коартикуляция, обусловленная влиянием первого безударного гласного и интервокального согласного на второй гласный, произнесенный с эмфатическим ударением. Экспериментальный корпус представлен псевдословами со структурой etГ1СГ2te, в кото-

рых в качестве гласного Г1 выступают безударные гласные русского языка [e], [a] и [u], а в качестве гласного Г2 – эти же звуки, произнесенные с эмфатическим ударением. В качестве согласного С использовались [p], [t] и [k]. В роли информантов выступили два диктора-мужчины. Акустический анализ выполнен с помощью программы *PRAAT*. Результаты обработаны методами дисперсионного анализа. Установлено, что ряд безударного гласного Г1 и место образования интервокального согласного С в большинстве случаев значимо влияют на значения форманты F2 гласного Г2. Взаимодействие факторов ряда безударного гласного и места образования интервокального согласного также статистически значимо во всех проанализированных случаях. Характер зависимости значений форманты F2 гласного Г2 от ряда безударного гласного Г1 и места образования интервокального согласного не имеет выраженных закономерностей. Выявлено, что специфика коартикуляции в значительной мере определяется индивидуальными особенностями дикторов. Полученные результаты интерпретируются с учетом имеющихся в литературе данных.

Ключевые слова: коартикуляция, ГСГ-коартикуляция, ударение, эмфатическое ударение, форманты, русский язык.

Цитирование. Баталин С. В. Прогрессивная коартикуляция и эмфатическое ударение в ГСГ-структурах русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 5–16. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.1

Введение

В статье рассматривается варьирование гласных, обусловленное прогрессивной коартикуляцией в сочетаниях «гласный – согласный – гласный» (далее – ГСГ-сочетания), произнесенных с эмфатическим ударением. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить влияние ряда безударного предконсонантного гласного Г1 на значение форманты F2 постконсонантного гласного Г2, произнесенного с эмфатическим ударением, в сочетании с интервокальными согласными различного места образования (далее – МОБР). Актуальность исследования обусловлена задачами синтеза и распознавания речи; отсутствие экспериментальных данных, полученных на материале русского языка, определяет новизну выполненного исследования.

При рассмотрении вопросов прогрессивной коартикуляции звуков в потоке речи исследователями отмечается в первую очередь роль инерции артикуляторных органов и биомеханических характеристик голосового тракта [Whalen, 1990; Recasens, 2015]. Кроме того, обращается внимание на действие такого фактора, как сопротивляемость звуков к коартикуляции. Данное понятие, предложенное А. Бладоном и А. Аль-Бамерни в 1976 г. для описания вариативности артикуляции согласных [Bladon, Al-Bamerni, 1976], первоначально использовалось только для описания вариативности положения языка при артикуляции звуков; количественная оценка данного фактора выполняется с помощью такого статистического критерия оценки рассеивания данных, как среднеквадратичное отклонение [Deme et al., 2019]. Однако в настоящее время понятие устойчивости к коартикуляции употребляется в более широком смысле и используется также для описания акустической вариативности звуковых сегментов. Данный подход отражает тот хорошо известный факт, что коартикуляция носит градуальный характер, зависит от конкретного звукового сегмента или сочетания нескольких звуковых сегментов [Iskarous, Kavitskaya, 2010]. Так, было установлено, что устойчивость гласных звуков к коартикуляции возрастает с подъемом гласного в направлении [a] > [i]. Данная закономерность прослеживается на материале различных языков, в частности немецкого [Butcher, Weiher, 1976], итальянского [Farnetani, Vagges, Magno-Caldognetto, 1985], китайского [Cho, 2004], тайского [Mok, 2011]. Необходимо отметить, что гласный [u] не всегда подчиняется данной тенденции: в итальянском языке, например, его сопротивляемость коартикуляции сопоставима с устойчивостью к коартикуляции гласного [a] [Farnetani, Vagges, Magno-Caldognetto, 1985].

При сочетании с согласным звуком степень коартикуляции гласного в СГ-сочетаниях также определяется степенью участия артикуляторных органов в формировании преграды при произнесении согласного звука. Показательными в этом случае являются исследования по количественной оценке коартикуляции гласных с предшествующими согласными, выполненные с использованием мето-

да так называемых локус-уравнений: степень СГ-коартикуляции оценивается посредством сопоставления значений начального и целевого участков F2 коартикулируемых гласных. Результаты исследований показали, что в случае с твердыми губно-губными согласными, артикуляция которых предполагает минимальное участие языка, коартикуляция согласного с последующим гласным практически отсутствует. Коартикуляция гласных звуков возрастает при их сочетании с переднеязычными согласными и достигает максимума при сочетании с предшествующими заднеязычными согласными, характеризующимися максимальной степенью свободы передней части языка. Данная закономерность была зафиксирована на материале различных языков, в том числе русского [Кузнецов, 2018]. В случае СГ-слогов с мягкими согласными степень коартикуляции гласных с предшествующими согласными не зависит от МОБР согласных и значительно ниже [Кузнецов, Бобров, 2019]. Очевидно, что полученные результаты обусловлены ограничением подвижности передней части языка вследствие поднятия спинки языка к твердому небу. Отметим также, что в случае переднеязычных согласных степень СГ-коартикуляции может определяться также типом преграды – смычный vs щелевой [Fowler, 1981].

Одной из наиболее разработанных моделей коартикуляции является модель различной степени артикуляторных ограничений (Degree of Articulatory Constraint, DAC), предложенная Д. Реказенсом. Автор исходит из того, что коартикуляция звуков определяется в первую очередь степенью свободы передней части языка (dorsum). В соответствии с предложенной моделью звуковые сегменты, в артикуляции которых участвует передняя часть языка, в меньшей степени подвержены коартикуляции и влияют на окружающий контекст сильнее, чем звуки, при артикуляции которых задействована задняя часть языка. В свою очередь, звуковые сегменты, артикуляция которых менее ограничена участием передней части языка, в большей степени испытывают влияние соседних звуков и, соответственно, характеризуются меньшим сопротивлением к коартикуляции [Recasens, 2015]. Следовательно, степень коартикуляции звуков определяется не только их устойчивостью к коартикуляции, но и близостью коартикуляционных жестов: в случае артикуляционного сходства гласный коартикулирует с согласным в меньшей степени, чем в случае сочетания звуков, характеризующихся антагонистичными жестами. Таким образом, степень ограничения подвижности передней части языка возрастает также в том случае, если артикуляция последующего звука сопровождается аналогичным артикуляторным жестом (например, поднятием и продвижение спинки языка вперед при произнесении [i] по сравнению с [e]) [Recasens, 1989]. По этой причине гласные верхнего подъема характеризуются большей сопротивляемостью к коартикуляции в сочетании с палатализованными согласными по сравнению с гласными нижнего подъема, в частности с гласным [a] [Баталин, 2024], а гласные переднего ряда более устойчивы к коартикуляции в сочетании с альвеолярными согласными по сравнению с губными [Narayan et al., 2021].

Рассматривая вопрос ГСГ-коартикуляции, отметим, что в этом случае взаимовлияние затрагивает несколько звуковых сегментов. Так, С. Охманом было установлено, что коартикуляция распространяется не только на смежные звуки, но и на гласные, разделенные согласным. Автор предлагает рассматривать ГСГ-коартикуляцию как артикуляционное движение, направленное на создание преграды согласным звуком, которое накладывается на артикуляцию обоих гласных, произносимых как единый дифтонгоидный жест [Ohman, 1966].

Э. Пурселл, основываясь на результатах анализа регрессионной модели коартикуляции ГСГ-слогов русского языка, делает вывод о том, что изменения значений формантных частот статистически достоверно описываются различными переменными, каждая из которых обладает собственным весом и оказывает соответствующее воздействие на коартикуляционный процесс. Для русского языка в роли ведущих переменных выступают ряд и подъем первого и второго гласного, тип интервокального согласного, а также его мягкость / твердость. Автор установил, что в каждом конкретном случае коартикуляция характеризуется различным сочетанием вышеупомянутых факторов [Purcell, 1979].

Имеющиеся в литературе данные подтверждают роль степени ограничения подвижности языка в ГСГ-сочетаниях при артикуляции как первого и второго гласных, так и интервокального согласного. Так, описывая роль интервокального согласного, М. Хаффман приходит к заключению, что коартикуляция первого и второго гласных будет тем сильнее, чем меньше площадь контакта спинки языка с пассивной преградой [Huffman, 1986]. Д. Реказенс, исследуя ГСГ-коартикуляцию в каталонском языке, также утверждает, что коартикуляционное влияние первого гласного на второй гласный было сильнее в случае [δ] по сравнению с [l] и [η], и объясняет наблюдаемое явление меньшей площадью контакта языка в случае [δ]. Кроме того, автор выявил еще одну закономерность коартикуляции ГСГ-сочетаний: если в роли изменяемого гласного Г2 выступает гласный [a], артикуляция которого менее ограниченна по сравнению с [i], гласный [a] в большей степени подвержен коартикуляции с фиксированным гласным Г1 [Recasens, 2015].

Необходимо отметить важность влияния ударения на коартикуляционные процессы. В этой связи отмечается бóльшая устойчивость гласных ударных слогов по сравнению с безударными [Zellou, Scarborough, 2012], а также разнонаправленное изменение значений форманты F2 гласного, реализованного с различными типами ударности [Баталин, 2024; Roessig, Winter, Mücke, 2022]. Кроме того, в ГСГ-слогах зафиксировано меньшее влияние безударного Г1 на ударный Г2 по сравнению с влиянием ударного Г1 на безударный Г2: в случае прогрессивной коартикуляции влияние предыдущего гласного прекращается быстрее на ударном гласном по сравнению с безударным [Fowler, 1981; Magen, 1997]. Аналогичные данные были получены на материале греческого языка для случаев, когда в роли интервокального согласного выступали смычные губно-губные согласные [b] или [p], не препятствующие коартикуляции гласных [Nicolaidis, 1999]. Меньшая устойчивость безударных гласных по сравнению с ударными объясняется тем фактом, что ударные гласные артикулируются с более четкими артикуляционными жестами по сравнению с безударными гласными и, как следствие, безударные гласные в ГСГ-сочетаниях подвержены большей коартикуляции [Magen, 1997; Yun, 2006; Recasens, 2015]. Тем не менее результаты отдельных исследований не подтверждают большее влияние ударных гласных на безударные [Cho, 2004].

Особо важен вопрос об иерархии контекстных и просодических факторов в ГСГ-сочетаниях. Так, М. Хаффман делает вывод о превалировании контекстуальных факторов по сравнению с ударением: ударение мало влияет на степень коартикуляции гласных в ГСГ-сочетаниях в случае, когда в роли согласного выступают [d] и [l], хотя в случае [l] явления коартикуляции реализовываются сильнее [Huffman, 1986]. К. Николаидис в этой связи отмечает, что ударение по-разному влияет на второй гласный в зависимости от коронального согласного и не оказывает влияния на коартикуляцию в случае губно-губных согласных. На основании этих данных автор приходит к выводу о том, что контекст выступает в роли главного фактора, определяющего характер коартикуляции, а влияние ударения проявляется опосредованно [Nicolaidis, 1999]. Аналогичное заключение делает и М. Хаффман, установив что степень подвижности языка оказывает большее влияние на коартикуляцию по сравнению с ударением [Huffman, 1986]. Особо отметим позицию Э. Фарнетани, утверждающего, что контекст может как усиливать, так и ослаблять роль ударения на протекание коартикуляционных процессов [Farnetani, Vagges, Magno-Caldognetto, 1985].

В этой связи А. Деме с соавторами, анализируя роль ударения в фонетической реализации гласных в ГСГ-сочетаниях, также приходят к выводу о том, что степень влияния ударности определяется как качеством самого гласного, так и фонетическим контекстом: в случае гласного [u] значение форманты F2 на переходном участке не изменялось вследствие коартикуляции тогда, когда гласный [u] произносился с ударением, в то время как в безударном положении значения F2 возрастали под влиянием предыдущего гласного переднего ряда [i] в ГСГ-сочетании [ˈi#hu]. Аналогичным образом в сочетании /u#ˈhi/ значения форманты F2 понижались на переходном участке звука [i] [Deme et al., 2019]. Однако вышеуказанные наблюдения противоречат

результатам, полученным Д. Реказенсом, который установил, что в ГСГ-последовательностях ударение превалирует по силе влияния на коартикуляцию гласных по сравнению с качеством гласного и степенью ограничения подвижности языка при артикуляции промежуточного согласного [Recasens, 2015].

Таким образом, выполненный выше обзор имеющихся в литературе экспериментальных данных позволяет заключить, что в ГСГ-сочетаниях характер коартикуляции определяется как сегментным контекстом, так и ударностью или безударностью входящих в сочетание гласных. При описании коартикуляционных процессов в ГСГ-сочетаниях русского языка можно выдвинуть следующие предположения:

– в ГСГ-сочетаниях наблюдается прогрессивная коартикуляция, под воздействием которой ряд безударного гласного Г1 оказывает влияние на значение форманты F2 гласного Г2, произнесенного с эмфатическим ударением;

– МОБР интервокального согласного влияет на коартикуляцию гласного Г2, произнесенного с эмфатическим ударением;

– влияние согласного на Г2 будет обратно пропорционально степени свободы передней части языка при артикуляции согласного;

– взаимодействие гласного Г1 и интервокального согласного будет оказывать влияние на коартикуляцию гласного Г2.

Материал и методы

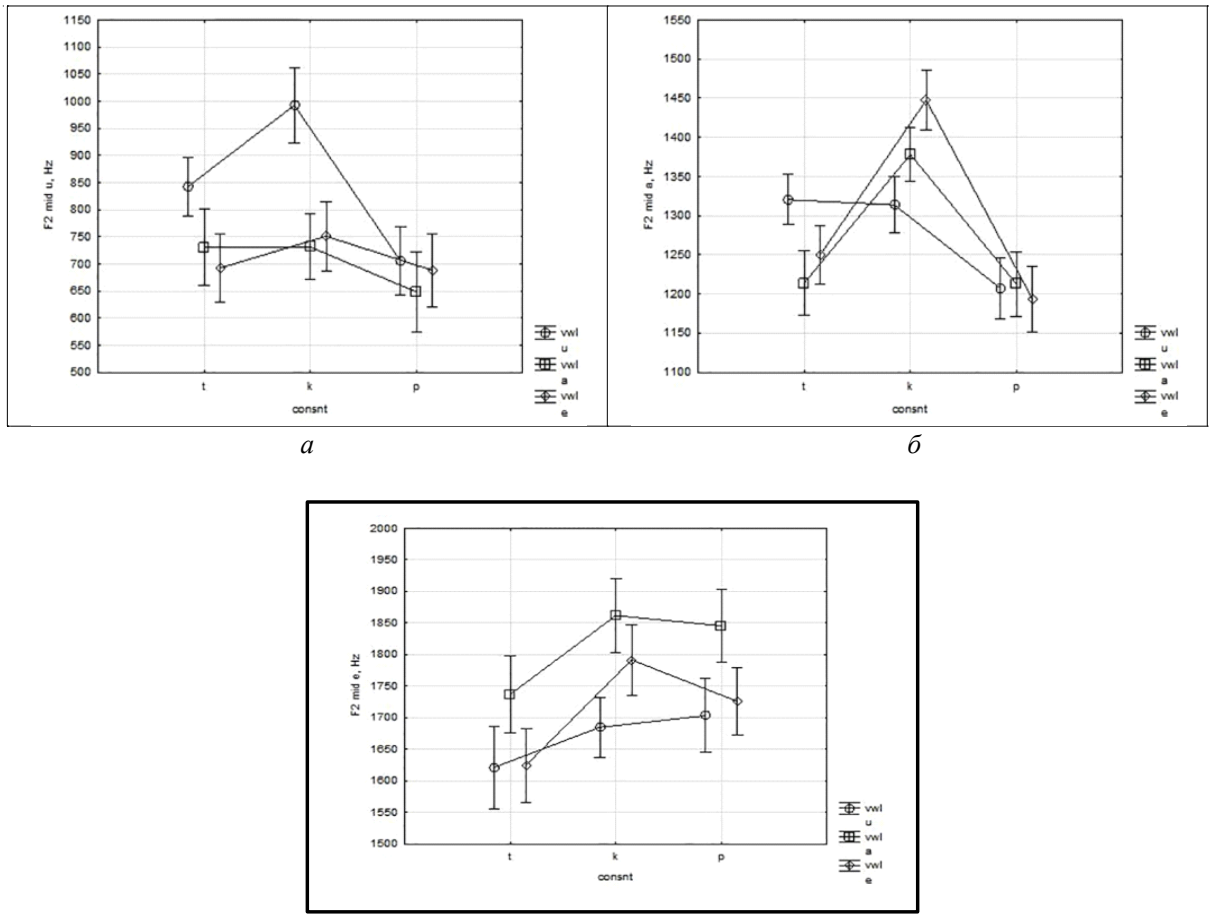
Анализ выполнен на материале гласных [e], [a] и [u], входящих в состав квазислов со структурой «εtГ1СГ2tε». Гласный Г1 являлся изменяемым гласным, гласный Г2 – фиксированным. Изменяемый гласный Г1 представлен гласными русского языка различного ряда – [e], [a] и [u], которые поочередно сочетались с фиксированным гласным Г2, в роли которого поочередно выступали эти же гласные – [e], [a] и [u]. Интервокальный согласный С был поочередно представлен глухими смычными согласными различного МОБР: [p], [t] и [k]. Поскольку анализировалось влияние предшествующего безударного гласного на последующий ударный, Г1 произносился без ударения; однако информанты были проинструктированы о необходимости произнесения безударного гласного без значительной редукции с сохранением качества безударного гласного. Гласный Г2 произносился с эмфатическим ударением. Информантам демонстрировалась необходимая манера произнесения квазислов, после чего была предоставлена возможность тренировки требуемого произнесения. В качестве информантов выступили два диктора-мужчины в возрасте 40 лет с нормативным русским произношением. Каждый вариант сочетания гласных и согласного озвучивался по 10 раз; общее число реализаций псевдослов составило 540 единиц ($3 \times 3 \times 3 \times 10 \times 2$). Перед акустическим анализом экспериментальный корпус был проанализирован на предмет соответствия начитанных слов заданным требованиям. Запись производилась в безэховой студии на микрофон RODE NT1-A и рекордером ZOOM-HS, оцифровывающим аналоговый сигнал с частотой 44 100 Гц; для проведения измерений частота дискретизации была снижена до 11 025 Гц, 16 бит. Акустический анализ выполнялся с использованием программы *PRAAT*. Точки измерения форманты F2 определялись по спектрограмме. Значение форманты F2 измерялось на интервале полного периода колебаний голосовых связок в середине стабилизированного участка траектории форманты, в случае повышения или понижения траектории – в середине гласного, в случае выпуклой или вогнутой траектории – в точке перелома траектории, то есть максимального или минимального значения. Статистическая обработка полученных результатов была выполнена с использованием методов факторного дисперсионного анализа.

Результаты и обсуждение

В целом анализ результатов эксперимента показал значительный разброс полученных данных, обусловленный индивидуальными особенностями информантов. Тем не менее подтверждается обусловленность значений F2 фиксированного гласного как рядом изменяемого гласного, так и МОБР интервокального согласного. Рассмотрим реализацию вышеуказанных факторов в произношении диктора СБ.

Однофакторным анализом было выявлено, что тип изменяемого гласного оказывает статистически значимое влияние на значение F2 фиксированного гласного [u] в произнесении диктора СБ: $F(2, 87) = 11{,}76$, $p < 0{,}05$. Изменяемый гласный Г1 [u] значимо повышал значение F2 фиксированного Г2 [u] на 130 Гц по сравнению с изменяемыми гласными [e] и [a] ($p < 0{,}05$). МОБР согласного также значимо влияло на F2 фиксированного [u]: $F(2, 87) = 7{,}59$, $p < 0{,}05$, при этом значение F2 губно-губного [p] значимо отличалось от соответствующих значений F2 [k] и [t]. Взаимодействие ряда безударного изменяемого гласного Г1 и типа интервокального согласного на F2 фиксированного [u] оказалось статистически значимым: $F(4, 81) = 3{,}60$, $p < 0{,}05$; соответствующий график представлен на рисунке 1, *а*.

Как следует из приведенных на графике данных, значение форманты F2 фиксированного гласного [u] значимо превышало аналогичные значения для случая, когда в роли изменяемого гласного выступал гласный [u], а в качестве интервокального согласного – согласные [t] или [k]. Отметим, что в последнем случае разница значений F2 фиксированного [u] после указанных согласных составила 162 Гц. Если в качестве изменяемых согласных выступали [a] или [e], они не оказывали значимого влияния на значения F2 фиксированного [u] при сочетании с согласными различного МОБР ($p > 0{,}05$). Таким образом, при сочета-



а *б* *в*

Рис. 1. Совместное влияние ряда гласного Г1 и интервокального согласного С на форманту F2 гласного Г2. Диктор СБ:

а – гласный Г2 [u]; *б* – гласный Г2 [a]; *в* – гласный Г2 [e]

Fig. 1. Joint impact of front/back dimensionality of the V1 vowel and intervowel consonant C on the F2 formant of the V2 vowel. Speaker SB:

а – V2 vowel [u]; *б* – V2 vowel [a]; *в* – V2 vowel [e]

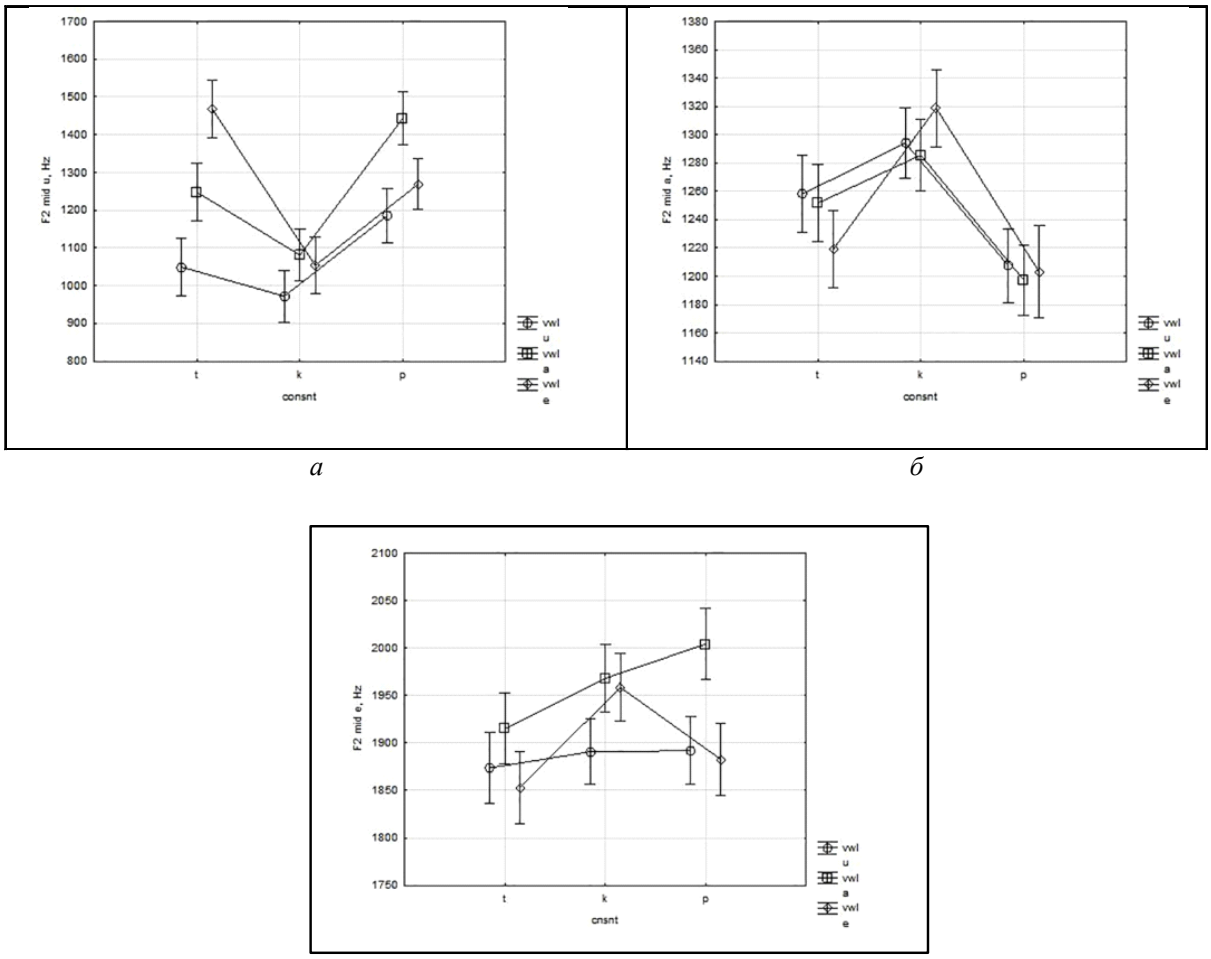
нии с интервокальным [p] ряд всех трех изменяемых гласных не оказывал значимого влияния на F2 фиксированного [u]. Полученные результаты могут быть интерпретированы следующим образом: поскольку язык не участвует в артикуляции гласных в случае с интервокальным губно-губным [p], а оба гласных – изменяемый и фиксированный – произносятся как единый артикуляционный жест, это приводит к максимальной коартикуляции изменяемого и фиксированного гласных по горизонтальному перемещению языка в полости рта и, соответственно, сближению значений F2 обоих гласных. В случае с согласными [t] и [k] единый артикуляционный жест прерывается переднеязычной или заднеязычной смычками, при этом заднеязычная смычка сопровождается бóльшей степенью свободы передней части языка, что находит отражение в бóльшем изменении значений форманты F2 фиксированного [u].

Схожее распределение значений F2 наблюдается для случая, когда в качестве фиксированного гласного Г2 выступает гласный [a]. Отметим, что в данной ситуации однофакторный анализ показал, что ряд ни одного из изменяемых гласных не оказывал значимого влияния на F2 фиксированного [a] ($F(2, 87) = 1{,}62$, $p > 0{,}05$), в отличие от МОБР интервокального согласного: $F(2, 87) = 66{,}29$, $p < 0{,}05$; при этом все значения F2 фиксированного [a] значимо отличались для согласных каждого МОБР. Взаимодействие вышеуказанных факторов являлось статистически значимым: $F(4, 81) = 10{,}34$, $p < 0{,}05$ (см. рис. 1, *б*). Значение F2 фиксированного [a] в сочетании с изменяемым [u] составляет 1 327 Гц и значимо превышает соответствующие значения F2 в сочетании с изменяемыми [a] и [e], когда в роли интервокального согласного выступает [t]. В случае с интервокальным [k] все изменяемые гласные значимо влияют на значение F2 фиксированного [a], а при сочетании с интервокальным [p] все три изменяемых гласных значимого воздействия на F2 фиксированного [a] не оказывают.

Анализ результатов значений F2 фиксированного [e] продемонстрировал, что закономерности, выявленные выше для фиксированных [u] и [a], в данном случае представлены в меньшей степени. Методами однофакторного дисперсионного анализа было установлено достоверное влияние ряда гласного: $F(2, 87) = 19{,}14$, $p < 0{,}05$. При этом значение F2 фиксированного [e] при изменяемом [a] составило 1 817 Гц и значимо превышало аналогичные значения для изменяемых [u] и [e] ($p < 0{,}05$). Влияние МОБР интервокального согласного также оказалось статистически значимым фактором $F(2, 87) = 13{,}52$, $p < 0{,}05$, но различия F2 фиксированного [e] наблюдались только в сочетании с переднеязычным [t], с одной стороны, и [k] и [p], с другой стороны. Что касается взаимодействия вышеуказанных факторов, оно не было статистически значимым: $F(4, 81) = 1{,}02$, $p > 0{,}05$. Соответствующий график представлен на рисунке 1, *в*.

Рассмотрим реализацию формантных частот в произнесении второго привлеченного к эксперименту информанта АС. В случае с фиксированным гласным [u] было выявлено статистически значимое влияние МОБР интервокального согласного: заднеязычный [k] понижал значение F2 фиксированного [u] по сравнению с губно-губным [p] и переднеязычным [t]: $F(2, 87) = 12{,}68$, $p < 0{,}05$. При анализе фактора ряда изменяемого гласного было зафиксировано значимое различие во влиянии [u], с одной стороны, и гласных [e] и [a], с другой стороны: $F(2, 87) = 16{,}56$, $p < 0{,}05$; значение форманты F2 было на 200 Гц ниже в случае, когда в роли изменяемого гласного выступал звук [u]. Взаимодействие факторов МОБР согласного и ряда изменяемого гласного также было статистически значимым: $F(4, 81) = 9{,}86$, $p < 0{,}05$; соответствующий график представлен на рисунке 2, *а*. Как следует из графика, различия в значениях F2 фиксированного [u] наблюдались для всех трех изменяемых гласных при сочетании с переднеязычным [t]. Когда в роли интервокального согласного выступал [k], ряд изменяемого гласного не оказывал влияния на F2 фиксированного [u]; в случае с интервокальным [p] значимое различие во влиянии на F2 фиксированного [u] было зафиксировано между изменяемым [a], с одной стороны, и изменяемыми [e] и [u], с другой стороны.

В псевдословах с фиксированным [a] однофакторный анализ не выявил у информанта АС значимых различий в значении F2 фиксированного [a] в зависимости от ряда изме-



а *б* *в*

Рис. 2. Совместное влияние ряда гласного Г1 и интервокального согласного С на форманту F2 гласного Г2. Диктор АС:

а – гласный Г2 [u]; *б* – гласный Г2 [a]; *в* – гласный Г2 [e]

Fig. 2. Joint impact of front/back dimensionality of the V1 vowel and intervowel consonant C on the F2 formant of the V2 vowel. Speaker AS:

а – V2 vowel [u]; *б* – V2 vowel [a]; *в* – V2 vowel [e]

няемого гласного: F(2, 87) = 0,13, $p > 0,05$. В свою очередь, МОБР интервокального согласного оказывало значимое влияние во всех случаях: для [t] значение F2 составило 1 242 Гц для [k] – 1 302 Гц, для [p] – 1207 Гц, соответственно. Взаимодействие двух вышеупомянутых факторов также оказалось статистически значимым: F(4, 81) = 2,76, $p < 0,05$. Как следует из приведенного на рисунке 2, *б* графика, значимые различия наблюдаются во влиянии изменяемых гласных на F2 фиксированного [a] в сочетании с [k], с одной стороны, и [p], с другой стороны. Что касается изменяемого [e], то различие в его влиянии на F2 фиксированного [a] было установлено только при сочетании с интервокальными [t] и [k] (см. рис. 2, *б*).

В квазисловах с фиксированным [e] однофакторный анализ показал значимые различия между согласным [t], с одной стороны, и согласными [k] и [p], с другой стороны: F(2, 87) = 5,61, $p < 0,05$. Значимые различия во влиянии изменяемых гласных были выявлены между [u] и [e], с одной стороны, и [a] – с другой: F(2, 87) = 11,75, $p < 0,05$; изменяемый [a] достоверно повышал значение F2 фиксированного [e] на 160 Гц. Представленный на рисунке 2, *в* график подтверждает значимое взаимодействие факторов ряда изменяемого гласного и МОБР интервокального со-

гласного: $F(4, 81) = 3{,}30$; $p < 0{,}05$. Однако выявить определенные закономерности во влиянии двух факторов в данном случае довольно сложно.

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на значительные различия абсолютных значений формант F2 фиксированных гласных, произнесенных с эмфатическим ударением, результаты факторного анализа показали, что схема влияния изменяемого гласного Г1 и интервокального согласного С на F2 фиксированного гласного Г2 в произношении двух дикторов полностью совпадают: в случае фиксированного [u] значимое влияние оказывают ряд изменяемого гласного, МОБР интервокального согласного и взаимодействие вышеуказанных факторов. Ряд изменяемого гласного Г1 не оказывал значимого влияния на F2 фиксированного [a]. В случае с фиксированным [e] взаимодействие факторов ряда изменяемого гласного Г1 и МОБР интервокального согласного не являлось значимым.

Таким образом, полученные данные в целом подтверждают выдвинутое выше предположение о том, что ряд безударного гласного и МОБР интервокального согласного оказывают влияние на F2 гласного, произнесенного с эмфатическим ударением. Однако степень влияния каждого из рассмотренных выше факторов значительно разнится в зависимости от ряда изменяемого гласного, МОБР интервокального согласного и их совместного взаимодействия.

Результаты проведенного эксперимента подтверждают выводы, сделанные Э. Пурселлом на материале ГСГ-сочетаний безударных гласных, о варьировании значений весовых коэффициентов, определяющих характер коартикуляции [Purcell, 1979]. Кроме того, отметим значительное влияние индивидуальных особенностей информантов на реализацию коартикуляционных процессов в нашем случае. Данные, зафиксированные для ГСГ-сочетаний других языков, в частности языка тода, также подтверждают полученные результаты [Naryan et al., 2021]. Построение статистических моделей, описывающих коартикуляционные процессы в ГСГ-сочетаниях, позволит уточнить особенности реализации данного явления.

Выводы

1. В ГСГ-сочетаниях русского языка МОБР интервокального согласного значимо влияет на значение форманты F2 гласного Г2, произнесенного с эмфатическим ударением.

2. Статистическая значимость влияния ряда безударного гласного Г1 на значение форманты F2 гласного Г2, произнесенного с эмфатическим ударением, может определяться рядом гласного Г2.

3. При взаимодействии факторов ряда безударного гласного Г1 и МОБР интервокального согласного статистическая значимость их совместного влияния может определяться рядом гласного Г2.

4. Характер коартикуляции в ГСГ-сочетаниях в значительной степени определяется индивидуальными особенностями информантов.

5. На исследованном материале не удалось выявить характер зависимости значения форманты F2 изменяемого гласного Г2 от степени подвижности передней части языка при артикуляции интервокального согласного и ряда фиксированного безударного гласного Г1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баталин С. В., 2024. Влияние типа ударения на степень коартикуляции гласных после мягких согласных // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 30, № 1. С. 122–130. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-122-130

Кузнецов В. Б., 2018. СГ-коартикуляция и место образования согласного в русском языке. Данные локус уравнений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (797). С. 21–28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sg-koartikulyatsiya-i-mesto-obrazovaniya-soglasnogo-v-russkom-yazyke-dannye-lokus-uravneniy

Кузнецов В. Б., Бобров Н. В. 2019. Место образования мягких согласных и формантные переходы F2 вокалического окружения в русской речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 11 (827). С. 69–74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-obrazovaniya-myagkih-soglasnyh-i-formantnye-perehody-f2-vokalicheskogo-okruzheniya-v-russkoy-rechi

Bladon A., Al-Bamerni A., 1976. Coarticulation Resistance in English /l/ // Journal of Phonetics. Vol. 4, iss. 2. P. 137–150. DOI: https://doi.org/10.1016/S0095-4470(19)31234-3

Butcher A., Weiher E., 1976. An Electropalatographic Investigation of Coarticulation in VCV Sequences // Journal of Phonetics. № 4. P. 59–74. DOI: 10.1016/S0095-4470(19)31222-7

Cho T., 2004. Prosodically Conditioned Strengthening and Vowel-to-Vowel Coarticulation in English // Journal of Phonetics. № 32. P. 141–176. DOI: 10.1016/S0095-4470(03)00043-3

Deme A., Bartók M., Gráczi T.E., Csapó T.G., Markó A., 2019. V-to-V Coarticulation Induced Acoustic and Articulatory Variability of Vowels: The Effect of Pitch-Accent // INTERSPEECH. September 15–19, 2019, Graz, Austria. P. 3317–3321. URL: https://www.isca-archive.org/interspeech_2019/deme19_interspeech.pdf

Farnetani E., Vagges K., Magno-Caldognetto E., 1985. Coarticulation in Italian /VtV/ Sequences: A Palatographic Study // Phonetica. Vol. 42, № 2/3. P. 78–99. DOI: 10.1159/000261740

Fowler C. A., 1981. Production and Perception of Coarticulation Among Stressed and Unstressed Vowels // Journal of Speech and Hearing Research. Vol. 24, № 1. P. 127–139. DOI: 10.1044/jshr.2401.127

Huffman M. K. 1986. Patterns of Coarticulation in English // The Journal of the Acoustical Society of America. Vol. 79, iss. S1. P. S37–S37. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=SdBlcaAAAAAJ&citation_for_view=SdBlcaAAAAAJ:YsMSGLbcyi4C

Iskarous K., Kavitskaya D., 2010. The Interaction Between Contrast, Prosody, and Coarticualation in Structuring Phonetic Variability // Journal of Phonetics. № 38. P. 625–639. DOI: 10.1016/j.wocn.2010.09.004

Magen H. S., 1997. The Extent of Vowel-to-Vowel Coarticulation in English // Journal of Phonetics. № 25. P. 187–205. DOI: https://doi.org/10.1006/jpho.1996.0041

Mok P. K., 2011. Effects of Vowel Duration and Vowel Quality on Vowel-to-Vowel Coarticulation // Language and Speech. Vol. 54, № 4. P. 527–544. DOI: https://doi.org/10.1177/0023830911404961

Narayan S., Illa A., Anand N., Sinisetty G., Narayan K., Ghosh P.K., 2021. An Acoustic Investigation on the Effect of Speaking Rate on Vowel Space and Coarticulation in Toda VCV Sequences // Sedhane. № 46. P. 128. DOI: https://doi.org/10.1007/s12046-021-01639-8123456789

Nicolaidis K., 1999 The Influence of Stress on V-to-V Coarticulation: An Electropalatographic Study // ICPhS99: San Francisco. P. 1087–1090. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS1999/papers/p14_1087.pdf

Ohman S., 1966. Coarticulation in VCV Sequences // Journal of the Acoustical Society of America. № 39. P. 151–168. DOI: 10.1121/1.1909864

Purcell E. T., 1979. Formant Frequency Patterns in Russian VCV Utterances // Journal of the Acoustical Society of America. № 66. P. 1691–1702. DOI: https://doi.org/10.1121/1.383641

Recasens D., 1989. Long Range Coarticulation Effects for Tongue Dorsum Contact in VCVCV Sequences // Speech Communication. № 8 (4). P. 293–307. DOI: https://doi.org/10.1016/0167-6393(89)90012-5

Recasens D., 2015. The Effect of Stress and Speech Rate on Vowel Coarticulation in Catalan Vowel – Consonant – Vowel Sequences // Journal of Speech, Language, and Hearing Research. Vol. 58, № 5. P. 1407–1424. DOI: 10.1044/2015_JSLHR-S-14-0196

Roessig S., Winter B., Mücke D., 2022. Tracing the Phonetic Space of Prosodic Focus Marking // Frontiers in Artificial Intelligence. Vol. 5. DOI: 10.3389/frai.2022.842546

Whalen D.H., 1990. Coarticulation is Largely Planned // Journal of Phonetics. № 18. P. 3–35. DOI: https://doi.org/10.1016/S0095-4470(19)30356-0

Yun G., 2006. The Effects of Lexical Frequency and Stress on Coarticulation // Berkeley Linguistics Society and the Linguistic Society of America. Vol. 32, № 1. URL: https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/BLS/article/view/3480/3181

Zellou G., Scarborough R., 2012. Nasal Coarticulation and Contrastive Stress // INTERSPEECH. ISCA's 13th Annual Conference: Portland, OR, USA. September 9–13, 2012. P. 2686–2689. DOI: 10.21437/Interspeech.2012-667

REFERENCES

Batalin S.V., 2024. Vliyanie tipa udareniya na stepen koartikulyatsii glasnykh posle myagkikh soglasnykh [Impact of Prominence Type on the Coarticulation of Vowels Following Palatalized Consonants]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], vol. 30, no. 1, pp. 122-130. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2024-30-1-122-130

Kuznetsov V.B., 2018. SG-koartikulyatsiya i mesto obrazovaniya soglasnogo v russkom yazyke. Dannye lokus uravneniy [CV-Coarticulation and Consonant Place of Articulation in Russian. Locus Equation Data]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University.

Humanitarian Sciences], iss. 6 (797), pp. 21-28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sg-koartikulyatsiya-i-mesto-obrazovaniya-soglasnogo-v-russkom-yazyke-dannye-lokus-uravneniy

Kuznetsov V.B., Bobrov N.V., 2019. Mesto obrazovaniya myagkikh soglasnykh i formantnye perekhody F2 vokalicheskogo okruzheniya v russkoy rechi [Articulation Place of Palatalized Consonants and F2 Formant Transitions of Surrounding Vowels in Russian Speech]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], iss. 11 (827), pp. 69-74. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-obrazovaniya-myagkih-soglasnyh-i-formantnye-perehody-f2-vokalicheskogo-okruzheniya-v-russkoy-rechi

Bladon A., Al-Bamerni A., 1976. Coarticulation Resistance in English /l/. *Journal of Phonetics*, vol. 4, iss. 2, pp. 137-150. DOI: https://doi.org/10.1016/S0095-4470(19)31234-3

Butcher A., Weiher E., 1976. An Electropalatographic Investigation of Coarticulation in VCV Sequences. *Journal of Phonetics*, no. 4, pp. 59-74. DOI:10.1016/S0095-4470(19)31222-7

Cho T., 2004. Prosodically Conditioned Strengthening and Vowel-To-Vowel Coarticulation in English. *Journal of Phonetics*, no. 32, pp. 141-176. DOI: 10.1016/S0095-4470(03)00043-3

Deme A., Bartók M., Gráczi T.E., Csapó T.G., Markó A., 2019. V-to-V Coarticulation Induced Acoustic and Articulatory Variability of Vowels: The Effect of Pitch-Accent. *INTERSPEECH*, September 15–19, 2019, Graz, Austria, pp. 3317-3321. URL: https://www.isca-archive.org/interspeech_2019/deme19_interspeech.pdf

Farnetani E., Vagges K., Magno-Caldognetto E., 1985. Coarticulation in Italian /VtV/ Sequences: A Palatographic Study. *Phonetica*, vol. 42, no. 2/3, pp. 78-99. DOI: 10.1159/000261740

Fowler C.A., 1981. Production and Perception of Coarticulation Among Stressed and Unstressed Vowels. *Journal of Speech and Hearing Research*, vol. 24, no. 1, pp. 127-139. DOI:10.1044/jshr.2401.127

Huffman M.K., 1986. Patterns of Coarticulation in English. *Journal of the Acoustical Society of America*, vol. 79, iss. S1, pp. S37-S37. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=SdBlcaAAAAAJ&citation_for_view=SdBlcaAAAAAJ:YsMSGLbcyi4C

Iskarous K., Kavitskaya D., 2010. The Interaction Between Contrast, Prosody, and Coarticualation in Structuring Phonetic Variability. *Journal of Phonetics*, no. 38, pp. 625-639. DOI: 10.1016/j.wocn.2010.09.004

Magen H.S., 1997. The Extent of Vowel-to-Vowel Coarticulation in English. *Journal of Phonetics*, no. 25, pp. 187-205. DOI: https://doi.org/10.1006/jpho.1996.0041

Mok P.K., 2011. Effects of Vowel Duration and Vowel Quality on Vowel-to-Vowel Coarticulation. *Language and Speech*, vol. 54, no. 4, pp. 527-544. DOI: https://doi.org/10.1177/0023830911404961

Narayan S., Illa A., Anand N., Sinisetty G., Narayan K., Ghosh P.K., 2021. An Acoustic Investigation on the Effect of Speaking Rate on Vowel Space and Coarticulation in Toda VCV Sequences. *Sedhane*, no. 46, p. 128. DOI: https://doi.org/10.1007/s12046-021-01639-8123456789

Nicolaidis K., 1999 The Influence of Stress on V-to-V Coarticulation: An Electropalatographic Study. *ICPhS99: San Francisco*, pp. 1087–1090. URL: https://www.internationalphoneticassociation. org/icphs-proceedings/ICPhS1999/papers/p14_1087.pdf

Ohman S., 1966. Coarticulation in VCV Sequences. *Journal of the Acoustical Society of America*, no. 39, pp. 151-168. DOI: 10.1121/1.1909864

Purcell E.T., 1979. Formant Frequency Patterns in Russian VCV Utterances. *Journal of the Acoustical Society of America*, no. 66, pp. 1691-1702. DOI: https://doi.org/10.1121/1.383641

Recasens D., 1989. Long Range Coarticulation Effects for Tongue Dorsum Contact in VCVCV Sequences. *Speech Communication*, no. 8 (4), pp. 293-307. DOI: https://doi.org/10.1016/0167-6393(89)90012-5

Recasens D., 2015. The Effect of Stress and Speech Rate on Vowel Coarticulation in Catalan Vowel – Consonant – Vowel Sequences. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, vol. 58, no. 5, pp. 1407-1424. DOI:10.1044/2015_JSLHR-S-14-0196

Roessig S., Winter B, Mücke D., 2022 Tracing the Phonetic Space of Prosodic Focus Marking. *Frontiers in Artificial Intelligence*, vol. 5. DOI: 10.3389/frai.2022.842546

Whalen D.H., 1990. Coarticulation Is Largely Planned. *Journal of Phonetics*, no. 18, pp. 3-35. DOI: https://doi.org/10.1016/S0095-4470(19)30356-0

Yun G., 2006. The Effects of Lexical Frequency and Stress on Coarticulation. *Berkeley Linguistics Society and the Linguistic Society of America*, vol. 32, no. 1. URL: https://journals.linguisticsociety.org/proceedings/index.php/BLS/article/view/3480/3181

Zellou G., Scarborough R., 2012. Nasal Coarticulation and Contrastive Stress. *INTERSPEECH, ISCA's 13th Annual Conference: Portland, OR, USA. September 9–13, 2012*, pp. 2686-2689. DOI: 10.21437/Interspeech.2012-667

Information About the Author

Sergey V. Batalin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, sbat_2009@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3435-9797

Информация об авторе

Сергей Васильевич Баталин, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия, sbat_2009@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3435-9797

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.2

UDC 81'27:911.37
LBC 81.006.2

Submitted: 13.10.2024
Accepted: 13.01.2025

CITY AS AN OBJECT OF MULTIDIMENSIONAL LINGUISTIC RESEARCH [1]

Vyacheslav I. Terkulov
Donetsk State University, Donetsk, Russia

Abstract. The work introduces the description of basic directions for a comprehensive study of a city as a linguistic entity: the onomastic direction, primarily aimed at revealing the linguacultural essence of the city name, and the linguistic proper, that determines the peculiarities of the lexicon, thesaurus and pragmaticon of the city and the linguistic personality of the city dweller as a character and the agent of the city text. The work uses a comprehensive methodology. It includes onomastic techniques, in particular techniques for determining the etiology and the origins of onyms, and linguistic techniques of continuous sampling, comparison, distributional and component analysis. As an example, the article describes the peculiarities of astionym analysis: its documentary and folklore syntagmatics, regarded as textual representation of territorial border determination, and paradigmatics, that reveals the specifics of its creation, reasons, and means of renaming (diachronic), formal and semantic variability in functioning at the current state of language development (synchronous). The study describes the means of personality identification and self-identification formation, which includes the use of the katoikonym, regarded as individual's regiolect features of speech. The paper gives a general definition to regional linguaculturemes: the local and the general-language ones. Application prospect of the research results is the creation of regional dictionaries: Associative Dictionary of Donbass, Dictionary of Donetsk Colloquialism, Dictionary of Miner's Slang, Dictionary of Donetsk Urbanonyms, Dictionary of Names of Donbass Cities, Dictionary of the Language of the Civil War in Donbass 2014–2021, Dictionary of Poetic Concepts in Donbass and Mental Map of the City of Donetsk. It is proposed to further describe the urbanonymicon of the city, the system of urban linguaculturemes, linguaculturemes of the war language, the peculiarities of languages functioning on the territory of Donetsk and the features of Donetsk texts.

Key words: text, city, regiolect, astionym, linguaculture, linguistic personality, katoikonym.

Citation. Terkulov V.I. City as an Object of Multidimensional Linguistic Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 17-28. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.2

УДК 81'27:911.37
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 13.10.2024
Дата принятия статьи: 13.01.2025

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ РАЗНОАСПЕКТНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ [1]

Вячеслав Исаевич Теркулов
Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия

Аннотация. Работа посвящена базовым направлениям комплексного исследования города как языковой сущности: ономастическому, выявляющему лингвокультурную природу названия города, и собственно лингвистическому, определяющему особенности лексикона, тезауруса, прагматикона города и горожанина как языковой личности – персонажа и носителя текста города. Применена комплексная методология, объединяющая ономастические методики установления этиологии и истории онимов и лингвистические методики сплошной выборки, сопоставления, дистрибутивного и компонентного анализа. В качестве примера рассмотрены принципы анализа астионима, его синтагматики (документальной и фольклорной), представляющей собой текстовую репрезентацию им границ городской территории, и парадигматики, констатирующей особенности его создания, причины и способы переименования (диахрония), формальную и семантическую вариативность при функционировании на актуальном срезе языка (синхрония). Охарактеризованы сред-

© Теркулов В.И., 2025

ства идентификации и самоидентификации личности горожанина, предполагающие использование ею и для нее катойконима, региолектных маркеров речи. Дана общая дефиниция региональных лингвокультурем: локальных и общеязыковых. Перспектива применения результатов исследования состоит в создании региональных словарей: «Ассоциативного словаря Донбасса», «Словаря донецкого просторечия», «Словаря шахтерского сленга», «Словаря донецких урбанонимов», словаря «Названия городов Донбасса», «Словаря языка гражданской войны в Донбассе 2014–2021 гг.», «Словаря поэтических концептов Донбасса» и «Ментальной карты города Донецка». В дальнейшем предполагается проведение исследования урбанонимикона города, системы городских лингвокультурем, лингвокультурем языка войны, особенностей функционирования языков на территории Донецка, донецких текстов.

Ключевые слова: текст, город, регионолект, астионим, лингвокультура, языковая личность, катойконим.

Цитирование. Теркулов В. И. Город как объект разноаспектного лингвистического исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 17–28. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.2

Введение

Идея города как текста возникла давно. Изначально речь шла о литературоведческой интерпретации описания города как событийного топоса в художественном произведении: говорят, например, о петербургском (ленинградском) тексте, имея в виду Санкт-Петербург (Ленинград) в художественных произведениях Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, С.Д. Довлатова и др. (см.: [Анциферов, 1991; Топоров, 2003; Существует ли..., 2005; и др.]), о московском тексте В.А. Гиляровского, М.А. Булгакова (см.: [Шурупова, 2011; Голубков, 2011; и др.]) и т. д. В сущности, в этом случае перед нами не столько текст города, сколько текст о городе.

Как текст культуры, как семиотическая сущность город впервые был интерпретирован Ю.М. Лотманом, который определял его как «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий. Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [Лотман, 1996, с. 282–283]. Мы согласны с теми исследователями, которые предполагают, что «каждый город формирует свой неповторимый, уникальный образ. Но лишь один образ города может создавать единство пространства и времени, создавать архетип. Это культурологический образ» [Кубанев, Набилкина, 2014, с. 6]. При таком понимании текста его компонентами становятся все культурные артефакты, так или иначе формирующие культурное пространство города: астионим, урбанонимикон, архитектура, градоустройство, речь горожан, литература о городе, городская живопись и т. д. Существует большое количество общетеоретических работ о городе как о тексте культуры (см., например: [Анисимов, 2018; Булыгина, 2017]) и исследований, в которых дается культурно-семиотическое описание конкретных городов, например Москвы [Москва и «московский текст»..., 1998], Санкт-Петербурга [Яранцев, 2016], Перми [Абашев, 2000], Ростова-на-Дону [Ревякина, Курьянов, 2023] и др.

В лотмановской концепции культура формируется и выступает как надстройка над языком: «культура включает в себя не только определенное сочетание семиотических систем, но и всю совокупность исторически имевших место сообщений на этих языках» [Лотман, 2002, с. 142]. В силу этого она представляет собой культурный текст как инобытие языковых текстов: культурное освоение действительности, по нашему мнению, – это процесс трансформации языковых текстов в тексты как языковых, так и неязыковых семиосистем. Культура в первую

очередь воплощается в языке, в языковых сущностях, то есть выступает как лингвокультура. Изучение этого аспекта городской семиотики комплексно не осуществлялось, хотя разные стороны языкового воплощения города рассматривались учеными: в аспекте астионимики и урбанонимики [Яковлева, 2011; Шмелева, 2020; и др.], в аспекте изучения особенностей регионолекта / городского просторечия [Колесов, 1991; Беляева, Трегубова, 2022; Харанутова, Мархеева, 2019] и т. д. Первым опытом реализации комплексного подхода к городу как языковой сущности была, пожалуй, наша монография «Донецкий регионолект» [Теркулов и др., 2018], хотя и он не лишен целого ряда недостатков, над устранением которых мы сейчас и работаем.

Объектом рассмотрения в статье является город как языковая сущность.

Цель статьи – представить комплексную модель исследования города как языковой сущности.

Материал и методы

В качестве материала избраны около 10 тысяч текстов разного объема и типа, представляющих собой литературные произведения о Донецке, тексты, собранные во время интервью, тексты СМИ о Донецке, тексты из соцсетей и т. д.

По нашему мнению, языковая сущность города формируется в следующих единицах и структурах:

1) астионим – заглавие текста города, определяющее границы текста; погруженность астионима в семантическое астионимное поле региона;

2) внутригородской топос: ментальная карта города, система официальных и неофициальных урбанонимов;

3) регионолект – совокупность регионально маркированных идиомов города;

4) языковая личность горожанина как читателя и носителя текста города;

5) система лингвокультурем города;

6) городские тексты.

Именно эти компоненты и определяют дорожную карту всестороннего исследования города Донецка как лингвистической сущности, проводимого кафедрой русского языка Донецкого государственного университета.

В предлагаемой статье нами описаны только два направления, каждое из которых имеет свой набор методов и методик.

Во-первых, это ономастическое направление, в основе которого лежат методики определения этиологии наименований, под которой мы вслед за Е.С. Отиным понимаем «причину называния, мотив первичной номинации объекта» [Отин, 2014, с. 8]. Например, название Донецка этимологически связано с названием реки Донец, но эта связь требует этиологических разъяснений, поскольку от Донецка до Донца около 100 километров. Кроме того, важным аспектом ономастического изучения Донецка является рассмотрение связанных с ним ономастиконов как некоторых лексических (лексико-семантических) единств – астионимного и урабанонимного ономастиконов Донбасса. Мы поддерживаем идею Д.Ю. Ильина о семантической связанности топонимов региона, о том, что «сохранение местной уникальности и дальнейшее развитие номинационных процессов, в том числе в сфере географических наименований, возможны, если в глобальном пространстве сохранится региональная специфика языковых знаков, отражающих местные обычаи, традиции и ценности жителей тех или иных территорий» [Ильин, Сидорова, 2023, с. 113].

Во-вторых, это собственно лингвистическое направление, изучающее особенности регионолекта с целью выявления донецких регионализмов (регионолектизмов и локализмов), для чего использовались методики сплошной выборки, сопоставления, дистрибутивного и компонентного анализа. Сюда же относится лингвокультурологическое направление, настроенное на определение инвариантных лексикона, тезауруса и прагматикона языковой личности горожанина. В этом направлении используются методы фреймового, нарративного, контент-анализа, метод лингвистической реконструкции культуры Н.И. Толстого (см.: [Халупо, 2014; Мечковская, 2004, с. 89–91]).

Результаты и обсуждение

Ономастическое направление исследований города

Вполне очевидно, что городской астионим является заглавием текста города, опре-

деляющим его границы и идентичность его персонажей – горожан. Город – это, в сущности, то, что обозначено астионимом. Следует при этом различать официальное (документальное) обозначение границ города, например в Государственном кадастре недвижимости, и неофициальные («фольклорные») номинации, которые часто не совпадают с текстово определенными кадастровыми границами. В повседневном общении для обозначения пограничных территорий используется дихотомия «это X (астионим)» – «это не X». Это своего рода синтагматика заглавия, определяющая границы текстового пространства. Например, для астионима *Донецк* (здесь и далее все примеры приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала):

(1) Виктория: Я тут прочитала у одной дамы пост, живущей на Университетской (дама не девочка), как они с мужем поехали в Пролетарский район, чисто свой кругозор расширить. Как **они никогда в жизни не думали, что это Донецк** (коренные дончане), и по ощущениям так и есть. Там было столько эпитетов от “окраина”, до “заброшенный район”, что я закрыла для себя ее записи. Ибо (ВКонтакте);

(2) Владислав: Виктория, на Петровку пусть съездят. :))) На Петровке, когда собираются на рынок на Текстильщик, говорят “**Поеду в Донецк**”. :)))) (ВКонтакте);

(3) Елена: Мне вообще сказали, что **Админпоселок – уже не Донецк**))) потому что “нечего к городу примазываться, никто из Донецка не знает, где это” (ВКонтакте).

Вариативность / синонимия отмечается не только на уровне синтагматики текста города, но и на уровне парадигматики: в диахронии как отражение процессов переименования города, а значит, и текста города, в синхронии как отражение либо противопоставления «документальное» – «фольклорное», либо обусловленной разными причинами вариативности наименования.

В истории Донецка отмечается пять астионимов, этиологию которых мы описали в [Теркулов, 2023]: *Юзово*, *Юзовка*, *Сталин*, *Сталино*, *Донецк*. Каждое из этих наименований определяло особенности восприятия города как его жителями, так и внеположенными ему гражданами. Следует сказать об особом сопряжении синхронной и диахронной перспектив астионимного варьирования. Условно можно считать, что указанные астионимы сменяют друг друга, однако на самом деле история их взаимоотношений значительно сложнее. Покажем это на примере первичных названий Донецка – *Юзовка* и *Юзово*.

На первом этапе, по нашим предположениям, высказанным в предыдущей работе, в 1871 г. возникло наименование станции *Юзово*, экстраполированное затем на город, вернее, населенный пункт неясного статуса, который в энциклопедии Брокгауза и Ефрона обозначается как посад. Посад представлял собой объединение поселков, расположенных на пути от станции к металлургическому заводу «Новороссийского общества каменноугольного, железного, стального и рельсового производства». При этом, на наш взгляд, именно название станции стало фактором, обеспечившим объединение этих поселков. На втором этапе возникает наименование *Юзовка*, которое выступает изначально как народно-разговорное наименование, а затем канонизируется и приобретает статус официального астионима, вытеснив первоначальное заглавие текста города на периферию, сделав его названием связанной с городом станции, то есть вернув ему изначальный статус [Теркулов, 2023, с. 29–37].

Такой вывод, который, конечно же, трудно считать беспрекословно верным, поскольку документальных свидетельств, описывающих особенности первичного именования и формирования города, у нас нет, поддерживается целым рядом факторов.

Во-первых, часто говорят о том, что *Юзово* изначально было исключительно названием станции, а *Юзовка* – посада, что противоречит действительности, в которой данные названия, по крайней мере на ранних этапах, использовались как вариантные с явной официальной доминантой именно названия Юзово. См., например, в рассказе А.С. Серафимовича «На заводе»:

(4) Вот, наконец, и **Юзово**. Небольшие, под черепицей, домики стоят необыкновенно тесно на нескончаемых улицах (Серафимович, с. 264).

В том же абзаце:

(5) **Юзовка** – это целый город с тридцатью с лишним тысячным населением (Серафимович, с. 264).

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона именно название Юзово определяется как основное:

(6) **Юзово** (**Юзовка**) – посад с упрощенным городским управлением, Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, при реке Кальмиусе и балке Скоморошке, на земле Новороссийского металлургического общества (ЭС, с. 327).

Трудно предположить, что возникшее еще в 1871 г. название станции *Юзово* никоим образом не повлияло на название города, который, действительно, называли не только *Юзово*, но и *Юзовка*. Появление второго названия объясняется тем, что в Донецке среди названий первичных поселков преобладают названия на *-ка*: *Александровка*, *Щегловка*, *Семёновка* и т. д. Даже те названия, которые первоначально не имели данного форманта, трансформируются: *Рутченково* в просторечии называется *Рутченковка*, *Петровский район – Петровка* и т. д. См., например:

(7) Главная улица **Рутченково** представляет собой симбиоз местной самодостаточности (здесь есть все, что нужно для жизни – от рынка до больницы) (Лавриненко, 2023);

(8) Наш Анатолий Ананченко с **Рутченковки** растерзал непробиваемых (Шпунт, 2016).

Во-вторых, такой путь номинации поддерживается особенностями формирования астионимного пространства Донбасса. Наши исследования показали абсолютную справедливость идей Д.Ю. Ильина о том, что «в региональной топонимике формируются особые связи, определяющие употребление данных онимов» [Ильин, 2010, с. 258]. Эти связи отражают способность региональных топонимов «вступать в парадигматические отношения, одним из проявлений которых являются тематические группы» [Ильин, Рыженко, 2013, с. 9].

Следует, правда, сказать о том, что и в названии региона сосуществуют документальная (точнее, геологическая) и фольклорная (точнее, социально-политическая) интерпретации синтагматики заглавия. Традиционно *Донбасс* – сокращение от *Донецкий бассейн* – отождествляют политически со всей территорией Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, хотя на самом деле геологически он объединяет только районы месторождений угля на территории Донецкого кряжа в центральной части Донецкой, южной части Луганской и западной части Ростовской областей Российской Федерации, а также в восточной части Днепропетровской области Украины.

Разграничение геологических Донбасса и не-Донбасса для нас значимо, поскольку данный регион как политическое образование формировался именно на базе геологического Донбасса, который создавался в конце XIX – начале XX в. как единый, экономически цельный регион: входящие в него города возникали сначала как села и поселки в течение всего лишь четырех веков. При этом только 5 поселений из 27, которые стали предтечами донецких городов, возникли в XVII–XVIII вв. (Макеевка, Авдеевка, Торез, Снежное, Селидово). Активно же населенные пункты формировались в период промышленного освоения Донбасса – в конце XIX и XX веке. Отметим, что ни один из них не создавался как город: это были шахтные или заводские поселения. Статус города они получили только в XX в.: первые – в 1917 г. (Юзовка и Макеевка), последний – в 1968 г. (Угледар). Важно то, что большинство из названий этих городов – станционные. Со станциями связывается начало истории Авдеевки, Амвросиевки, Волновахи, Горловки, Дебальцево и мн. др. Именно поэтому мы и предполагаем, что станция, а не завод Юза стала «градообразующим предприятием».

К 1924 г., правда, когда осуществлялось переименование Юзовки в Сталин, имя Юзово все-таки было уже закреплено за станцией, что следует из самого постановления о переименовании:

(9) Переименовать город **Юзовку** в город Сталин, округ Юзовский – в Сталинский и станцию **Юзово** Екатерининской железной дороги – в станцию Сталино (Декрет ЦИК СССР).

Интересна история и других астионимов Донецка: вариантов *Сталин* и *Сталино*, в конкуренции которых победило *Сталино*, поскольку упраздняло нежелательную омонимию с псевдонимом вождя мирового пролетариата (чего стоят только позывные Сталинской радиостанции: *Говорит Сталин!* – или

сообщения в газетах о *тунеядцах в Сталине* и т. д.), самого названия *Донецк*.

Название Донецк, возникшее в 1961 г., связано напрямую не с названием реки Северский Донец, а с названием Донецкой области, а возможно – Донецкого угольного бассейна. Как писал Е.С. Отин, «переименование в 1961 г. началось, по сути, с возвращения в топонимию Украины уже существовавшего ранее названия области, мотивированного названием Донецкий бассейн (сокращенно Донбасс). И уже на базе этого возвращенного названия области искусственно (на этот раз удачно) было образовано название ее центра – Донецк. Таким образом, этот процесс имел нетипичное – "обратное" направление: не область получила свое имя от административного центра (как в большинстве случаев типа: Киев → Киевская область, Харьков → Харьковская область и под.), а наоборот – имя ее центра "вычленилось" из структуры названия области. Механизм появления таких слов в лингвистике определяется термином "обратное словообразование" (или редеривация. – *В. Т.*)» [Отин, 2014, с. 57–58]. Иначе говоря, название города изначально было настроено на то, чтобы определить его как региональный социально-политический центр, что не могло не отразиться на особенностях идентификации и самоидентификации его жителей.

Регионалектное направление изучения города

О том, что личность является единственным объективным «пространством» языка, писали многие лингвисты. Следует согласиться, например, с А. Мартине, определявшим язык как «совокупность миллионов микромиров» [Мартине, 2000, с. 18] говорящих на нем личностей. Носителем текста города при таком подходе становится горожанин, выступающий как языковая личность: он одновременно находится во власти текста города и порождает его. Она впитывает в себя локальные тезаурус и прагматикон, регионалектную систему (регионалектный лексикон), но в то же время и создает, используя этот лексикон, тексты, воплощая в них данные тезаурус и прагматикон. Эта языковая личность идентифицирует себя и идентифицируется другими как горожанин. Самоидентификация и идентификация осуществляется двумя путями: 1) использованием катойконима; 2) регионалектным модусом речевой деятельности.

Катойконим

Абсолютно объяснимо использование для самоидентификации катойконима. Донецкие катойконимы имеют некоторые особенности. Во-первых, их три: *дончанин*, *донецкий*, *донетчанин*, а во-вторых, они используются не только как астионимные (жители Донецка), но и как хоронимные катойконимы (жители Донбасса), что в целом связано с особенностями формирования астионима Донецк: это, как было сказано выше, не город на р. Северский Донец, а город в Донбассе, в Донецкой области. Во втором случае *дончанин*, *донецкий*, *донетчанин* – это житель именно Донецкой области.

Главным катойконимом для жителя города Донецка является *дончанин*, хоть часто и говорят о том, что это неправильно, поскольку *дончанин* – это «житель казачьего Дона»:

(10) **Дончанин** – все **таки** некорректно будет, те кто живут на берегу Дона наверняка себя тоже именуют дончанами (Интересное.ме).

Иногда предполагается, что дончанин – это житель Донецка, а донетчанин – Донетчины, то есть Донбасса:

(11) Алексей Мироненко 02.04.2016. 47: Житель Донецка – **дончанин**, житель Донетчины – **донетчанин** (Интересное.ме).

Однако правильно определение катойконима *донетчанин* как украинизма:

(12) Тарас Денис 02.04.2016: **Донеччанин** це взагалі українською (Интересное.ме).

Именно так воспринимается это слово жителями Донецка. Даже те, кто уехал из Донецка, поправляют использующих данный катойконим:

(13) Правильно говорить **Дончанин**, но ни как не **ДонЕТчанин**!!! (Sport.ua).

Слово *донецкие* используется обычно украинской стороной в пейоративном значении. См., например:

(14) «**Донецкие**» и вправду вошли в историю независимой Украины обособленной формацией («Быдло» и люди...).

Слово *донецкие* обычно связывают с таким представлением жителей региона:

(15) От многих воняет потом и грязью. Некоторые уже настолько пьяны, что их не пропускают в магазин такие же грязные и агрессивные охранники. В общем, это ужасная картина и ужасное мироощущение. Вы хотите узнать что такое ад? Добро пожаловать в Донецк в субботу вечером! И не забудьте потом проголосовать за Януковича – олицетворение всего этого быдла (Донецк для быдла).

Кстати, дончане стали использовать это слово в мелиоративном значении:

(16) Первый трамвай производства ДНР под названием «**Я – Донецкий**» представили сегодня, 20 августа, на Донецком электротехническом заводе (Украина.ру).

Вполне возможно, что в этом случае субстантив *донецкие* является отсылкой к субстантиву *русские*.

Донецкий регионолект

Как известно, языковая личность представлена тремя уровнями языкового воплощения – лексиконом, тезаурусом и прагматиконом.

Лексикон воплощен в регионолекте (об особенностях нашего представления о регионолекте см.: [Теркулов и др., 2018]). Мы предполагаем, что это не какой-то особый идиом в структуре национального языка, а целостная регионально маркированная организация языка. Как отмечал В.И. Беликов, «регионально в лексике все: частные жаргоны – региональны, общий жаргон (он же сленг) также регионален, просторечие, которое определяется в учебниках примерно как внерегиональная ненормативность городской речи диалектного происхождения, – тоже регионально. Региональные черты несут на себе и другие варианты субнормативного словаря – от детской лексики до мата. Региональна и норма. А почему бы ей не быть региональной: Россия не Андорра и даже не Дания» (цит. по: [Грищенко, 2015, с. 11]).

Региональность языковой организации определяется использованием в речи регионализмов – единиц и структур, которые отличают данный регионолект от других. Регионализмы представлены двумя разновидностями единиц: регионолектизмами, то есть словами, отмечаемыми в ряде регионолектов, но не входящими в общенациональный фонд (например, *брасматик* «тушь для ресниц», которое есть и в Харькове, Одессе, Хабаровске, Владивостоке, но абсолютно неизвестно в других регионах распространения русского языка), и локализмами, которые бытуют только в отдельных регионолектах (например, донецкое *кайбаш* «сарай»).

Донбасс – территория позднего заселения: нашу землю А. Блок назвал «русской Америкой». Сюда приезжали люди из разных земель, что сформировало особое состояние русского языка здесь. Как писал А. Фадеев, жители Донбасса говорят на том смешанном наречии, «которое образовалось от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов» (Фадеев). В отличие от регионолектов исконных территорий, формировавшихся на основе говоров, донецкий регионолект возникает как диффузный, в котором объединяются факты собранных в Донбассе языковых стихий. При этом основа донецкой речи русская. Например, произношение [γ] фрикативного является очевидной чертой донецкой речи. Несмотря на убежденность многих в украинской природе этого звука, мы предполагаем для него иные источники: в украинском языке отмечается корреляция [γ] и **оканья**, корреляция же [γ] и **аканья** отмечается в южнорусской диалектной зоне, и это выступает как одно из свидетельств того, что «подложкой» донецкого регионолекта является именно южнорусская речь. Системной базой донецкой речи являются русская фонетика, русская лексика, русская грамматика. Украинские единицы отмечаются только как вкрапления. При этом они корректируются по русским языковым образцам. Например, донец-

кое *халабуда* пришло из украинского языка, где оно обозначает «ветхое жилье». У нас же эта лексема значит «шалаш в детских играх».

Общей тенденцией современного развития является унификация языка под влиянием литературной нормы. Сохранение же регионализмов свидетельствует об их особой значимости для тезауруса и прагматикона региолекта. Таковы слова, пришедшие из шахтерского сленга, например *тормозок* «продуктовый набор на работу, в школу, в университет и т. д. или в дорогу». Большинство источников определяют это слово как шахтерское:

(17) Могу подтвердить, что это слово широко применялось у шахтеров Донбасса. Я сам оттуда родом, мой дед был шахтером, часто слышал это слово в детстве, спрашивал, почему так называется (ВКонтакте).

Это не просто другое название продуктового набора. Это реализация в сознании дончан связи с шахтерским трудом: в 70-е – 80-е гг. практически в каждой семье были горняки.

Иначе говоря, сохранение регионализмов объясняется тем, что они являются знаками региональных лингвокультурем. Впрочем, лингвокультурные коннотации часто связываются и со словами общенационального фонда. Таковы, например, лингвокультуремы *роза* (здесь это не просто цветок, а символ Донецка), *террикон* (это не просто отвал пустой породы, но донецкая гора, часть донецкого ландшафта). Эти лингвокультуремы являются поэтически значимыми и отражаются в художественных текстах. Например, для *террикон*:

(18) Я – эта земля и ее **терриконы** (Долгарева);

(19) В степи застыли исполины **Терриконы** (Сигида);

(20) Окоемы, окоемы / в бородавках **терриконов** (Русанов).

Область применения результатов

Логическим завершением исследования города как лингвистической сущности является выпуск серии региональных словарей. Мы уже подготовили к печати «Ассоциативный словарь Донбасса», собираются «Словарь донецкого просторечия», «Словарь шахтерского сленга», «Словарь донецких урбанонимов», словарь «Названия городов Донбасса», «Словарь языка гражданской войны в Донбассе 2014–2021 гг.», «Словарь поэтических концептов Донбасса» и «Ментальная карта города Донецка». В статье же мы представляем промежуточные результаты исследования с той целью, чтобы при обсуждении выявить «слабые места» программы комплексного лингвистического исследования Донецка. Вполне очевидно, что такое обсуждение станет основанием для формирования программ лингвистического изучения других городов России.

Заключение

Предложенное описание дает только приблизительное представление об особенностях комплексного анализа текста города как лингвистической сущности. Мы лишь констатировали, что все проявления языка в городском пространстве – от астионима до художественных текстов – работают на формирование лингвокультурной «подложки» текста города как семиотической сущности. В дальнейших исследованиях предполагается рассмотреть урбанонимикон города, систему городских лингвокультурем и лингвокультурем языка войны, особенности функционирования языков на территории Донецка, донецкие тексты.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование проведено по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

The research was conducted on the topic of the state assignment “Structural and functional parameters of the existence and development of the Russian language of the 20th – 21st centuries in its regiolect and general linguistic aspects” (State registration No. 124051400024-1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашев В. В., 2000. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 404 с.

Анисимов Н. О., 2018. Город в дискурсе семиотики // Juvenis Scientia. № 12. С. 33–35. DOI: https://doi.org/10.32415/jscientia.2018.12.09

Анциферов Н. П., 1991. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб. : Лениздат. 227 с.

Беляева М. Ю., Трегубова Е. Н., 2022. Метеостихия и природа Кубани в лексикографическом описании регионолекта. Славянск-на-Кубани : [б. и.]. 260 с.

Булыгина Т. А., 2017. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. № 3. С. 82–95. DOI: https://doi.org/10.23683/2500-3224-2017-3-82-95

Голубков М. М., 2011. Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике М.А. Булгакова // Филологическая регионалистика. № 1 (5). С. 7–17.

Грищенко А. И., 2015. Русский язык современных городов, или Слова, которых нет // Сборник информационных материалов по итогам проведения IV Недели русского языка, российского образования и культуры для российских соотечественников и иностранных граждан в Финляндии, 7–11 декабря 2015 года, г. Лаппеэнранта, Хельсинки. М. : [б. и.]. С. 10–16.

Ильин Д. Ю., 2010. Структура функционально-семантического поля топонимов в языке региона // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 12. С. 255–259.

Ильин Д. Ю., Рыженко А. Ю., 2013. Функциональные особенности семантики ойконимических наименований регионального топонимикона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (18). С. 8–14.

Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2023. Специфика номинаций географических объектов как отражение общенационального и регионального компонентов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 112–124. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.8

Кубанев Н. А., Набилкина Л. Н., 2014. Город как культурологический феномен в русской, американской и западноевропейской литературе. Шуя : Шуйс. фил. ИвГУ. 223 с.

Колесов В. В., 1991. Язык города. М. : Высш. шк. 190 с.

Лотман Ю. М., 1996. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Яз. рус. культуры. 464 с.

Лотман Ю. М., 2002. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Акад. проект. 543 с.

Мартине А., 2000. Предисловие // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене. С. 18–21.

Мечковская Н. Б., 2004. Семиотика : Язык. Природа. Культура : курс лекций. М. : Академия. 432 с.

Москва и «московский текст» русской культуры : сб. ст., 1998. М. : РГГУ. 224 с.

Отин Е. С., 2014. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк : Юго-Восток. 199 с.

Ревякина Н. П., Курьянов Н. А., 2023. «Город как текст» (на материале города Ростов-на-Дону) // Русский лингвистический бюллетень. № 7 (43). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.30

Существует ли Петербургский текст? : сб. ст., 2005. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 402 с.

Теркулов В. И., 2023. История донецких астионимов // Вестник Донецкого национального университета. № 2. С. 28–46.

Теркулов В. И., Курмакаева Н. П., Мозговой В. И. и др., 2018. Донецкий регионолект. Донецк : Фолиант. 265 с.

Топоров В. Н., 2003. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. СПб. : Искусство. 612 с.

Халупо О. И., 2014. Методы и подходы к исследованию лингвокультурного материала // Вестник Челябинского государственного университета. № 10 (339). С. 139–143.

Харанутова Д. Ш., Мархеева Т. В., 2019. Регионализмы забайкальского регионолекта: лексико-семантический и словообразовательный аспекты. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т. 144 с. DOI: https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1433-4-2019-1-144

Шмелева Т. В., 2020. Глава 6. Стилистика городского ономастикона как фактор креативности // Лингвистика креатива – 5. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. С. 342–362.

Шурупова О. С., 2011. Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. № 1. С. 97–102.

Яковлева Е. А., 2011. Филологическая урбанология: новые аспекты изучения города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6-2. С. 771–774.

Яранцев В. Н., 2016. Читать Петербург: город как текст // Евразийский научный журнал. № 10. С. 297–304.

ИСТОЧНИКИ

«Быдло» и люди. Платон Беседин – о беженцах, виновниках и жертвах войны в Донбассе. 2015. 19 янв. URL: https://svpressa.ru/society/article/110223/

ВКонтакте : соц. сеть. URL: https://vk.com/

Декрет ЦИК СССР о переименовании города Юзовки. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7563#RHzqDiUugLhEDxeD2

Долгарева А. Уезжают навсегда // Рулит. URL: https://www.rulit.me/books/uezzhayut-navsegda-read-695470-3.html

Донецк для быдла. 2011. 25 сент. URL: https://oles2011.livejournal.com/68901.html

Интересное.ме : портал. URL: https://interesnoe.me/view/content/upd/90409251

Лавриненко А. Прогулки по Донецку – 2: Рутченково. Ворота в город // Имена Донбасса. Летопись. 2023. URL: https://letopis.donbass-name.ru/progulki-po-donecku-2-rutchenkovo-vorota-v-gorod

Русанов В. Вальс обреченных // Выбор Донбасса. URL: https://fb2.top/vybor-donbassa-488662/read/part-33

Серафимович А. С. На заводе // Открытие страны огня. Донецк : Донбасс, 1978. С. 259–275.

Сигида А. Терриконы безумия // Одуванчик. URL: https://oduvan.online/literatura/stixi/vremya-donbassa-aleksandr-sigida-ml/

Украина.ру. URL: https://ukraina.ru

Фадеев А. А. Молодая гвардия // Litres. URL: https://www.litres.ru/book/aleksandr-aleksandrovich-fadeev/molodaya-gvardiya-139742/chitat-onlayn/

Шпунт В. Донецкие фанаты // Проза.ру. 2016. URL: https://proza.ru/2023/04/21/938

ЭС – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. : [б. и.], 1904. Т. XLI (81). 586 с.

Sport.ua : портал. URL: https://sport.ua/news/317731-shahter-dinamo-5-intrig-matcha

REFERENCES

Abashev V.V., 2000. *Perm kak tekst. Perm v russkoy kulture i literature XX veka* [Perm as a Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta. 404 p.

Anisimov N.O., 2018. Gorod v diskurse semiotiki [City in the Discourse of Semiotics]. *Juvenis Scientia*, no. 12, pp. 33-35. DOI: https://doi.org/10.32415/jscientia.2018.12.09

Antsiferov N.P., 1991. *«Nepostizhimyy gorod...». Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina* ["Incomprehensible City..." Soul of St. Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. Pushkin's St. Petersburg]. Saint Petersburg, Lenizdat. 227 p.

Belyaeva M.Yu., Tregubova E.N., 2022. *Meteostikhiya i priroda Kubani v leksikograficheskom opisanii regiolekta* [Meteorological Geography and the Nature of Kuban in the Lexicographic Description of the Regional Dialect]. Slavyansk-on-Kuban, s.n. 260 p.

Bulygina T.A., 2017. Gorod i ego prostranstvo: popytka istoricheskogo izmereniya [City and Its Space: Attempt at Historical Measurement]. *Novoe proshloe* [New Past], no. 3, pp. 82-95. DOI: https://doi.org/10.23683/2500-3224-2017-3-82-95

Golubkov M.M., 2011. Misticheskiy pisatel. Moskva i «moskovskiy tekst» v modernistskoy estetike M.A. Bulgakova [Mystical Writer. Moscow and the "Moscow Text" in the Modernist Aesthetics of M.A. Bulgakov]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regionalism], no. 1 (5), pp. 7-17.

Grishchenko A.I., 2015. Russkiy yazyk sovremennykh gorodov, ili Slova, kotorykh net [Russian Language of Modern Cities, or Words That Do Not Exist]. *Sbornik informacionnykh materialov po itogam provedeniya IV Nedeli russkogo yazyka, rossiyskogo obrazovaniya i kultury dlya rossiiskikh sootechestvennikov i inostrannykh grazhdan v Finlyandii, 7–11 dekabrya 2015 goda, g. Lappeenranta, Helsinki* [Collection of Information Materials on the Results of the 4th Week of the Russian Language, Russian Education and Culture for Russian Compatriots and Foreign Citizens in Finland, December 7–11, 2015, Lappeenranta, Helsinki]. Moscow, s.n., pp. 10-16.

Ilyin D.Yu., 2010. Struktura funktsionalno-semanticheskogo polya toponimov v yazyke regiona [Structure of the Functional and Semantic Field of Toponyms in the Language of the Region]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 12, pp. 255-259.

Ilyin D.Yu., Ryzhenko A.Yu., 2013. Funktsionalnye osobennosti semantiki oykonimicheskikh naimenovaniy regionalnogo toponimikona [Functional Features of the Semantics of Oikonymic Names of Regional Toponymicons]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (18), pp. 8-14.

Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2023. Spetsifika nominatsiy geograficheskikh obyektov kak otrazhenie obshchenatsionalnogo i regionalnogo komponentov [Specificity of Nominating the Geographical Objects: The Reflection of National and Regional Components]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 112-124. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.8

Kubanev N.A., Nabilkina L.N., 2014. *Gorod kak kulturologicheskiy fenomen v russkoy,*

amerikanskoy i zapadnoevropeyskoy literature [City as a Cultural Phenomenon in Russian, American and Western European Literature]. Shuya, Shuys. fil. IvGU. 223 p.

Kolesov V.V., 1991. *Yazyk goroda* [Language of the City]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 190 p.

Lotman Yu.M., 1996. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 464 p.

Lotman Yu.M., 2002. *Statyi po semiotike kultury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. Saint Petersburg, Akad. proekt Publ. 543 p.

Martine A., 2000. Predislovie [Preface]. Vaynrayh U. *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Weinreich W. Language Contacts. State and Problems of Research]. Blagoveshchensk, BGK im. I.A. Boduena de Courtene, pp.18-21.

Mechkovskaya, N.B., 2004. *Semiotika: Yazyk. Priroda. Kultura: kurs lektsiy* [Semiotics: Language. Nature. Culture: Course of Lectures]. Moscow, Akademiya Publ. 432 p.

Moskva i «moskovskiy tekst» russkoy kultury: sb. st. [Moscow and the "Moscow Text" of Russian Culture. Collection of Articles], 1998. Moscow, RGGU. 224 p.

Otin E.S., 2014. *Proiskhozhdenie geograficheskikh nazvaniy Donbassa* [Origin of the Geographical Names of Donbass]. Donetsk, Jugo-Vostok Publ. 199 p.

Revyakina N.P., Kuryanov N.A., 2023. «Gorod kak tekst» (na materiale goroda Rostov-na-Donu) [City as a Text" (Based on the Material of the City of Rostov-on-Don)]. *Russkiy lingvisticheskiy byulleten* [Russian Linguistic Bulletin], no. 7 (43). DOI: https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.30

Sushhestvuet li Peterburgskij tekst?: sb. st. [Is There a St. Petersburg Text? Collection of Articles], 2005. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 402 p.

Terkulov V.I., 2023 Istoriya donetskikh astionimov [History of Donetsk Astyonyms]. *Vestnik Doneckogo natsionalnogo universiteta* [Bulletin of Donetsk National University], no. 2, pp. 28-46.

Terkulov V.I., Kurmakaeva N.P., Mozgovoy V.I. et al., 2018. *Donetskiy regiolekt* [Donetsk Regiolect]. Donetsk, Foliant Publ. 265 p.

Toporov V.N., 2003 *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: izbr. tr.* [St. Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works]. Saint Petersburg, Iskusstvo Publ. 612 p.

Khalupo O.I., 2014. Metody i podkhody k issledovaniyu lingvokulturnogo materiala [Methods and Approaches to the Study of Linguocultural Material]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], no. 10 (339), pp. 139-143.

Kharanutova D.Sh., Markheeva T.V., 2019. *Regionalizmy zabaykalskogo regiolekta: leksiko-semanticheskiy i slovoobrazovatelnyy aspekty* [Regionalisms of the Trans-Baikal Regionolect: Lexico-Semantic and Word-Formation Aspects]. Ulan-Ude, Buryat. gos. un-t. 144 p. DOI: https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1433-4-2019-1-144

Shmeleva T.V., 2020. Glava 6. Stilistika gorodskogo onomastikona kak faktor kreativnosti [Chapter 6. Stylistics of the Urban Onomasticon as a Factor of Creativity]. *Lingvistika kreativa – 5* [Linguistics of Creativity-5]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, pp. 342-362.

Shurupova O.S., 2011. Moskovskiy tekst russkoy literatury i ego geroi [Moscow Text of Russian Literature and Its Heroes]. *Russkaya rech*, no. 1, pp. 97-102.

Yakovleva E.A., 2011. Filologicheskaya urbanologiya: novye aspekty izucheniya goroda [Philological Urbanology: New Aspects of the Study of the City]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University], no. 6-2, pp. 771-774.

Yarantsev V.N., 2016. Chitat Peterburg: gorod kak tekst [Read Petersburg: City as a Text]. *Evraziyskiy nauchnyy zhurnal* [Eurasian Scientific Journal], no. 10, pp. 297-304.

SOURCES

«Bydlo» i lyudi. Platon Besedin – o bezhentsakh, vinovnikakh i zhertvakh voyny v Donbasse ["Cattle" and People. Platon Besedin – About Refugees, Perpetrators and Victims of the War in Donbass], 2015, Jan. 19. URL: https://svpressa.ru/article/110223

VKontakte: sots. set [VKontakte. Social Network]. URL: https://vk.com

Dekret CIK SSSR o pereimenovanii goroda Juzovki [Decree of the Central Executive Committee of the USSR on Renaming the City of Yuzovka]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7563#RHzqDiUugLhEDxeD2

Dolgareva A. Uezzhajut navsegda [They Leave Forever]. *Rulit*. URL: https://www.rulit.me/books/uezzhayut-navsegda-read-695470-3.html

Donetsk dlya bydla [Donetsk Is for the Cattle], 2011, Sept. 25. URL: https://oles2011.livejournal.com/68901.html

Interesnoe.me: portal. URL: https://interesnoe.me/view/content/upd/90409251

Lavrinenko A. Progulki po Donecku – 2: Rutchenkovo. Vorota v gorod [Walking in Donetsk-2: Rutchenkovo. Gates to the City]. *Imena Donbassa. Letopis* [Names of Donbass. Chronicle], 2023. URL: https://letopis.donbass-name.ru/progulki-po-donecku-2-rutchenkovo-vorota-v-gorod/

Rusanov V. Vals obrechennyh [Waltz of the Doomed]. *Vybor Donbassa* [Choice of Donbas]. URL: https://fb2.top/vybor-donbassa-488662/read/part-33

Serafimovich A.S. Na zavode [At the Factory]. *Otkrytie strany ognya* [Discovery of the Land of Fire]. Donetsk, Donbass Publ., 1978, pp. 259-275.

Sigida A. Terrikony bezumija [Slagheaps of Madness]. *Oduvanchik* [Dandelion]. URL: https://oduvan.online/literatura/stixi/vremya-donbassa-aleksandr-sigida-ml/

Ukraina.ru. URL: https://ukraina.ru

Fadeev A.A. Molodaja gvardija [The Young Guard]. *Litres*. URL: https://www.litres.ru/book/aleksandr-aleksandrovich-fadeev/molodaya-gvardiya-139742/chitat-onlayn/

Shpunt V. Donetskie fanaty [Donetsk Fans]. *Proza.ru* [Proze.ru], 2016. URL: https://proza.ru/2023/04/21/938

Enciklopedicheskij slovar Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, s.n., 1904, vol. XLI (81). 586 p.

Sport.ua: portal. URL: https://sport.ua/news/317731-shahter-dinamo-5-intrig-matcha

Information About the Author

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language, Donetsk State University, Donetsk, Russia, terkulov@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-0418-4260

Информация об авторе

Вячеслав Исаевич Теркулов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия, terkulov@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-0418-4260

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3

UDC 81'27:911.37
LBC 81.006.2

Submitted: 14.08.2024
Accepted: 13.01.2025

MEDIA IMAGE OF NON-CENTRAL TERRITORY IN RUSSIAN MEDIA

Nikolay L. Shamne
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina V. Milovanova
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article features the peculiarities of non-central territory media image objectification in the Russian language, viewed within the framework of the general opposition "centre – non-centre". The authors have distinguished synonymous series of units, which nominate the territory within the right part of the opposition. As a result, the media image of a non-central territory is defined as a hyperonym that includes the hyponymous media images *glush*, *gluhoman'*, *zaholust'e*, *periferiya*, *provinciya*, *glubinka.* A number of discursive features are identified. They form a media image of a non-central territory in media texts. Certain patterns in the named features representation within the framework of hyponymous media images are revealed, which in general enables determination of a hyperonymous media image structure. The variety of key linguistic means that constitute the media image of a non-central territory is determined. A conclusion is drawn about the specifics of non-central territory image formation in the media space of Russian mass media. It is based on the opposition "center – non-centre": designation of Russian/foreign space; actualization of the peculiarities of the subject's presence in a given territory and events; indication of an indefinite distance from the conventional center; processes of multidirectional movement (to and from the center); nomination of the subject according to the type of activity, occupation, social parameters and corresponding objects and attributes; characteristics of the territory; indication of processes of social exclusion; opposition to the center.

Key words: media image, non-central territory, opposition, synonymous series, discursive features.

Citation. Shamne N.L., Milovanova M.V. Media Image of Non-Central Territory in Russian Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 29-43. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3

УДК 81'27:911.37
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 14.08.2024
Дата принятия статьи: 13.01.2025

МЕДИАОБРАЗ НЕЦЕНТРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ В РОССИЙСКИХ СМИ

Николай Леонидович Шамне
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Васильевна Милованова
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей объективации в русском языке медиаобраза нецентральной территории в рамках общей оппозиции «центр – не центр». Приведен синонимический ряд единиц, номинирующих территорию в рамках правой части оппозиции; в результате медиаобраз нецентральной территории понимается как гипероним, включающий медиаобразы-гипонимы *глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *периферия*, *провинция*, *глубинка*. Выделен ряд дискурсивных признаков, формирующих в текстах СМИ медиаобраз нецентральной территории. Выявлены закономерности репрезентации дискурсивных признаков в рамках медиаобразов-гипонимов, что в целом позволяет определить структуру медиаобраза-гиперонима. Установлен круг ведущих языковых средств медиаобраза нецентральной территории. Сделан

© Шамне Н.Л., Милованова М.В., 2025

вывод о специфике формирования в медиапространстве российских СМИ образа нецентральной территории, в основе которого лежит оппозиция «центр – не центр»: обозначение российского / зарубежного пространства; актуализация особенностей пребывания субъекта на данной территории и событийности; указание на неопределенно удаленное расстояние от условного центра; процессы разнонаправленного перемещения (в центр и из него); номинирование субъекта по роду деятельности, занятиям, социальным параметрам и соответствующих объектов, атрибутов; квалификация территории; указание на процессы социальной эксклюзии; оппозитивность центру.

Ключевые слова: медиаобраз, нецентральная территория, оппозиция, синонимический ряд, дискурсивные признаки.

Цитирование. Шамне Н. Л., Милованова М. В. Медиаобраз нецентральной территории в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 29–43. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3

Введение

Проблема объективации в средствах массовой информации тех или иных образов применительно к человеку и к тому, что его окружает, продолжает оставаться актуальной в различных областях гуманитарного знания, поскольку напрямую связана с развитием общества и с существованием человека в обществе.

Как подчеркивает Ю.Р. Горелова, образ отражает сущностные черты чего-либо, «процесс формирования образа всегда связан с концентрацией, сгущением определенных представлений» [Горелова, 2019, с. 19]. В научной литературе существуют различные подходы к трактовке понятия «образы в СМИ». В ряде работ они трактуются как медиаобразы – «феномены, порожденные СМИ» [Ланцевская, 2015, с. 102]. Отдельные ученые предлагают рассматривать медиаобразы в широком и узком смысле, включая в узкое понимание только тексты профессиональных журналистов, в широкое – все, что создается в медиапространстве [Галинская, 2013]. Другие авторы характеризуют медиаобраз через соотношение с понятием имиджа, полагая, что образы в СМИ формируются стихийно, а имидж конструируется сознательно [Сидорская, 2021], либо через выделение двух вариаций внутренней формы термина «медиаобраз» – «образ в медиа» (особенности формирования) и «образ через медиа» (особенности восприятия) [Драчева, 2019, с. 136].

Наиболее изученными в лингвистике являются медиаобразы политических лидеров, часто медиаобразы описываются на материале политического дискурса [Корженева, 2013]. Помимо конкретных политических деятелей, ученые обращаются к рассмотрению более сложных медиаобразов, например пространственного характера – образа государства, страны, столицы и др. Отметим, что из медиаобразов применительно к территории, наиболее охарактеризованы образ страны (в отечественной лингвистике это медиаобраз России) [Endreva, 2022; Громова, 2016; Орлова, 2012; и др.] и образ города (как правило, крупного) [Васильева, Мымрина, 2016]. Имеются отдельные исследования, посвященные изучению образов регионов, но они связаны прежде всего с социокультурными аспектами, например с проблемой формирования «медиаэстетического кода региона» [Симакова, Кваша, 2023], в меньшей степени описаны особенности их языковой репрезентации. В указанных и других работах медиаобразы страны рассматриваются на материале отечественных и зарубежных СМИ.

Медиаобраз малых городов и всего того, что находится за пределами центра или крупных городов, не получил должного отражения в науке. В частности, не рассматривались вопросы, связанные с объективацией в языке медиаобраза нецентральной территории.

Рассматривая такое сложное образование, как медиаобраз нецентральной территории, и особенности его восприятия носителями языка, можно привести высказывание известного социолога, градостроителя Кевина Линча применительно к образу города: «все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте» [Линч, 1982, с. 15]. Однако, несмотря на субъективные представления человека о ка-

ком-либо пространстве, существуют общие для большинства членов социума представления о пространственных объектах, сформированные во многом под воздействием СМИ.

Понятие нецентральной территории выделяется прежде всего по отношению к понятию центральной территории. В научной литературе гуманитарной сферы обычно приводится оппозиция «центр – периферия», поскольку периферия в самом общем виде (безотносительно территории) – это внешняя, противопоставленная центру часть чего-либо. Мы считаем, что применительно к территории данную оппозицию целесообразно обозначать как «центр – не центр», поскольку территория, противопоставленная центру, может иметь ряд других номинаций.

В данной статье рассмотрим объективацию в текстах СМИ медиаобраза нецентральной территории. Ранее мы уже проводили анализ отдельных лексем, номинирующих нецентральную территорию, в аспекте актуализации в текстах СМИ категорий социальной эксклюзии, инклюзии [Шамне, Милованова, 2023]. Однако нам представляется целесообразным остановиться на языковых особенностях объективации в текстах СМИ медиаобраза нецентральной территории в целом, что позволит установить структуру данного образа, выделить сходства и различия в семантике репрезентирующих его лексем и тем самым глубже охарактеризовать сложившиеся в обществе представления о данном феномене.

Материал и методы

Оппозиция «центр – не центр» применительно к территории описана в научной литературе фрагментарно. В исследованиях левая часть оппозиции – центр – представлена такими городами, как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск и др. (см., например: [Горелова, Межевикин, 2016]). Правая часть оппозиции – не центр – изучена в меньшей степени, выделяется ряд работ, описывающих провинцию в культурологическом аспекте, в работах ученых-лингвистов провинция характеризуется в лексикографическом и аксиологическом аспектах [Паршина, Иванян, 2020].

В фокусе нашего внимания – оппозитивный компонент «не центр», который представлен ключевыми единицами *глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *периферия*, *провинция*, *глубинка*.

Материалом исследования послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – газетный подкорпус; выборка проводилась без учета разделения на центральные и региональные СМИ. На указанном фактическом материале устанавливаются контексты употребления названных единиц, коллокации. С целью определения круга лексем, обозначающих территорию не центра, привлекались данные словарей синонимов русского языка.

Анализ примеров с ключевыми лексемами из газетного подкорпуса НКРЯ позволил выделить ряд дискурсивных признаков, составляющих медиаобраз нецентральной территории, и языковые модели, их репрезентирующие.

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – структурно-семантического, контекстуального анализа, элементы компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Для обозначения нецентральной территории в рамках оппозиции «центр – не центр» в русском языке, согласно словарям синонимов, можно выделить несколько синонимических рядов. Так, в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой выделяются синонимические ряды с доминантами *захолустье* и *периферия*:

Захолустье, провинция, трущоба, глушь, глухомань.

Периферия, провинция, глубинка (разг.) (Александрова, с. 191, 372).

Обратим внимание, что лексема *провинция* входит в оба синонимических ряда.

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой также содержится два синонимических ряда, однако в качестве доминант выступают *глушь* и *периферия*:

Глушь, глухомань, захолустье, дыра (разг.), *трущоба* (разг.), *медвежий* (или *волчий*) *угол* (или *край*) (разг.) (Евгеньева, т. 1, с. 236).

Периферия, провинция, глубинка (Евгеньева, т. 2, с. 141).

Некоторые ученые объединяют единицы, обозначающие нецентральную территорию, в три синонимических ряда. Так, в «Словаре синонимов и антонимов современного русского языка» под редакцией А.С. Гавриловой выделены следующие ряды:

Захолустье, провинция, трущоба, глухомань; дыра, болото, тьмутаракань; глушь, глухое место, глухая провинция; медвежий угол; уединение (через точку с запятой даются синонимы во вторичном значении).

Глубинка, периферия.

Периферия, провинция, глубинка (Гаврилова, с. 75, 119, 236).

Лексема *провинция* входит в два ряда, однако автор не считает ее синонимом лексемы *глубинка*.

Исходя из того, что определяющим признаком внутри оппозиции «центр – не центр» (территориальный аспект) является признак пространственной приближенности / удаленности [Шамне, Милованова, 2023], целесообразным представляется выделение следующих синонимических рядов:

Глушь, глухомань, захолустье.

Периферия, провинция, глубинка.

В первом ряду с точки зрения удаленности от центра единицей с самым общим значением является лексема *глушь*; единица *глухомань* выступает в усилительном значении по сравнению с лексемой *глушь*. Единица *захолустье* может объективировать относительную удаленность в рамках какого-либо пространственного объекта (например, район города), а также указывать на определенную степень запущенности.

Во втором ряду наиболее общее значение оппозиции центру имеет лексема *периферия*. Единица *провинция*, выражая удаленность от центра, может иметь дополнительные смысловые оттенки, указывающие на особенности обозначаемого пространства (территории). Единица *глубинка* появилась в языке в советскую эпоху, она репрезентирует большую степень удаленности по сравнению с другими единицами синонимического ряда. Одним из первых лексикографических источников, где зафиксирована лексема *глубинка*, является «Словарь новых слов русского языка» под редакцией Н.З. Котеловой: «глубинка – 1. Удаленный от центра район, поселение (в разг. речи)» (Котелова, с. 179). Как отмечал Ю.А. Бельчиков, «характерным для советской эпохи стало образование новых слов в результате соединения или объединения литературно-книжных и разговорных (в частности, народно-разговорных) элементов. Правда, от этого процесса больше выигрывает народно-разговорная речь, чем литературная, но и литературная речь пополняется такого рода новообразованиями. См., например: *беспризорник*, *боевитость*, *глубинка*, *теребильщик*, *юнгштурмовка*, *стиляга*» [Бельчиков, 1965, с. 4].

Поскольку в центре нашего исследования медиаобраз нецентральной территории, с целью его описания мы объединили лексемы в рамках правой части оппозиции в один синонимический ряд: *глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *периферия*, *провинция*, *глубинка*. В приведенный ряд мы не включили другие единицы, представленные в указанных синонимических словарях, поскольку они не только обозначают нецентральную территорию, но и выражают аксиологические признаки, а также являются устойчивыми сочетаниями или выступают в переносном значении.

Результаты анализа фактического материала исследования позволили выделить дискурсивные признаки, формирующие определенный медиаобраз-гипероним нецентральной территории, включающий медиаобразы-гипонимы «глушь», «глухомань», «захолустье», «периферия», «провинция», «глубинка». Данные признаки могут быть конститутивными (объективируют существенные признаки обозначаемой территории) и дистинктивными (указывают на специфические, характерные признаки).

Конститутивный признак «собственно территориальные характеристики» содержательно включает в себя административные, географические параметры применительно к российскому либо зарубежному пространству. Это может быть общее обозначение пространства либо указание на конкретную локацию. Лексемы исследуемого синонимического

ряда по-разному объективируют территориальные характеристики. Востребованной моделью выступает модель «$Adj_t + N_{nc}$» (оттопонимическое прилагательное в сочетании с существительным, номинирующим нецентральную территорию). Эта модель широко представлена с единицами *глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *глубинка*, причем отмечено следующее соотношение в рамках объективации российского и зарубежного пространства (за 100 % принято количество примеров, реализующих данную модель): *глушь* – примерно 40 и 60 % соответственно; *глухомань* – 50 и 50 %; *захолустье* – 20 и 80 %; *глубинка* – 75 и 25 %: *сибирская*, *якутская*, *дальневосточная*, *пермская*, *иркутская*, *австралийская*, *тосканская*, *аквитанская*, *шведская*, *индийская*, *канадская*, *техасская*, *датская*, *финская* (глушь); *уральская*, *сибирская*, *уссурийская*, *восточногерманская*, *критская*, *американская* (глухомань); *сибирское*, *британское*, *американское*, *калифорнийское*, *мексиканское*, *андалузское* (захолустье); *приморская*, *сибирская*, *ямальская*, *китайская*, *американская*, *иранская* (глубинка).

Как свидетельствуют примеры, российское пространство представляет собой территории, находящиеся за Уралом, то есть достаточно удаленные от центра. В единичных случаях отмечены территории Центральной России, юга России, севера и северо-запада: *карельская*, *башкирская*, *саратовская* (глушь); *костромская* (глухомань); *пензенское* (захолустье); *кубанская*, *брянская* (глубинка).

Приведенная модель не характерна для единицы *периферия*.

Лексема *провинция* при объективации зарубежной территории выражает значение административно-территориальной единицы в ряде зарубежных государств (*итальянские*, *испанские провинции* и т. д.), поэтому в рамках зарубежного пространства нами не рассматривалась. Применительно к российской территории данная единица употребляется с адъективами *русская* и *российская*, выражая обобщенное значение нецентральной территории в рамках оппозиции «центр – не центр»: *Заезжаем в Саратов – замечательный город-представитель* ***русской провинции*** (НКРЯ: Парламентская газета, 2018.11); *В июле впервые состоится Плёсский спортивный фестиваль с марафоном бегунов, веломарафоном и гребной регатой, организованный музейным комплексом «Потаённая Россия», стремящийся открыть красоту* ***русской провинции****, которая не ограничивается сугубо спортивными мероприятиями* (НКРЯ: Парламентская газета, 2017.05); «*Используя бренд Урюпинска как символа* ***российской провинции****, мы бы могли разместить здесь площадку для обсуждения проблем малых городов России», – предложил Городняков* (НКРЯ: Vesti.ru, 2011.08).

В приведенных и аналогичных им примерах речь идет преимущественно о территориях Поволжья, причем, как правило, отмечена конкретизация территории: приводится астионим.

В похожем, обобщенном значении в фактическом материале представлено частотное сочетание *российская глубинка*: *Илзе Лиепа назвала способ разглядеть дарование в* ***российской глубинке*** (НКРЯ: Известия, 2018.09); *При этом известно, что именно* ***российская глубинка*** *богата талантами* (НКРЯ: Парламентская газета, 2019.03).

Менее востребована для выражения территориальных характеристик модель «$N_{nc} + N_t$» (существительное, номинирующее нецентральную территорию в сочетании с топонимом в родительном падеже). Модель представлена преимущественно в контекстах с единицами *захолустье* и *периферия*, при этом обозначенная территория составляет часть более обширной территории: *захолустье Казани*; *периферия Московской области*, *Архангельской области*, *Москвы*, *Минска*.

Немногочисленны контексты, в которых зафиксировано указание на конкретную локацию (топоним), в таких примерах отмечены все единицы рассматриваемого синонимического ряда: *Его злобно ругали: «Зачем нам Кострома? Кто туда поедет в эту* ***глушь****? Что повезём оттуда?»* (НКРЯ: Vesti.ru, 2010.07); *А Тольятти? Этот город даже по российским меркам считается* ***провинцией*** (НКРЯ: Известия, 2002.10); *В* ***глубинке****, в маленьком городке под названием Данилов, что между Ярославлем и Вологдой, завершился пятидневный фестиваль моноспек-*

таклей... (НКРЯ: Известия, 2017.09); *«Кто спрашивает, где мы живём? А, в Глушково, так это же* ***глухомань*** *– соответствовать должны. Хорошо, что есть такая программа губернаторская, теперь у нас будет свет»* (НКРЯ: Vesti.ru, 2014.09); *Он родился и прожил всю жизнь в забытом богом* ***захолустье****, в крохотном городишке Сенигаллия на берегу Адриатики* (НКРЯ: Коммерсант, 2008.03); *Адыгея пока не является центром великих научных открытий, однако и здесь, на* ***периферии****, ученые занимаются изысканиями мирового значения* (НКРЯ: Советская Адыгея, 2015.11).

Таким образом, все лексемы синонимического ряда объективируют как российское, так и зарубежное пространство нецентральной территории, однако лексема *провинция*, обозначая зарубежное пространство, указывает на административно-территориальное деление. Единицы *захолустье* и *периферия* отмечены в контекстах, указывающих на часть более обширной территории.

Следующий конститутивный признак – «событийно-экзистенциальные характеристики» – актуализирует особенности существования, бытования субъекта на данной территории (пребывание, обитание), а также происходящие на этой территории события (событийность). В самом общем виде указание на пребывание (обитание) реализуется в модели «$V + N_{nc\ (Loc)}$» (глагол в сочетании с единицей, номинирующей нецентральную территорию в предложном падеже). Названную модель объективирует в фактическом материале преимущественно единица *глушь*, а также лексемы *глухомань*, *захолустье*: *обитать в глуши*, *родился и рос в глуши*, *находиться, жить в глуши*; *вырос в глухомани*; *родился и прожил в захолустье* и др. Пребывание может быть конкретизировано и представлено следующими дистинктивными признаками:

– «занятие / работа / творчество»: *собирать грибы*, *пасти овец*, *ездить на рыбалку*, *писать, сочинять песни* (глушь); *служить* (глухомань); *пить*, *валять дурака* (захолустье). Приведем отдельные примеры: *Так что лучше всего собирать грибы в* ***глуши*** (НКРЯ: Аргументы и факты, 2004.08); *Сам Кинг любит Мэн не только за идеальные декорации для триллеров: только в этой дремучей* ***глуши*** *он может спокойно писать, не боясь назойливых фанатов* (НКРЯ: Коммерсант, 2020.06); *Своего во всем бескрайнем Водлозерье нет. Говорят, служить в такой* ***глухомани*** *– подвиг. Немногие способны, желающих не найти* (НКРЯ: Vesti.ru, 2004.08); *Основное занятие белозубых молодцов – пить, валять дурака, задирать мрачных копов, обнимать смазливых девчонок и летать по дорогам американского* ***захолустья*** *на своем «Додже» 1969 года* (НКРЯ: Коммерсант, 2005.10);

– «изоляция / уединение»: *отсидеться*, *скрыться*, *забраться*, *затеряться*, *отдыхать*, *искать забвения*, *уединяться* (глушь); *прятаться* (захолустье). Здесь наблюдается вариация модели «$V_r + N_{nc\ (Loc)}$», так как преобладают возвратные глаголы, в единичных случаях отмечены глагольно-именные сочетания с семантически значимым существительным, которые также могут быть трансформированы в конструкцию с возвратным глаголом (например, *искать забвения – забыться*): *Потом эта идеальная пара скрылась в* ***глуши****, в деревне и прожила там много лет* (НКРЯ: Коммерсант, 2005.09); *Потом память к нему вернулась, а следом за ней прибыло ФБР, резонно рассудившее, что, если американец, получив невинную в общем-то бумагу, инсценирует свою гибель и прячется в* ***захолустье*** *под чужим именем, стало быть, с этим американцем не все ладно* (НКРЯ: Ведомости, 2002.07);

– «бесцельность / бессмысленность»: *томиться*, *гробить жизнь*, *спиться* (глушь); *прозябать* (глухомань). Приведем примеры: *И то, что под новый год Берда уже не было в Ростове, вполне подтверждает эту легенду – «гробить жизнь в этой* ***глуши*** *за вторую половину что-то не хочется»* (НКРЯ: Известия, 2003.04); *На поверку столичная «суперстар» оказывается бледненькой актрисой-неудачницей, вечной ведущей корпоративных пьянок, а многообещающий заказ – розыгрышем ее бывшего мужа, еще менее удачливого актера Михаила (Анатолий Ященко), который благополучно спился в* ***глуши*** (НКРЯ: Коммерсант, 2008.08); *Рядовой гвардейского десантного полка, во времена оны бравшего Берлин,*

а теперь прозябающего в страшной ***глухомани****, бок о бок с вонючим свинарником, превратился в девушку* (НКРЯ: Известия, 2002.12).

В единичных случаях на особенности пребывания указывают другие единицы синонимического ряда: *«В* ***глубинке*** *газеты читают более активно, чем в среднем по России, так как присутствие интернета в этих населенных пунктах далеко не 100 %», – согласна она* (НКРЯ: Коммерсант, 2020.11); *Кто оживит российскую* ***провинцию****. В провинциальных городах еще сохранился узкий слой людей, которые искренне и деятельно стремятся вдохнуть жизнь в местную среду, наполнить ее смыслом и затормозить отток населения* (НКРЯ: Ведомости, 2020.08).

Событийность эксплицирована в контекстах с единицами *провинция*, *глубинка*, *периферия*; для других единиц (*глушь*, *глухомань*, *захолустье*) такого рода контексты не репрезентативны. Модели, в которых реализуется данный конститутивный признак, вариативны, однако главным компонентом выступает так называемая событийная номинация (отдельная единица либо сочетание): *открытие музея*, *строительство гольф-клуба*, *конкурс* и др. Установлены отдельные особенности: в рамках нецентральной территории, обозначаемой существительным *провинция*, событийность относится преимущественно к сфере культуры, досуга (гастроли столичных театров, выставки, фестивали, концерты, конкурсы, соревнования); существительное *периферия* обозначает не центр, в котором событийность связана прежде всего с социальной сферой (благоустройство, дороги и др.); *глубинка* – с культурной и социальной сферами (развитие детских школ искусств, открытие музея, открытие лечебницы и др.). Приведем примеры: *Неоднократно подчеркивая его особый статус – конкурса российской* ***провинции*** (НКРЯ: Vesti.ru, 2010.04); *Губернии выходят на авансцену. В российской* ***провинции*** *тоже идет строительство гольф-объектов* (НКРЯ: Коммерсант, 2007.06); *Открытие музея, единственного музея Дзержинского в России, – свидетельство того, что культурная жизнь есть не только в больших городах вроде Москвы и Санкт-Петербурга, но и в российской* ***глубинке****, где люди с уважением и трепетом относятся к истории своей малой родины* (НКРЯ: Парламентская газета, 2017.09); *Причем можно понять инвесторов в* ***глубинке****, которые построили отели и хотят, не имея постоянного потока туристов, заработать* (НКРЯ: Парламентская газета, 2017.07); *Мы стали делать благоустройство, грейдирование, подсыпку дорог именно на* ***периферии*** (НКРЯ: Байкальские Вести, 2013.03); *Прошедший год отмечен и таким важным событием, как начало строительства телефонных станций спутниковой связи на* ***периферии****, что очень актуально для республики, в которой 100–150 отдаленных населенных пунктов, имеющих только радиосвязь с остальным миром* (НКРЯ: «Олекма» (Олекминский район, Республика Саха (Якутия), 2006.04).

В отдельных случаях событийность выражается обобщенно посредством модели «$(Adj + N)_{event}$»: *литературная*, *культурная жизнь*, *театральный ландшафт* (российской провинции).

Конститутивным признаком, близким к признаку «событийно-экзистенциальные характеристики», можно считать признак «пространственно-дистантные характеристики». Он включает дистинктивные признаки «разнонаправленное перемещение» (из обозначаемого пространства / в обозначаемое пространство), «определенность / неопределенность расстояния». Анализ фактического материала показал следующее.

Модель, актуализирующая разнонаправленное перемещение, представлена вариациями «$V_{mov} + N_{nc\leftarrow}$» (перемещение в) и «$V_{mov} + N_{nc\rightarrow}$» (перемещение из).

Вариация «$V_{mov} + N_{nc\leftarrow}$» отмечена в контекстах применительно к нецентральной территории, обозначаемой прежде всего единицами *глушь*, *глухомань*, в такого рода случаях речь может идти о добровольном (цель, желание) либо вынужденном (не по своей воле, обстоятельства и др.) перемещении: *Забраться в какую-нибудь* ***глушь****, куда Макар телят не гонял, и забыть обо всем на свете, на неделю* (НКРЯ: Vesti.ru, 2002.07); *Много раз соседи угрожали Меа Сон смертью – она продавала дом и уезжала в очередную* ***глушь***

(НКРЯ: Аргументы и факты, 2004.07); *Поэтому люди, которые живут в святости, бегут от этой суеты куда-нибудь в* ***глушь*** (НКРЯ: Аргументы и факты, 2005.10); *Но очередное открытие, сделанное неугомонными курганцами, заставило ученых медиков со всего мира зачастить с визитами в эту российскую* ***глухомань*** (НКРЯ: Аргументы и факты, 2003.05); *В самом селе и рядом с ним жили так называемые спецпереселенцы – те, кто попал под раскулачивание и был выслан в уральскую* ***глухомань*** (НКРЯ: Аргументы и факты, 2008.05). В рамках образа глуши отмечена частотность прецедентного текста (с различными трансформациями) *в деревню*, *в глушь*, *в Саратов*.

Вариация «V_{mov} + $N_{nc\rightarrow}$» (перемещение из, с), как правило, в большинстве случаев представлена в примерах с единицами *захолустье*, *периферия* (*вырваться из*, *выбраться из*, *покинуть* и др.): *А главная ее мечта – вырваться из этого провинциального* ***захолустья*** *и поехать учиться в Нью-Йорк...* (НКРЯ: Известия, 2018.03); *Приехали в Москву из своего* ***захолустья*** *на заработки* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2005.01); *Это следствие других глобальных процессов: в крупные города переселяются жители* ***периферии****, но и приехавшие раньше не уезжают* (НКРЯ: Ведомости, 2020.01); *Сидели как-то пили с сотрудницами чай, и одна из них рассказала историю о девушке, которая приезжает с* ***периферии*** *в большой город, чтобы любой ценой пробиться в высшее общество* (НКРЯ: Комсомольская правда, 2011.04). Вариация «V_{mov} + $N_{nc\leftarrow}$» реализуется в примерах, где речь идет прежде всего о вынужденном перемещении субъекта, реже – с целью уединения: *Северянин, любивший уединяться от славы в эстонском* ***захолустье*** *близ Нарвы, оказался там в день провозгла-шения независимости этой террито-рии, никогда прежде государственно-стью не обремененной* (НКРЯ: Парламентская газета, 2014.05); *Из крупных городов, где за порядком следят активнее, попрошаек выдавливают на* ***периферию*** (НКРЯ: Парламентская газета, 2016.05).

Оба вида перемещения актуализированы в контекстах с лексемой *глубинка*: *По его словам, в малых городах необходимо развивать и инфраструктуру, и рабочие места, «потому что не секрет, что сейчас из* ***глубинки*** *идет отток молодежи»* (НКРЯ: Парламентская газета, 2021.06); *Сегодня НДФЛ не облагаются единовременные компенсации в один миллион рублей педагогам и врачам, уезжающим работать в* ***глубинку*** (НКРЯ: Парламентская газета, 2020.03).

Дистинктивный признак определенности расстояния от центра (удаленность) в контексте выражают количественные числительные, причем расстояние всегда указывается от какого-либо локализатора, выступающего в роли центрального ориентира (условного центра), в данном случае представлена модель «Num + N_c(T)» (количественное числительное в сочетании с топонимом – номинацией условного центра). Такого рода примеры не являются репрезентативными и отмечены преимущественно с единицей *глушь*: *В конце декабря 1898 года его выслали в самую* ***глушь*** *– село Кайгородское, 400 верст севернее Нолинска...* (НКРЯ: Независимая газета, 2007.10).

В большей степени в фактическом материале находит отражение неопределенность расстояния (от условного центра), маркером неопределенности выступают местоимения *такая*, *какая* (*глушь*, *глухомань*) и местоименные наречия *где-то*, *куда-то* (*глубинка*), выполняющие функцию усиления значения удаленности, нецентральности: *Ферма была в* ***такой глуши****, что проще было проявить смекалку и сделать что-то самому, чем нанимать специалистов или ехать за оборудованием* (НКРЯ: Ведомости, 2019.02); *Тебя все разыскать не мог. В* ***какую*** *ты* ***глушь*** *забрался! Мы еще выпили на радостях* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2000.03); *Местные Хароны берут недорого – кто ж поедет в* ***такую глухомань*** (НКРЯ: Известия, 2002.04); *И* ***куда-то*** *в* ***глубинку*** *зимой никто не поедет* (НКРЯ: Известия, 2016.10). Для других рассматриваемых единиц данный признак не является репрезентативным.

Следующий конститутивный признак «характеристика субъекта» тесно связан с событийно-экзистенциальными характеристиками. Так, субъект может быть номинирован с точки зрения рода деятельности, занятий, возраста, местожительства, убеждений, соци-

альных параметров, политических процессов, в качестве субъекта может выступать конкретная личность, номинируемая именем собственным. Наибольшее количество примеров, в которых объективируется субъект нецентральной территории, содержит лексему *глубинка*. Отметим, что характеристика субъекта по роду деятельности, занятий и возрасту представлена в контекстах со всеми единицами синонимического ряда: *хореограф*, *фермер*, *художник*, *шофер*, *целительница*, *бабулька* (глушь); *пожарник*, *хирург*, *паренек*, *самородок* (глухомань); *фермер*, *парикмахер*, *молодцы* (захолустье); *судьи*, *дирижер*, *хоккеист*, *девушки* (периферия); *ученые*, *кулибины*, *дети* (провинция); *учителя*, *тренер*, *охотники*, *туристы*, *дети* (глубинка).

Характеристика субъекта по его убеждениям отмечена преимущественно в примерах с единицами *глухомань*, *глубинка* (*староверы*, *мистики*); социальные параметры зафиксированы в контекстах с лексемами *провинция*, *глубинка* (*пенсионеры*, *предпенсионеры*, *золушки*, *обычные люди*, *простой мужик* и др.); в примерах с единицей *глухомань* представлена номинация субъекта по местожительству (*курганцы*, *самарец*), а также с точки зрения политических параметров (*спецпереселенцы*). Кроме того, зафиксированы контексты с субъектом-антропонимом – преимущественно в контекстах с лексемой *глушь*: *переводчик Петер Урбан*, *художник Николай Полисский*, *Челентано*, *Альберт Филозов* и др.

Конститутивный признак «характеристики объекта-атрибута» включает дистинктивные признаки, указывающие на принадлежность к определенной сфере. Наибольшую экспликацию данный признак получил в рамках образа глубинки: в качестве объектов-атрибутов, которые номинируются именными сочетаниями либо отдельными существительными, отмечены *аптеки*, *банно-прачечные услуги*, *дома престарелых*, *автолавки*, *дома-памятники*, *колония*, *метеостанция*, *погранзастава*, *садово-огородное товарищество*, *художественные промыслы*, *музей*, *ЧОП*, *сельпо*, *лечебница* и др., то есть прежде всего объекты-атрибуты социального характера.

В целом наблюдается следующая закономерность. В единичных примерах указанный признак представлен в контекстах с единицами *глушь*, *глухомань* (*брошенная земля*, *покосившийся туалет*, *старый деревянный барак*), выражая прежде всего малолюдность, запустение. При обозначении нецентральной территории единицей *захолустье* объекты-атрибуты в контексте указывают на запущенность, заброшенность, однообразность (*одна бензоколонка*, *бараки*, *черные избы*, *ухабы*, *дореволюционное здание*, *серые будни*). В контекстах с лексемой *провинция* выражены характеристики объекта-атрибута, связанные преимущественно со сферой культуры (*региональные журналы*, *джаз*, *театры*, *клубный бизнес*, *музеи*, *мощная культурная жизнь*), в отдельных случаях – со сферой бизнеса (*букмекерская сеть*, *аукционные дома*); лексема *периферия* зафиксирована в контекстах с объектами-атрибутами культурной сферы, народного творчества (*музеи*, *театры*, *мусорные галереи*): *В селе Ополье Владимирской области меня учили делать мухоморы из старых тазиков. «Краску берешь половую, красную. Таз переворачиваешь и все замазываешь жирно, потом белой краской делаешь блямбы. И – на пенек». Таких грибочков по всей России – легион… Для меня, человека командировочного, это вообще характерный признак российской* ***провинции****. Эдакий сюр а-ля рюс* (НКРЯ: Коммерсант, 2013.07).

Следующий выделенный нами конститутивный признак – «квалитативные характеристики обозначаемой территории» – отражает указание на какие-либо особенности. Как правило, данный признак выражен адъективами, реже наречиями (в единичных случаях – абстрактными существительными), содержащими оценку, соответственно выделены дистинктивные признаки положительной, негативной и амбивалентной квалитативности: глушь – *прекрасная*, *похожая на праздничный пряник*, *романтическая*, *живописная*, *непролазная*, *редкостная*, *запредельная*, *комариная*, *бездорожная*; глухомань – *непролазная*, *невероятная*, *труднодоступная*; захолустье – *унылое*, *тупое*, *обывательское*, *глухое*, *малонаселенное*, *глубокое*, *безнадежно дотационное*, *полное*, *нелепо*, *неторопливо*; провинция – *глухая*, *многострадальная*, *вызывающая очарование*, *добрая*, *теплая*; глубинка – *самобытная*, *колоритная*, *богата*

талантами, *неторопливая*, *чистая*, *родная*, *экономически безнадежная*.

Таким образом, в квалитативном аспекте существительные *провинция*, *глубинка* выражают преимущественно положительную оценку, обозначая территории, вызывающие положительные чувства и эмоции, в том числе сочувствие, а также имеющие большой потенциал; *глухомань*, *захолустье* выражают преимущественно отрицательную оценку, обозначая территории с плохой, неразвитой инфраструктурой и однообразной монотонной жизнью; существительное *глушь* отличается амбивалентностью: с одной стороны, оно характеризует территорию положительно (в какой-то степени гиперболизированно), с другой – отрицательно, аналогично *глухомани*. Для единицы *периферия* указанный признак не является репрезентативным.

Конститутивный признак «социальная эксклюзия» в самом общем виде указывает на некие исключения из должного положения дел применительно к нецентральной территории. Данный признак представлен дистинктивами «труднодоступность» (глушь, глухомань, захолустье), «отсутствие инфраструктуры» (глушь, глухомань, захолустье, глубинка), «заброшенность» (захолустье), «отсутствие возможностей» (глушь, периферия), «социально-экономические проблемы (провинция, глубинка). Единицы *глушь*, *глухомань*, *захолустье* в большей степени демонстрируют удаленность от центра; *периферия*, *провинция*, *глубинка* – ограниченные возможности, по сравнению с центром: *Мобильный в такой* ***глуши*** *не работает, и случись что – врача не вызовешь* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2001.06); *А тут – деревня Рыжевка, костромская* ***глухомань****, куда и проехать-то невозможно: дороги нет* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2004.11); *В свою очередь, член комитета Госдумы по транспорту Александр Васильев выступил против отмены самостоятельной подготовки: «А если гражданин живет где-нибудь в* ***захолустье****, вдалеке от автошкол – как ему готовиться?»* (НКРЯ: Коммерсант, 2012.04); *Несмотря на большую популярность сельской ипотеки, пока её могут позволить себе далеко не все россияне, живущие на* ***периферии*** (НКРЯ: Парламентская газета, 2021.02); *Но какими бы они ни были, трагедия высветила проблемы отечественной психиатрии, здравоохранения в целом и разруху в российской* ***провинции*** (НКРЯ: Ведомости, 2013.04); *Если потенциальный абитуриент, талантливый молодой человек живет в* ***глубинке****, у него нет интернета, но он хочет учиться, что ему делать?* (НКРЯ: Vesti.ru, 2020.05). Отметим, что для выражения обозначенного признака востребованной является отрицательная конструкция в различных ее вариациях.

В фактическом материале исследования отмечены контексты, в которых объективируется собственно оппозиция «центр – не центр». Конститутивный признак противопоставленности / сопоставленности (по отношению к центру) могут выражать в контексте различные пары оппозитов. Так, оппозитами лексем рассматриваемого синонимического ряда (за исключением лексемы *глухомань*) выступают прежде всего единицы *центр* и *столица* (*столицы*) либо астионимы *Москва*, *Санкт-Петербург* (*Питер*), при этом в качестве частотных отмечены оппозиции «центр – периферия», «Москва – провинция / глубинка».

Оппозит *центр* может конкретизироваться за счет квалификации величины (*крупный*), а также административно-территориальных характеристик (*федеральный*, *областной*, *региональный*, *районный* и др.), социокультурных характеристик (*культурный*, *исторический*).

Среди других оппозитов выделяются единицы, номинирующие крупные административно-территориальные объекты: *город* (противопоставляется всем ключевым единицам), *мегаполис* (противопоставляется лексемам *глушь*, *периферия*, *провинция*), *метрополия* (единице *периферия*); при этом лексема-оппозит *город* является частотным противопоставлением преимущественно лексемам *захолустье*, *периферия*, *глубинка*, сочетаясь, как правило, с квалификатором *крупный* (в единичных случаях с приложением – *город-миллионник*). Вместо обобщенной единицы *город* в контексте могут быть представлены определенные астионимы (*Иркутск*, *Оренбург*, *Саранск*, *Нью-Йорк*); оппозиция может также выстраиваться посредством сопоставления субъектов: *богатые*

брокеры с Уолт-стрит – фермеры из сельской глуши; *москвичи – бабушка*, *таловская целительница из глуши / жители захолустья*; *обитатели мегаполисов – сельчане в глуши*.

Описываемый конститутивный признак может быть реализован в градуальных оппозициях, что характерно в большинстве случаев для единицы *периферия*, а также единицы *захолустье*. В такого рода контекстах речь идет о внутригородском пространстве, обобщенно противопоставление можно представить как «центр (города) – периферия (города) / захолустье (окраина)». В фактическом материале в качестве репрезентантов города отмечены различные астионимы (*Москва*, *Рязань*, *Челябинск*, *Воронеж*, *Новосибирск* и др.), репрезентантов внутригородского пространства – урбанонимы (*Сретенский бульвар – захолустье на окраине города*).

В фактическом материале исследования представлено также противопоставление / сопоставление образа жизни либо условий (преимущественно контексты с лексемой *глушь*, в меньшей степени – с лексемами *захолустье*, *провинция*, *глубинка*). Оппозитами лексем, называющих не центр, выступают следующие единицы и сочетания: *суета* (как большое количество движений, действий и т. п.), *шум*, *рестораны*, *красивая жизнь*, *каменные джунгли*, *блеск и мишура*, *пятизвездочный отель*, *ночные клубы*, *удобные офисы* и др.).

Конститутивный признак «противопоставленность / сопоставленность (по отношению к центру)» представлен в контексте различными моделями, в основе которых лежат конструкции с союзами *а*, *и... и*, *или*; предлогами, выражающими противоположные направления: *из – в* (*на*); *с – на*. Приведем отдельные примеры: *Из столицы в деревенскую* ***глушь*** *вынуждена была перебраться москвичка, вдова ветерана войны* (НКРЯ: Vesti.ru, 2015.10); *Смертельная инфекция стремительно шагает по стране. Коронавирус не выбирает, столица или* ***глубинка****. Вот Мурманская область* (НКРЯ: Vesti.ru, 2020.05); *Залы кажутся совершенно безликими, будто бы находятся не на Сретенском бульваре, а в каком-то* ***захолустье*** *на окраине города* (НКРЯ: Коммерсант, 2007.11).

В рамках репрезентации рассматриваемой оппозиции применительно к единице *провинция* отмечена следующая особенность. Провинция может выступать не только в качестве обозначения места, территории (как в большинстве примеров с другими единицами синонимического ряда), но и в качестве субъекта (не центра), который сопоставляется с другим субъектом – центром, тем самым подчеркивается своего рода самостоятельность, самодостаточность провинции: *Российская* ***провинция*** *всегда отличалась от центра не только уровнем жизни, но и уровнем культурного обслуживания* (НКРЯ: Известия, 2001.08); *Российская* ***провинция*** *всегда ковала кадры для столицы...* (НКРЯ: Известия, 2019.09); *Мегаполисы, будь то Санкт-Петербург, Москва, Казань, относятся скорее к глобальному миру, а* ***провинция*** *хранит российскую культуру* (НКРЯ: Ведомости, 2012.08).

В результате анализа фактического материала были выявлены отдельные факты стереотипизации рассматриваемых медиаобразов, которые могут сопровождаться также идеализацией, в большей степени такие контексты отмечены в рамках образов глуши, глухомани, провинции. Глушь описывается, например, через стереотипы экологически чистой территории с первозданной природой, уютными фермами; глухомань – через стереотипы заснеженности, домиков с наличниками, церквей, особых людей, скуки и пьянства в военных гарнизонах; провинция – через народные семейные традиции: *Если вы живете в настоящей* ***глуши****, среди нетронутой природы, и до ближайшей автодороги вам ехать два дня на собаках – пейте на здоровье, не отравитесь* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2003.11); *И рисуют такую картину: ферма в* ***глуши****, тепло и уют* (НКРЯ: Ведомости, 2012.12); *Сюжет строится на том, что безымянная ОНА – стервозная столичная штучка (на деле недавняя провинциалка) – едет с тайной, но явно мафиозной миссией в русскую заснеженную* ***глухомань****, переполненную наличниками, ампиром и церквями* (НКРЯ: Известия, 2001.11); *Все разговоры о том, что в гарнизонах господствует скука, что там пьянки беспрерывные и склоки... ну, это имело место, наверное, где-нибудь в* ***глухомани****, но*

Чкаловский – военный аэродром, оттуда Горбачева в 1991 году забирали и туда привезли, там такие самолеты стоят... (НКРЯ: Коммерсант, 2001.10); ***Глухомань*** *произвела на Сурикову сильное впечатление: «Здесь живут поразительные люди»* (НКРЯ: Аргументы и факты, 2000.01); *Вот русская* ***провинция*** *берет на себя роль консерватора всего самого лучшего: «семейное чтение вслух, лоскутные одеяла, фикусы в кадках, вышивки гладью, фотографии в рамках и застольное пение хором»* (НКРЯ: Коммерсант, 2001.12). Заметим, что в такого рода примерах речь, как правило, идет о сюжете фильма либо книги.

Таким образом, нами были установлены дискурсивные признаки, формирующие медиаобраз-гипероним нецентральной территории. В качестве ведущих языковых средств репрезентации в текстах СМИ названного медиаобраза отмечены: номинации нецентральной территории в сочетании с уточняющими оттопонимическими прилагательными или топонимами; глаголы разнонаправленного перемещения и глаголы, обозначающие пребывание субъекта на данной территории (указывающие на занятия, деятельность, творчество, бесцельность); событийные номинации; местоимения и наречия, подчеркивающие неопределенную удаленность расстояния от условного центра; номинации субъекта по различным социальным, профессиональным параметрам; именные сочетания, выражающие объекты, атрибуты; аксиологические конструкции; конструкции со значением сопоставления и противопоставления.

Заключение

Предпринятый анализ объективации в фактическом материале медиаобразов-гипонимов «глушь», «глухомань», «захолустье», «периферия», «провинция», «глубинка» позволил установить характерные черты медиаобраза-гиперонима нецентральной территории:

1. Представляет собой территорию, обозначающую российское пространство прежде всего за Уралом (*глушь*, *глухомань*, *глубинка*), Поволжье (*провинция*), в отдельных случаях Центральной России, юга, севера и северо-запада России; в рамках единой территории – часть, противопоставленную центру (*захолустье*, *периферия*); зарубежное пространство (преимущественно американское); обобщенно территорию, находящуюся за пределами центра (*периферия*).

2. На данной территории позиционируется пребывание субъекта и событийность. Пребывание субъекта может включать различные виды деятельности, творчества (*глушь*, *глухомань*); представлять собой изоляцию, уединение, возможность спрятаться (*глушь*, *захолустье*); бесцельность (*глушь*, *глухомань*). Событийность относится к социальной сфере (*периферия*, *глубинка*) и к сфере культуры, досуга (*глубинка*, *провинция*).

3. На этой территории происходят процессы разнонаправленного перемещения (добровольного или вынужденного): с этой территории в центр (*захолустье*, *периферия*, *глубинка*) и, напротив, из центра на эту территорию (*глушь*, *глухомань*, *глубинка*). Значение удаленности от центра может быть в единичных случаях выражено как определенное расстояние (*глушь*) либо в большинстве случаев как неопределенное расстояние (*глушь*, *глухомань*, *глубинка*).

4. Субъект, находящийся на данной территории, позиционируется с точки зрения профессиональной деятельности, рода занятий, возраста (*глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *периферия*, *провинция*, *глубинка*), убеждений (*глухомань*, *глубинка*), социальных параметров (*провинция*, *глубинка*).

5. Для этой территории характерны определенные объекты, атрибуты социального (*глубинк*а) и культурного характера (*периферия*, *провинция*), указывающие на малолюдность (*глушь*, *глухомань*), запущенность (*захолустье*).

6. Может квалифицироваться положительно (*провинция*, *глубинка*), негативно (*глухомань*, *захолустье*), амбивалентно (*глушь*).

7. На этой территории отмечены процессы социальной эксклюзии: труднодоступность (*глушь*, *глухомань*, *захолустье*), отсутствие необходимой инфраструктуры (*глушь*, *глухомань*, *захолустье*, *глубинка*), отсутствие возможностей (*глушь*, *периферия*), социально-экономические проблемы (*провинция*, *глубинка*).

8. Противопоставляется центру, столице, городу (крупному), мегаполису (все медиаоб-

разы-гипонимы), городскому образу жизни (*глушь*, *захолустье*, *провинция*, *глубинка*).

Таким образом, мы можем говорить о специфике формирования в медиапространстве российских СМИ особого образа нецентральной территории (в основе его появления лежит оппозиция «центр – не центр»), который, с одной стороны, основывается на реальных фактах и событиях, с другой стороны, показывает прежде всего не собственно существование данного феномена в действительности, а то, как он отражается в сознании человека, причем в процессе этого отражения образ может быть подвержен стереотипизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельчиков Ю. А., 1965. О развитии русской лексики в советскую эпоху // Русский язык в школе. № 6. С. 3–9.

Васильева С. Л., Мымрина Д. Ф., 2016. Особенности репрезентации образа города в сознании представителей русской и китайской лингвокультур // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 7 (172). С. 59–64.

Галинская Т. Н., 2013. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. № 11 (160). С. 91–94.

Горелова Ю. Р., 2019. Образ города в восприятии горожан. М. : Ин-т Наследия. 154 с.

Горелова Ю. Р., Межевикин И. В., 2016. Образ крупного города в восприятии его жителей // Гуманитарные исследования. № 4 (13). С. 15–18.

Громова Т. Н., 2016. Структура медиаобраза России: внешнеполитический аспект // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 4 (21). С. 62–67.

Драчева Ю. Н., 2019. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2 (89). С. 134–146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13

Корженева О. В., 2013. Медиаобразы в массовой политической коммуникации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. № 1. С. 218–226.

Ланцевская Н. Ю., 2015. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. № 4 (28). С. 101–103.

Линч К., 1982. Образ города. М. : Стройиздат. 328 с.

Орлова Е. Л., 2012. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 17 с.

Паршина О. Д., Иванян Е. П., 2020. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. № 8. С. 123–140. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-123-140

Сидорская И. В., 2021. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 3. С. 173–197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197

Симакова С. И., Кваша Д. И., 2023. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 29, № 1. С. 28–38. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.1.003

Шамне Н. Л., Милованова М. В., 2023. Особенности объективации категорий социальной эксклюзии – социальной инклюзии в русском языке (на примере понятий «глубинка» и «глушь») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 62–75. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.5

Endreva M., 2022. Medienbilder des Balkans im deutschsprachigen Kulturraum // Donauperlen Beiträge zur deutschen Sprache und Kultur in Bessarabien, Dobrudscha und Schwarzmeerraum. Regensburg : Südosteuropagesellschaft. S. 66–78. DOI: 10.5283/epub.51250

ИСТОЧНИК

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru

СЛОВАРИ

Александрова – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практ. справ. М. : Мир и образование, 2023. 816 с.

Гаврилова – Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / под ред. А. С. Гавриловой. М. : Аделант, 2013. 800 с.

Евгеньева – Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2003. 2 т.

Котелова – Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / под ред. Н. З. Котеловой. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. 876 с.

REFERENCES

Belchikov Yu.A., 1965. O razvitii russkoy leksiki v sovetskuyu epokhu [On the Development of Russian Vocabulary in the Soviet Era]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 6, pp. 3-9.

Vasileva S.L., Mymrina D.F., 2016. Osobennosti reprezentatsii obraza goroda v soznanii predstaviteley russkoy i kitayskoy lingvokultur [Representation of Town by Russian and Chinese Speakers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 7 (172), pp. 59-64.

Galinskaya T.N., 2013. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstrukcii v sovremennoy lingvistike [Media Image and the Problem of Its Reconstruction in Modern Linguistics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], no. 11 (160), pp. 91-94.

Gorelova Yu.R., 2019. *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan* [Image of Large Cities in Their Residents' Perception]. Moscow, In-t Naslediya. 154 p.

Gorelova Yu.R., Mezhevikin I.V., 2016. Obraz krupnogo goroda v vospriyatii ego zhiteley [Image of a Large City as Perceived by Its Residents]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Researches], no. 4 (13), pp. 15-18.

Gromova T.N., 2016. Struktura mediaobraza Rossii: vneshnepoliticheskiy aspekt [Structure of Russian Media Image: International Aspect]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field of Media Education], no. 4 (21), pp. 62-67.

Dracheva Yu.N., 2019. Ponyatie mediaobraza i ego opisanie v yazykovedcheskom i neyazykovedcheskom aspektakh [Notion of Media Image and Its Study in Linguistic and Non-Linguistic Aspects]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 2 (89), pp. 134-146. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-2-89-13

Korzheneva O.V., 2013. Mediaobrazy v massovoy politicheskoy kommunikacii [Mediascapes in Mass Political Communication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], no. 1, pp. 218-226.

Lancevskaya N.Yu., 2015. Mediaobraz territorii kak kompleks stereotipov brendinga mesta [Territory's Media Image as a Set of Stereotypes Branding Space]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University], no. 4 (28), pp. 101-103.

Linch K., 1982. *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow, Stroyizdat Publ. 328 p.

Orlova E.L., 2012. *Metaforicheskie obrazy Rossii, Ameriki i Germanii v politicheskom diskurse nemeckikh SMI: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphorical Images of Russia, America and Germany in the Political Discourse of German Media. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Irkutsk. 17 p.

Parshina O.D., Ivanyan E.P., 2020. Aksiologiya fenomena provincii v rossiyskikh sredstvakh massovoy informacii nachala XXI veka [Axiology of the Province Phenomenon in Russian Mass Media of the Beginning of the 21st Century]. *Nauchnyj dialog*, no. 8, pp. 123-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-123-140

Sidorskaya I.V., 2021. Ob upotreblenii terminov «obraz» i «imidzh» v russkoyazychnykh issledovaniyakh problemy mediareprezentacii territoriy [On Using the Term "Image" in Russian-Language Studies into the Problem of Media Representation of Territories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 173-197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197

Simakova S.I., Kvasha D.I., 2023. Mediaobraz kak odna iz sostavlyayushchikh formirovaniya mediaesteticheskogo koda regiona [Media Image as One of the Components for Formation of Media Aesthetic Code of the Region]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University. Series 1, Issues in Education, Science and Culture], vol. 29, no. 1, pp. 28-38. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.1.003

Shamne N.L., Milovanova M.V., 2023. Osobennosti obektivacii kategoriy socialnoy eksklyuzii – socialnoy inklyuzii v russkom yazyke (na primere ponyatiy «glubinka» i «glush») [Objectification Features of Social Exclusion and Social Inclusion Categories in the Russian Language (Exemplified by "Glubinka" and "Glush" Concepts)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 62-75. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2. 2023.4.5

Endreva M., 2022. Medienbilder des Balkans im deutschsprachigen Kulturraum [Media Images of the Balkans in the German-Speaking Cultural Area]. *Donauperlen Beiträge zur deutschen Sprache und Kultur in Bessarabien, Dobrudscha und Schwarzmeerraum*. Regensburg, Südosteuropagesellschaft, S. 66-78. DOI: 10.5283/epub.51250

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: www.ruscorpora.ru

DICTIONARIES

Aleksandrova Z.E. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: prakt. sprav.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Practical Reference]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2023. 816 p.

Gavrilova A.S., ed. *Slovar sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyk*a [Dictionary of Synonyms and Antonyms of the Modern Russian Language]. Moscow, Adelant Publ., 2013. 800 p.

Evgenyeva A.P., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka. V 2 t.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols.] Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2003.

Kotelova N.Z., ed. *Slovar novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-kh – seredina 80-kh godov)* [Dictionary of New Words of the Russian Language (Mid-50s to Mid-80s)]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 1995. 876 p.

Information About the Authors

Nikolay L. Shamne, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, nikolay.shamne@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5745-8907

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6198-6972

Информация об авторах

Николай Леонидович Шамне, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, nikolay.shamne@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5745-8907

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-6198-6972

www.volsu.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.4

UDC 81'246.2
LBC 81.022

Submitted: 25.02.2024
Accepted: 23.12.2024

PREPOSITIONAL CASE IN WRITTEN AND ORAL SPEECH OF FRENCH-RUSSIAN BILINGUALS

Yulia V. Bogoyavlenskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia;
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article focuses on the peculiarities of the prepositional case: its development and functioning in the speech of French-Russian bilinguals. The main research method is the analysis of errors. The data from the Russian Learner Corpus and the Corpus of the Russian Heritage Language in France, developed by the author of the study, were used as empirical material. It has been established that bilinguals use the following strategies: generalization, simplification, calquing. The work identifies and describes in detail three types of anomalies: inflectional innovations, morphosyntactic errors associated with the choice of preposition; selection errors made as a result of case competition in an individual language system. It is concluded that bilinguals often get stuck on mistakes typical of young children. There is a peculiarity in the construction of their mental grammaticon, which leads to the generation of anomalous structures. The loss of the prepositional case, detected in the speech of bilinguals with dominant English, Finnish and Tajik dominant languages, and its replacement with the genitive case are only partially confirmed in our material. It has been established that a more serious difficulty may be the choice of case inflection in writing, the choice of a preposition, or the encoding of locative relations. The results obtained are significant both for further research into the speech of bilinguals and for the development of didactic materials for this category of native speakers.

Key words: prepositional case, Russian language, bilingualism, heritage language, speech errors.

Citation. Bogoyavlenskaya Yu.V. Prepositional Case in Written and Oral Speech of French-Russian Bilinguals. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 44-58. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.4

УДК 81'246.2
ББК 81.022

Дата поступления статьи: 25.02.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

© Богоявленская Ю.В., 2025

ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ В ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ РЕЧИ ФРАНЦУЗСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ

Юлия Валерьевна Богоявленская

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия;
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей освоения и функционирования предложного падежа в речи французско-русских билингвов. Основным методом исследования является анализ ошибок. Материалом послужили данные «Русского учебного корпуса» и «Корпуса русского эритажного языка во Франции», разрабатываемого автором исследования. Подтверждено, что билингвы пользуются стратегиями генерализации, упрощения, калькирования. В работе выделены и подробно описаны три типа аномалий: словоизменительные инновации; морфосинтаксические нарушения, связанные с выбором предлога; ошибки выбора, совершаемые вследствие конкуренции падежей. Сделан вывод о частом «застревании» билингвов на ошибках, свойственных детям раннего возраста. Отмечено своеобразие в построении билингвами ментального грамматикона, приводящего к порождению аномальных конструкций. Утрата предложного падежа, фиксируемая в речи билингвов с доминантными английским, финским и таджикским языками, а также его замена на родительный подтверждается лишь частично. Установлено, что более серьезной трудностью может стать выбор падежной флексии на письме, выбор предлога или оформление локативных отношений. Полученные результаты значимы как для дальнейших исследований речи билингвов, так и для разработки дидактических материалов для данной категории носителей языка.

Ключевые слова: предложный падеж, русский язык, билингвизм, эритажный язык, речевые ошибки.

Цитирование. Богоявленская Ю. В. Предложный падеж в письменной и устной речи французско-русских билингвов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 44–58. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.4

Введение

Предложный падеж занимает особое место в падежной системе русского языка, поскольку его формы возможны только у имен существительных, синтаксически зависящих от пяти предлогов: *в*(*о*), *на*, *о* / *об*(*о*), *при* и *по*. При этом *в*(*о*), *на*, *о* / *об*(*о*) управляют также винительным, а *по* – дательным падежами. Для некоторых существительных имеется вариант – второй предложный (локативный) падеж, встречающийся только после предлогов *в* и *на*. Обращение к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) показывает, что, в отличие от других падежей, предложный встречается примерно с одинаковой частотностью и в устном, и в письменном (Основном) корпусах (9,57 и 10,02 % соответственно).

Исследователи детской речи отмечают, что предложный падеж считается одним из «сложных» даже для русскоязычных детей-монолингвов [Дьячкова, Лопухина, 2023, с. 58], которые его осваивают не сразу, а последовательно. Первыми появляются локативные конструкции с предлогами *в* и *на*, дети начинают употреблять их безошибочно примерно с трех с половиной лет [Лепская, 1997, с. 47], затем они дифференцируют другие значения падежа и правила конструирования его форм. Билингвы в целом проходят те же этапы освоения падежной системы, что и монолингвы, но, как мы покажем далее, часто значительно медленнее и менее успешно.

В научной литературе за языком естественных билингвов закрепился термин «эритажный язык» («язык семейного наследия»), под которым понимается нестандартная разновидность национального языка, отличающаяся рядом специфических черт: обобщение или упрощение грамматических правил, ограничение в коммуникативно-прагматических возможностях и стилистической вариативности, тяготение к более эксплицитному выражению семантических отношений. Этот термин часто употребляется для описания языкового профиля билингвов, иммигрировавших до начала образования на родине, а также детей, чьи родители-иммигранты говорят дома на родном языке [Шустова и др., 2022]. Установлено, что в русском эритажном языке (далее – РЭЯ) происходят изменения в категориях рода, числа, падежа [Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014; Ненонен, 2014], глагольного вида и наклонения [Polinsky, Kagan, 2007].

В области падежной системы, и в частности предложного падежа, лингвисты фиксируют различные тенденции, зависящие, вероятно, от того, с каким доминантным языком взаимодействует РЭЯ:

1) утрату или замену предложного падежа преимущественно родительным, реже – другими падежами финско-русскими «эритажниками» [Власова, 2020]);

2) утрату словоизменения внутри предложных групп говорящими с доминантным английским языком [Polinsky, 2018];

3) игнорирование управления в предложных группах и использование формы именительного падежа при предлоге у таджикско-русских билингвов [Хашимов, 2018].

Таким образом, в разных вариантах русского эритажного языка обнаруживаются как общие черты (утрата предложного падежа), так и индивидуальные (замена предложного именительным [Polinsky, 2018], [Хашимов, 2018] или родительным [Власова, 2020]). На материале текстов эритажных говорящих с доминантным французским языком подобных исследований не проводилось.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей освоения и функционирования предложного падежа в речи французско-русских билингвов. Исследовательские задачи состоят в том, чтобы выяснить, какие стратегии конструирования данного сегмента языковой системы используются эритажными говорящими, в чем состоят особенности порождения высказываний, содержащих комплекс «предлог + существительное в предложном падеже», в какой мере они соответствуют тенденциям, зафиксированным в речи американских, финских и таджикских носителей русского языка. Поскольку стратегии выбора грамматических единиц обнаруживаются в совершаемых ошибках, являющихся «неизбежным следствием построения процесса конструирования индивидом собственной языковой системы» [Цейтлин, Абабкова, 2011, с. 166], мы обратимся к анализу данного «отрицательного» материала.

Материал и методы

Материал исследования собран в двух корпусах: «Русского учебного корпуса» (далее – РУК) и «Корпуса русского эритажного языка во Франции» (далее – КРЭЯФ).

РУК создан по Программе президиума РАН как часть НКРЯ в сотрудничестве с National Heritage Language Resource, лабораторией лингвистических исследований Гарвардского университета под руководством М. Полински и исследовательской группой НИУ ВШЭ под руководством Е.В. Рахилиной. В корпусе представлены образцы речи двух категорий студентов: изучающих русский язык как иностранный и эритажных говорящих с 52 доминантными языками. Для исследования были отобраны фрагменты письменных текстов студентов с доминантным французским языком, содержащие аномалии в употреблении предложного падежа. В статье приводятся высказывания в оригинальной форме, без исправлений грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок.

КРЭЯФ – корпус, над которым в настоящее время ведется работа научной группы «Русский эритажный язык» (Уральский федеральный университет) под нашим руководством. Он включает два подкорпуса: устной (более 10 часов звучания) и письменной речи. Материал для устного подкорпуса (далее – УП) представляет собой записи бесед с носителями эритажного русского языка возрастного диапазона от 4 лет 2 месяцев до 20 лет (естественные билингвы), проживающими во Франции. Расшифровка ведется силами научной группы, в состав которой входят студенты, магистранты и аспиранты, и ее руководителем. В письменный подкорпус (далее – ПП) включены тексты различных жанров: сказки, поздравления на открытках, сочинения, стихи, написанные юными билингвами.

Основным методом предпринятого исследования служит анализ ошибок (аномалий, инноваций), зафиксированных в письменной и устной речи билингвов. Установленные особенности билингвального освоения грамматического явления сопоставляются с монолингвальным.

Результаты и обсуждение

Полученные данные говорят о разнообразии ошибок, возникающих при конструировании сочетания предлога и существительного в предложном падеже. С одной стороны, обнаруженные аномалии сходны с теми, которые делают русскоязычные дети-монолингвы в раннем возрасте, с другой – имеют собственную специфику, требуют систематизации и анализа. Их можно объединить в три группы:

1) словоизменительные инновации, то есть случаи выбора флексии предложного падежа, предназначенной для другого типа основы или склонения;

2) ошибки в употреблении первого компонента «морфосинтаксического каркаса» конструкции – предлога;

3) ошибки выбора предложно-падежного сочетания, связанные с конкуренцией падежей.

Ошибки выбора окончаний предложного падежа

Большинство взрослых билингвов верно идентифицируют необходимость использования предложного падежа, но могут сделать неверный выбор его маркера – флексии, предпочитая *-е* всем остальным вариантам (см. примеры (1)–(8)):

(1) Лена считается самой крупной рекой азиатской части страны, она течет в **Сибире** (Thomas, РУК).

Интуитивно представляется, что эта флексия является самой частотной. Обращение к НКРЯ подтверждает это предположение: *-е* попало в выборку при небольшом округлении 9 млн раз, *-и* – 7,6 млн. Окончание локативной формы *-у* встретилось в 13 раз реже (680 тыс.), *-ю* – в 204 раза реже *-е* (44 тыс.). Следовательно, словоформа *Сибире* построена по базовой, регулярной модели, включающей основу и хорошо известный билингву форматив *-е*.

Анализ позволяет установить круг слов, не получивших нормативного морфемного оформления. К ним относятся лексемы с *j*-основой: существительные женского рода III склонения (1), существительные среднего рода II склонения на *-ие* (2)–(3), существительные I склонения женского рода на *-ия* (4)–(6):

(2) Это играет роль **в изменение** экономических деятельностей (Lena, РУК);

(3) **На собеседование** сделудет вести себя раскованно (Marina, РУК).

Можно предположить, что Lena и Marina используют «замороженный» именительный, но мы склоняемся к трактовке ошибочного формообразования. Допускаем, что в этих случаях формы именительного и предложного либо совпали в их индивидуальных языковых системах ввиду высокого синкретизма падежей, либо они неверно определяют начальную форму. В пользу такого предположения говорит систематическое употребление *-е* для образования предложного падежа в их письменных работах.

Любопытно, что даже в таких частотных словах-топонимах, как *Франция* и *Россия*, и их словоформах в инпуте билингвы часто допускают ошибки, используя одну и ту же флексию (4)–(7). Ориентируясь на наиболее продуктивную модель, они конструируют окончания, отсутствующие в парадигме склонения существительных на *-ия*:

(4) Земля **в россие** очень богатая (Adrien, РУК);

(5) **Во Франции** это обучение длится от 2-х до 3-х лет (Eva, РУК);

(6) То что не нравится **во Франции**, это низкий доход и экономическая ситуация страны (Tim, РУК);

(7) **Во Франциие** нужно хорошо разбиратьс **в истории**, литературе, экономике и в иностранных языках, по сравнению с Россией где знание Русского, Англйиского языка и литературы достаточны (Eva, РУК).

Окончание *-е* может появиться даже в неизменяемых именах существительных:

(8) **В сочие** маленькая амплитуда температур и много осадков (Léa, 17, ПП КРЭЯФ).

Эти наблюдения говорят о том, что эритажные говорящие не извлекают данные формы из памяти в целостном виде, а конструируют их в речи самостоятельно.

В употреблении существительных в **локативной форме предложного падежа** билингвы нередко также следуют стандартному правилу, требующему использования флексии *-е*:

(9) **В аэропорте** очень много людей: взрослых, больных, рабочих, детей с всего мира (Amina, РУК).

Нерегулярные модели всегда представляют трудность для эритажных говорящих, которые уверенно используют только наиболее стандартное и хорошо укоренившееся в их индивидуальных языковых системах правило. Одним доступна исключительно флексия *-е* (например, в работах Adrien, Eve, Thomas используется только этот способ формообразования), другие, не полностью осво-

ившие правило, действующее для слов с *j*-основой, колеблются между *-е* и *-и* даже в пределах одного предложения:

(10) Бригадария продукции газа **в Россие** половина по требеленя энерги **в России** застрохово-на (Adrien, РУК).

Таким образом, для билингвов окончание *-е* имеет привилегированное положение для обозначения предложного падежа. В научной литературе распространение действия грамматического правила на круг единиц, которые ведению данного правила не подлежат, рассматривается как основная стратегия освоения языка на этапе продуктивности. С.Н. Цейтлин, выдвинувшая идею о соотношении системы и нормы, считает, что ошибки, допущенные вследствие применения данной стратегии, «можно с полным правом назвать *системными* (нарушающими языковую норму вследствие слишком прямолинейного следования системе)» [Цейтлин, Абабкова, 2011, с. 185]. Если монолингвам требуется совсем немного времени для расширения своего грамматического арсенала, то, как показывает наше исследование, билингвы очень часто остаются на данном этапе.

Интересно для анализа ошибочное написание окончания *-и* вместо *-е*, что свидетельствует о непрочном усвоении правила и его произвольном применении:

(11) Мы тоже очень веселились и проводили всё свободное время вместе не упоминая о ближайщей разлук**и** (Pauline, РУК).

Русский язык осваивается эритажными говорящими преимущественно в устной форме, на которую они ориентируются при выборе флексии и на письме. Следовательно, аномалию в примере (11) могла спровоцировать несовершенная звуковая оболочка, вызванная редукцией гласного [э] в финальной заударной позиции. Вопрос о фонетической яркости (перцептивной выпуклости) падежных маркеров неоднократно поднимался в научной литературе (см. об этом: [Болотова, 2005; Воейкова, 2015; Slobin, 1997]). В частности, отмечается, что, поскольку [э] в безударном положении звучит и воспринимается практически как [и], этот гласный следует рассматривать как перцептивно слабый. Исследования кафедры фонетики СПбГУ показывают, что в спонтанной речи редуцируются не только безударные, но и до 5 % ударных гласных [Болотова, 2005, с. 9]. В речи билингвов, зафиксированной в нашем устном корпусе, позиция конечного гласного заполняется не совсем четко произносимым звуком, который можно рассматривать как реализацию фонемы <э>.

Если при устной коммуникации выбор флексии в границах маркеров предложного падежа не столь критичен и не приводит к сбоям, то в письменной речи возникает еще ряд затруднений. К таковым для французско-русских билингвов относится употребление мягкого знака на стыке морфем. В доминирующем французском языке отсутствует оппозиция по твердости / мягкости согласных, нет специального буквенного символа, используемого для обозначения смягчения, буква *е* не обозначает йотированного звука или смягчения предыдущего согласного. Это осложняет задачу самостоятельного конструирования форм и приводит к словоизменительным инновациям (например, *в семи* вместо *в семье*), которые вряд ли смогли бы «изобрести» монолингвы:

(12) **В семи** славянский три подгруппы: - северную - южную - восточную (Viktoria, РУК).

Другая трудность возникает при понимании необходимости обозначить мягкость согласного, что приводит к избыточному использованию мягкого знака:

(13) **В некторых частьях**, я согласен с автором этой статьи, потому что для русских – утро, день, вечер и ночь – звучат логично но для межкультурной коммуникации или просто иностранцам это звучит страно (Rouslan, РУК).

В приведенных выше примерах можно усмотреть следы фонетической интерференции, происходящей по причине фонологической незрелости носителей «унаследованного» языка.

Весьма специфичной аномалией является и потеря гласного или согласного на конце слова (14)–(17) или на стыке корневой морфемы и окончания (18):

(14) Все эти права отсутсвуют **в Росси** конечно, а они важны для Карамзина, так как он просвещенный писатель (Alexandra, РУК);

(15) Раньше я не задумывалась об этих фактах, и только с приездом **во Франци** поняла это (Natalia, РУК);

(16) Но **при это** были сильно ограничены прав и свободы (Anna, РУК);

(17) Не лишним окажется повествование **о плана** на будущее, касающееся профессиональной деятельности (Marina, РУК);

(18) Из-за того, что стоимость жизни слишком высокая, некоторые люди, которые живут в больших городах, **в плохих жилищных условях** (Arlo, РУК).

В (14)–(17) предлог и основа определены верно, но словоформа остается недостроенной (точнее, недописанной). Потеря финальной буквы в слове не столь уж и редка в письменных работах «эритажников», что может объясняться недостаточным синтаксическим контролем. Опущение *-х* в *о плана* может говорить как о простой описке, так и о неверном выборе числа и падежа (18). В примерах *в Росси* и *во Франци* (14)–(15) отсутствие конечной *-и*, возможно, связано с нетипичным для доминирующего французского языка соположением двух одинаковых гласных, что мешает говорящему до конца оформить падежную флексию.

Внимания заслуживает и рассмотрение **окказионального формообразования**, а именно окончаний, отсутствующих в парадигме единственного числа предложного падежа или относящихся к другому падежу и типу склонения. Примерами, иллюстрирующими этот феномен, могут служить слова с флексией *-ий*, которая в стандартном языке относила бы существительное к именительному / винительному падежу единственного числа II склонения (*санаторий*, *лекторий*) или родительному падежу множественного числа слов на *-ия (аварий*, *версий)*. На наш взгляд, *-ий* в данном случае представляет собой вариант модификации перцептивно слабого окончания *-ии*:

(19) Мы живем **во франций** (Ruslan, РУК);

(20) Депутаты Русский Думы прибыли во Францию чтобы принять участие **на международный конференций** по экономичисках вопросам (Tim, РУК);

(21) Мои брат работает **в притприятий** (Ruslan, РУК).

Заметим, что в обоих корпусах не зафиксировано несуществующих аффиксов. Таким образом, выход из набора вариантов окончаний русских существительных невозможен, что подтверждает выявленную Д.И. Слобиным закономерность: «Даже ошибочный выбор функционального элемента тем не менее происходит внутри данного функционального класса» [Слобин, 1984, с. 192].

Ошибки выбора предлогов

Результаты анализа показывают, что **потеря или избыточное употребление предлогов** в рассматриваемом комплексе нетипичны для французско-русских билингвов. Однако немногочисленные примеры, обнаруженные в РУК, заслуживают особого внимания, поскольку свидетельствуют о проницаемости границ языковых систем.

Носители эритажного русского языка обычно очень хорошо идентифицируют ситуации употребления комплекса «предлог *о* + существительное в предложном падеже», имеющего значение содержания или темы. РУК включает большое количество примеров, где данная конструкция встречается при словах (как глаголах, так и существительных) со значением темы (22)–(23), мысли, ментальных процессов (24)–(25), речи (26), эмоционального состояния (27)–(28):

(22) Елена купила несколько новых **книг о русском искусстве** (Thomas, РУК);

(23) У Фонвизина, очевиден идеологический проект – разоблачить **миф о французской культуре** который существует в России (Alexandra, РУК);

(24) Я не **задумывалась о этих фактах** раньше так как когда я в россии разговор афтаматичиски идет по-русскому и когда я разговариваю на том или этом зяыке, я не сравняю примеров (Iana, РУК);

(25) Что вы **думаете о наших детях**? (Thomas, РУК);

(26) Он начал **спрашивать** меня **о моей последней поезке** (Thomas, РУК);

(27) Ученые **беспокоются о последствиях** этого проекта (Adrien, РУК);

(28) Многие люди сейчас **сожалеют о распаде** СССР и коммун. режима (Anna, РУК).

Однако, несмотря на эту высокую чувствительность, опущение предлога *о* все же встречается. Источником такой ошибки становится система доминирующего французского языка. В индивидуальном грамматиконе говорящего русский глагол *заявить* сочета-

ется с беспредложным существительным, как и в эквивалентных французских конструкциях с прямопереходными глаголами *déclarer*, *annoncer*, *signaler*:

(29) Аналитики **заявили ухудшения** экономического роста (Gord, РУК).

Калькой является и конструкция *говорить несколько языков* (ср. фр. *parler quelques langues*), в которой опускается предлог *на*. Вместо предложного используется винительный падеж:

(30) В будущем я ищё не знаю где я хочу работать, но я хотела бы работать в месте котором можно **говорить несколько языков** (Victoria, РУК).

Значительно реже встречается опущение предлогов в локативном значении:

(31) В кавказская гора, можно тоже **гулять парк национальный** в сочи (Léa, 17, ПП КРЭЯФ).

Влиянием межъязыковой интерференции можно объяснить примеры избыточности предлога *о*, в частности в работах Adrien. Синтаксическое калькирование свободных сочетаний строится по модели с предлогом *de*: *доступ о Россия* вместо *доступ России* (ср. фр. *accès de Russie*), *сосед о Европе* вместо *сосед Европы* (ср. фр. *voisin d'Europe*), *парламентарии о Совета* вместо *парламентарии Совета* (ср. фр. *parlementaires du Conseil*). Вероятно, в сознании некоторых говорящих существует прочная ассоциация французской модели N + pr (*de*) + N и русской N + N_{gen}, претерпевающей модификацию и принимающей вид N + pr (*о*) + N. При этом второе существительное может иметь произвольное окончание:

(32) Многие собитие помешали **доступ о Россия** в Совета Европы (Adrien, РУК);

(33) Они хотят потому что Россия была очень важная страна, и исторический **сосед о Европе** (Adrien, РУК);

(34) Против аннексия, **парламентарии о Совета** Европы должен был проголосовать за резолюцию (Adrien, РУК).

Аномалия может быть продиктована как калькированием предлога *de*, так и переносом валентности глагола *discuter*, который может как употребляться с прямым дополнением в значении «обсуждать, всесторонне и критически изучив вопрос, для его дальнейшего урегулирования, принятия решения» (LAR), так и управлять предлогом *de* в значениях «обсуждать какую-либо тему, беседовать», «вести переговоры» (LAR). Такая концентрация правил и лексико-синтаксических тонкостей порождает следующую инновацию:

(35) Во время переговорах, участники **обсуждали проблемы о стабильности, о возможносте** урегурилование политического кризиса в Украине и **о поставков** вооружения которые угражают безопасности в стране (Tim, РУК).

Подобные ошибки говорят о том, что объема инпута недоминантного языка билингвам было недостаточно для систематизации фактов и выявления правил, поэтому они проводят необоснованные параллели между языковыми системами и, как следствие, допускают ошибки.

Замена предлога

Серьезную проблему для билингвов часто представляет выбор между *в*[*о*] и *на*, особенно в пространственных контекстах, где предложный падеж употребляется в качестве невалентного:

(36) Самая высокая точка России – Элсбрус **в Кавказе** (Victoria, РУК);

(37) Иркутская область находиться **в юге России** как показно на карте (Adrien, РУК);

(38) Ладожское и Онежское озера расположены **на северо-западной части** России (Olga, РУК).

Даже взрослым носителям эритажного языка не очевидно, в каких случаях следует употреблять тот или иной предлог. Почему *на Кавказе*, но *в Грузии*, *на юге*, но *в северо-западной части*? Замены предлогов *в* и *на* возможны у детей-монолингвов до трех лет, и основной их причиной является наличие языковых фильтров, обусловленных нормой [Цейтлин, Абабкова, 2011, с. 173]. Монолингвы довольно быстро осваивают нормативное употребление предлогов, а билингвам часто не удается набрать достаточно языкового опыта, чтобы преодолеть эту трудность.

Приведем еще один любопытный пример, где причина ошибки может быть объяснена внутриязыковой интерференцией, а именно калькированием конструкции *на Земле*:

(39) **На мире** 250 млн человек говорит на русском (Victoria, РУК).

Заметим, что неправильный выбор предлога (36)–(39) происходит при верном падежном маркировании. В приведенных примерах невозможно усмотреть проявление межъязыковой интерференции, поскольку во французском языке существует набор предлогов, обслуживающих данную область (*dans*, *à*, *en*, *sur*), и действуют иные грамматические и семантические правила. В устных высказываниях также можно обнаружить неправильные, «запрещенные» нормой комбинации предлога с лексемой в предложном падеже, «не-кальки»:

(40) Здесь они **в пляже**. А здесь они **в фермы** (Maxime, 7;4, УП КРЭЯФ).

Билингв также может оказаться нечувствительным к разнице предлогов *в* и *на* в тех случаях, когда глагол имеет валентность, заполняемую формой предложного падежа с ними обоими:

(41) Я занимаюсь играть роялью, я также занимаюсь иностранными языками так как в будущем хочу работать **на ООН** (Victoria, РУК).

Как уже было сказано выше, предлоги и их значения, как и падежные противопоставления, осваиваются ребенком не одновременно. В этом контексте интересен анализ следующего примера:

(42) Мой папа говорит **на своём работе** (Matthieu, 5;5, УП КРЭЯФ).

Matthieu правильно определяет падеж и верно конструирует форму, но вместо *о* использует *на*. К 5 годам 5 месяцам ребенок неплохо усвоил оппозицию локативных предлогов *в* и *на* (44)–(46), умеет употреблять не только предложный изъяснительный, но и в некоторых случаях второй предложный (47), почти всегда различает случаи употребления винительного (48)–(50) и предложного:

(43) Это **в ванной** (Matthieu, 4;11, УП КРЭЯФ);

(44) **На море** есть солнце (Matthieu, 4;11, УП КРЭЯФ);

(45) Она открыла окно чтобы посмотреть **на улице** (Matthieu, 4;11, УП КРЭЯФ);

(46) Он гуляет **в лесу** (Matthieu, 5;5, УП КРЭЯФ);

(47) Она поставила голову **в баночку** (Matthieu, 4;11, УП КРЭЯФ);

(48) Он взял лягушку и поставил **в воду** (Matthieu, 4;11, УП КРЭЯФ);

(49) Он вышел **на улицу** (Matthieu, 5;5, УП КРЭЯФ).

Однако конструкция с предлогом *о*, выражающая валентность темы, пока еще не включена в его индивидуальный грамматикон и, видимо, временно эту функцию берет на себя предлог *на*, который, как подтверждает мама билингва, часто звучит в сочетании со словом *работа* в домашнем общении (например, *папа на работе*), ср. с примером (43).

Значение темы Matthieu часто выражает предлогом *на* под влиянием французского языка: *книга на кошку, книга на Чупи* (ср. с фр. *le livre* ***sur*** *un chat, le livre* ***sur*** *T'choupi*).

Особую трудность составляет *при*, встречающийся исключительно в письменных работах студентов-«эритажников» (за исключением дискурсивного маркера *при этом*). Сфера применения этого предлога может либо расширяться: ***при*** *возврате* вместо ***по*** *возвращении* (50), ***при*** *приздом* вместо ***по*** *приезде* (51), ***при*** *деловых переговорах* вместо ***в*** *деловых переговорах* (52), ***при*** *следующем собеседовании* вместо ***на*** *следующем собеседовании* (53), либо сужаться, что приводит к его замене другими предложно-падежными конструкциями (54)–(55):

(50) После оказания медицинской помощи, **при возврате** в родную страну, приходится пациенту связываться со страховым обществом (Dariusz, РУК);

(51) Эта ускоренная программа по английскому языку с первого класса мне очень помогла с моим первым контактом со взрослыми людьми **при приздом** во Францию (Eva, РУК);

(52) Данный стиль применяется в правовой и административной сфере в основном в государственных учреждениях, в суде, **при деловых переговорах** (Dariusz, РУК);

(53) Следует проанализировать возможные причины «провала» и постараться их исправить **при следующем собеседовании** (Marina, РУК);

(54) **На перевод** данных единиц можем использовать переводческий прием – калькирование (Dariusz, РУК);

(55) **В капитализме**, либо ты работаешь на кого-то, либо другие работают на тебя (Ekaterina, РУК).

Представляется, что *при возврате* (50) и *на перевод* (54) извлечены из ментального лексикона гештальтно, целым «блоком», а остальные примеры сконструированы в речи. За подобными примерами прослеживается применение стратегии «не-калек», весьма характерной для носителей «унаследованного» языка (см. об этом: [Выренкова, Полинская, Рахилина, 2014, с. 7]), «изобретающих» свои модели конструкций, не переносящих их из одной языковой системы в другую.

Типичной ошибкой можно считать случаи экспансии наречий, строящихся по модели *по-* + *-и*. В лексико-синтаксических инновациях, сконструированных эритажными говорящими, можно увидеть морфологически корректную форму предложного падежа *русском* в сопровождении предлога *по* вместо *в*, видимо, по аналогии с *по-русски* (56)–(57). В (58) наблюдается то же намерение использовать наречие *по-французски*, неприемлемое в данном контексте. В (59) ошибка допущена в выборе предлога (*по* вместо *на*), который повлек за собой и выбор падежной формы:

(56) Нет одного слово как и **по русском** оно может иметь разные значения (Iana, РУК);

(57) День для меня значит с утра до вечера в россии или **по русском языке** а во франции есть «midi» или «après-midi» но есть также «la journée» (Iana, РУК);

(58) В моем родном язике то есть **по французским**, одно то же слово имеет разные значения и пишется по разнич формам (Anthony, РУК);

(59) И так я думаю что самое важное чтобы понять культуру иностранных людей это говорить, даже не много, **по ихнему языку** (Félix, РУК).

Любопытно, что, как и в случае с топонимами *Франция* и *Россия*, словосочетания «*в* к.-л. *языке*» (*в русском*, *во французском*), «*говорить на* к.-л. *языке*» и «*говорить по-*» (*по-французски*, *по-русски*) не успели укорениться в языковых системах эритажных говорящих и часто смешиваются. Независимо друг от друга они изобретают одну и ту же модель, объединяющую две конструкции с глаголом и наречием / прилагательным.

Варианты предлогов ***об(о)*** *и* ***во***

Правила выбора между *о* и его вариантами *об*(*о*), использующимися перед формами, начинающимися гласными, не всегда ясны для билингвов. В корпусе находим и редкие случаи корректного употребления предлога (60), и ошибочные (61)–(64), свидетельствующие об использовании стратегии упрощения. Статистически более редкий *об*, как правило, заменяется на *о*; расширение сферы его применения встречается крайне редко (63). Примеры с *обо* в нашем материале отсутствуют, в нужных контекстах перед местоимениями, начинающимися несколькими согласными, допускаются ошибки (64):

(60) Правда говоря я ужо задумывался **об этих фактах** раньше, когда я изучял Француский язык (Rouslan, РУК);

(61) Часто спрашивают **о опыте** и предыдуших работах (Thomas, РУК);

(62) Иногда спрашивают **о обших интересах** и чего мы можем принести компании (Thomas, РУК);

(63) Содержательная часть несет главную информацию **об предмете** договора (Dariusz, РУК);

(64) Люди всегда спокойные и можно по разговаривать **о всём** (Tim, РУК).

Несмотря на простоту правила, регулирующего употребление предлога *во* (перед словами, начинающимися сочетанием «*в* или *ф* + согласный»), в корпусе обнаруживается достаточное количество ошибок (65)–(68):

(65) **В Франции**, я думаю, интерес к иностранным языкам существовал всегда (Anna, РУК);

(66) Словарный запас научного стиля современного русского языка интересна наличием некоторых единиц, которые в значительной мере отличаются от лексикального уровня **в французском языке** (Dariusz, РУК);

(67) **В французском** мы скорее будем вынуждены употреблють слова «Monsieur» и «Madame» (Alina, РУК);

(68) Как никак они вынужденны составить своё общество **в французском обществе**, которое их не принимает (Pauline, РУК).

Как видим, общие языковые правила усвоены хорошо, а частные и исключения – игнорируются или применяются произвольно.

Конкуренция падежей в речи билингвов

В работах об особенностях падежного словоизменения часто указывается, что количество падежей в эритажном русском языке сокращается. В частности, Е.А. Власова выявила в речи финско-русских студентов активную экспансию родительного падежа на контексты с предложным [Власова, 2020, с. 379–380]. Эти данные очень любопытны, особенно в свете сравнения с картиной употребления данного падежа в речи французско-русских эритажных говорящих.

В нашем материале выявляются две основные проблемы: 1) конкуренция предложного с именительным и/или винительным; 2) построение локативных конструкций с предлогами *в* и *на*. Взаимозамены предложного с другими падежами крайне редки, их можно отнести скорее к оговоркам (опискам), нежели к систематическим ошибкам.

Именительный / винительный вместо предложного

Использование формы именительного падежа для передачи семантических ролей, свойственных косвенным падежам, и отсутствие предлога может встречаться лишь крайне редко у детей-монолингвов второго года жизни: «многие дети вообще не проходят данной стадии, или же она оказывается чрезвычайно краткой» [Цейтлин, Чиршева, Кузьмина, 2014, с. 96–97]. Процесс освоения языка у билингвов проходит несколько иначе, в их речи нередки подобные, «запрещенные» нормой предложно-падежные конструкции, включающие в том числе и «замороженный» именительный. По существу, данная форма – это псевдоименительный, омонимичный референциальной форме наименования, за которым стоят значения всех падежей. Более того, у билингвов «замороженная» форма может с именительным не совпадать. Отвечая на вопрос *Где это?* дети используют то псевдоименительный, то предложный, то редуцируют слово до основы:

(69) **Магазин. На пляж. На классе. На ванна. На ферм** (Nastia, 5;3, УП КРЭЯФ);

(70) **На ванне. На пляж.** Это **не в школь** (Adam, 6;4, УП КРЭЯФ).

Даже в ситуации, где ожидается именительный (в ответах на вопросы *Кто это? Что это?*), они также дают противоречивые ответы:

(71) Девочка. Лягушка. Олень. **Собаку** (Nastia, 5;3, УП КРЭЯФ);

(72) Мальчик. Дом. **Птиц. Яйц. Тарелк. Чашк. Девочк. Носочк** (Adam, 6;4, УП КРЭЯФ).

Adam мало говорит по-русски, и, как мы подметили, многие существительные у него оканчиваются согласными. Вероятно, сказывается влияние доминантного языка: во французском преобладающее количество существительных имеют согласные на конце. Падежное противопоставление отсутствует, а конструирование формы во множественном числе, как правило, не влечет за собой каких-либо изменений в финали, что он и переносит на русский. Редукция гласных на конце осложняет освоение словоформ.

В письменной и устной речи молодых билингвов можно встретить «замороженные» формы, конкурирующие с правильными:

(73) Можно также кататься **в квадроциклах** летом или **аэросани** (Grégory, РУК);

(74) Он ноходится **на севере** Россий, **на полуостров Ямал** (Adrien, РУК);

(75) **В Германии** я был **в Кёльн и Штутгарт** (Vlad, 16, УП КРЭЯФ);

(76) Мальчик сидит **на дерево** (Svetlana, 15, УП КРЭЯФ);

(77) Мальчик стоит **на камень**, держит животное (Svetlana, 15, УП КРЭЯФ).

В существительных I и III склонения единственного числа и одушевленных во множественном числе флексия однозначно маркирует именительный (78)–(81) или винительный падеж (82):

(78) Совет Европы осуждает вмешательство России **на Украина** (Adrien, РУК);

(79) **В Италия** мы были, в Бельгии в Брюссель, Монс, Турне (Vlad, 16, УП КРЭЯФ);

(80) Где ты можешь говорить по-русски? – **В Россия** (Roxane, 9, УП КРЭЯФ);

(81) Это **на ферма** (Roxane, 9, УП КРЭЯФ);

(82) Мы сосредоточили наше внимание **на субституцию** предметных понятий, которая является по нашему мнению единственным правильным подходом в процессе перевода вышеупомянутой области (Dariusz, РУК).

Наличие прилагательных или местоимений-прилагательных не может считаться надежным инструментом дифференциации (83)–(87), поскольку их рассогласованность с существительным – не редкое явление. Важно при этом отметить, что прилагательные гораздо лучше «сотрудничают» с предлогом: конструкции «*в мой*» (83), «*на главные*» (84), по сути, не являются некорректными, но после них ожидается существительное в винительном падеже, неуместном в данном контексте. За комплексами «*в английском*», «*в нашей*» должен следовать предложный. Аграмматичными их делает именно ошибка в последнем элементе сочетания. Полагаем, что первая часть конструкции извлекается из памяти целостно, в виде собранных и готовых к использованию блоков, а вторая – конструируется по ходу высказывания. Применение подобной тактики совершенно несвойственно русскоговорящим монолингвам при освоении языка:

(83) Этам летом я буду **в мой бассейн** (Mariya, РУК);

(84) Данная часть сосредоточивается **на главные моменты** переводческого процесса перевода личных документов (Dariusz, РУК);

(85) Здрастьвуте, я буду говорить **об Иркутская область** (Grégory, РУК);

(86) **В английском язык**, как и во французском, «утро» – это время до 12 часов дня (Zura, РУК);

(87) Чтобы структура **в нашей диссертация** была очень точный (Vlad, 16, УП КРЭЯФ);

(88) Это мы учили **в терминальный класс** (Vlad, 16, УП КРЭЯФ).

Отметим, что, хотя «замороженная» форма встречается в речи билингвов даже с достаточно высоким уровнем владения русским языком, в целом билингвы не склонны к ее регулярному использованию, предпочитая выражать грамматические отношения при помощи той или иной флексии.

*Локативные конструкции с предлогами **в** и **на***

Для русского языка характерна следующая стратегия оформления пространственных отношений: «направление в сторону ориентира и местонахождение выражаются предложными группами с одним и тем же предлогом (*в*, *на*, *под*, *за*), но разными падежными формами» [Воейкова, 2011]. Несмотря на четкое противопоставление статики (предложный) и динамики (винительный), как дети, так и взрослые эритажные говорящие часто неверно выбирают падеж, причем замечена явная тенденция: предпочтение отдается «статической» конструкции (89)–(94). Обратная замена предложного винительным встречается крайне редко (95)–(96). Интересно, что эта же закономерность была подмечена и у детей-монолингвов в возрастном диапазоне от полутора до трех лет. М.А. Еливанова полагает, что ребенку при освоении родного русского языка «при употреблении предложно-падежных конструкций важнее обозначить локализацию предмета, нежели собственно его статическое или динамическое состояние» [Еливанова, 2011, с. 106]). У монолингвов дифференциация этих значений происходит к пятилетнему возрасту, когда полностью складывается система падежного словоизменения и за каждым падежом закрепляются определенные значения. Билингвам сложнее выстроить устойчивую систему из-за недостатка языкового материала, и некоторым из них так и не удается перейти к различению цели движения и места. Особенно много таких примеров в нашем устном корпусе. Причины, как мы полагаем, две: во-первых, при порождении устного высказывания синтаксический контроль слабее, во-вторых, уровень владения языком часто ниже, поскольку многие из опрошенных не имеют языкового образования, некоторые даже не умеют читать и писать:

(89) Заяц едет в подъёмнике **на станции** в горах (Tatiana, РУК);

(90) Они идёт со мной **в зале мускуляции** (Vlad, 16, УП КРЭЯФ);

(91) Мальчик вышел **на улице** (Vlad, 16, УП КРЭЯФ);

(92) И они может быть пойдет **в лесу** (Maxime, 7;4, УП КРЭЯФ);

(93) Мальчик упал **на голове** оленя (Roxane, 9, УП КРЭЯФ);

(94) В сочи, можно ходить на пляж, ходить **в водной центре** и гулять озеру (Léa, 17, ПП КРЭЯФ);

(95) Он встречалсья с многими известными людьми в Кубе с Каста, и с Эрнестом, **на рыбалку** (Marharyta, РУК);

(96) Как результат внутренней политики, мы можем сказать что земский собор помогал ивану провит **в россию** (Lena, РУК).

Конкуренция предложного с другими падежами

Экспансия родительного падежа может наблюдаться при обозначении времени или временного интервала, при этом предлог выбирается чаще всего верно:

(97) Например **в 19 века** когда было много заражений холерой в мире, наука помагла потом найти вакцину против холеры (Lena, РУК);

(98) Место парламента в 4 октября 1993 и тоже война в чечне **в декабря** 1994 волновался общее собрание о Совета Европы (Adrien, РУК).

В остальных случаях фиксируется та же тенденция: выбор предлога, как правило, делается правильно, ошибочной оказывается флексия родительного падежа:

(99) Сегодня на улице меня допрашивал полицейский **о моих документов** (Pauline, РУК);

(100) Левые презнали своё положение **в депортаметских выборов**, в которых социалисты не достигли прогесса (Tim, РУК);

(101) Моя старшоя сестра работает **в больницы** (Ruslan, РУК);

(102) Собачка застряла **в бокала** (Roxane, 9, УП КРЭЯФ).

Случаи замены предложного другими падежами, как и других падежей предложным, единичны и выглядят как частные ошибки, не укладывающиеся в общую систему.

Заключение

Проанализированный языковой материал позволил установить основные стратегии в освоении и употреблении предложного падежа в письменной и устной речи французско-русских билингвов. К ним относится генерализация, основанная на установлении аналогий разной глубины; упрощение, проявляющееся в игнорировании грамматических нюансов; калькирование, выступающее следствием межъязыковой интерференции. В речи билингвов встречаются «не-кальки», то есть «изобретенные» конструкции, отсутствующие в русской и французской языковых системах. Эритажные говорящие с доминантным французским не склонны к опущению или избыточному употреблению предлогов и к десемантизации предложного падежа. Допускаемые ими ошибки можно отнести к трем типам: словоизменительные инновации, происходящие из-за неверного выбора падежной флексии, используемой для другого типа основы или склонения; морфосинтаксические нарушения, связанные с выбором предлога; ошибки выбора, совершаемые вследствие конкуренции падежей в их индивидуальной языковой системе.

Обнаруженные отклонения свидетельствуют, с одной стороны, о частом «застревании» билингвов на ошибках, свойственных русскоязычным монолингвам раннего возраста, что происходит из-за недостаточного в количественном и качественном отношении инпута, с другой – о своеобразии в освоении языка, что проявляется в ошибках, которые совершенно несвойственны русским детям. Недостаточно освоенные грамматические и семантические правила становятся причинами стойких аномалий, возникающих даже в речи взрослых «эритажников», получающих высшее лингвистическое образование.

Обнаруженные морфосинтаксические нарушения лишь частично подтверждают результаты других исследований, в частности, не выявлено тенденции к утрате предложного падежа. На наш взгляд, замена предложного падежа именительным несколько преувеличена в научной литературе. Полученные данные говорят о том, что конструкции с псевдоименительным при их рассмотрении в сопоставлении с правильными употреблениями и с другими речевыми сбоями составляют незначительную часть материала. Более серьезную проблему составляет, например, выбор падежной флексии на письме или оформление локативных отношений.

Описание и классификация ошибок в речи билингвов представляют собой актуальные задачи, решение которых значимо не только для теоретической лингвистики, но и для методики преподавания русского языка за рубежом. Выявление их механизмов может помочь в разработке дидактических материалов, предназначенных специально для билингвов, находящихся в отрыве от лингво-

культурного контекста, в условиях недостаточного погружения в язык для его качественного овладения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болотова О. Б., 2005. Гласные в спонтанной речи и при чтении связного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 22 с.

Власова Е. А., 2020. Изменения в предложно-падежном управлении при финско-русском двуязычии: корпусный анализ // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 2, № 16. С. 366–396. DOI: 10.30842/alp2306573716213

Воейкова М. Д., 2011. Винительный падеж // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Винительный_падеж

Воейкова М. Д., 2015. Становление имени : Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М. : Фонд «Развития фундамент. лингв. исслед.». 352 с.

Выренкова А. С., Полинская М. С., Рахилина Е. В., 2014. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. № 3. С. 4–19.

Дьячкова М. Д., Лопухина А. А., 2023. Ранние этапы усвоения морфосинтаксиса детьми 1–3 лет (по данным лонгитюдных записей) // Проблемы онтолингвистики – 2023: вариативность речевого онтогенеза : материалы ежегод. Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 28 февр. – 2 марта 2023 г. СПб. : Изд-во ВВМ. С. 55–59.

Еливанова М. А., 2011. Освоение детьми дошкольного возраста локативных синтаксем, обозначающих ориентацию в рамках трехмерной сетки координат // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие : сб. ст. / отв. ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. М. : Яз. слав. культуры. С. 100–121.

Лепская Н. И., 1997. Язык ребенка : (Онтогенез речевой коммуникации). М. : Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 151 с.

Ненонен О., 2014. Ошибки в письменной речи у студентов-билингвов // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие. Helsinki : Helsingin yliopisto. С. 261–280.

Слобин Д. И., 1984. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Слобин Д. И. Психолингвистика. С. 143–207.

Хашимов Р. И., 2018. Двуязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование. М. : Флинта : Наука. 318 с.

Цейтлин С. Н., Чиршева Г. Н., Кузьмина Т. В., 2014. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия. СПб. : Златоуст. 140 с.

Цейтлин С. Н., Абабкова М. И., 2011. Освоение субстантивных синтаксем русскоязычным ребенком и инофоном // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие : сб. ст. М. : Яз. слав. культуры. С. 164–190.

Шустова С. В., Костева В. М., Богоявленская Ю. В., Зубарева Е. О., Лапаева А. А., Серебрякова С. В., Путина О. Н., Боровицкая Е. И., 2022. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: лингвокультурный, социолингвистический и лингвоисториографический аспекты. Пермь : Перм. ин-т экономики и финансов. 192 с.

Polinsky M., 2018. Heritage Languages and Their Speakers. Cambridge : Cambridge University Press. 430 p.

Polinsky M., Kagan O., 2007. Heritage Languages : In the ‘Wild’ and in the Classroom // Language and Linguistic Compass. Vol. 1, № 5. P. 368–395. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x

Slobin D. I., 1997. The Universal, the Typological, and the Particular in Acquisition // The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 5. Expanding the Contexts. N. J. ; L. : Lawrence Mahwah Ass. Publ. P. 1–39.

ИСТОЧНИК

РУК – Русский учебный корпус. URL: http://web-corpora.net/RLC

СЛОВАРЬ

LAR – Dictionnaire de français Larousse. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais

REFERENCES

Bolotova O.B., 2005. *Glasnye v spontannoy rechi i pri chtenii svyaznogo teksta: avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [Vowels in Spontaneous Speech and When Reading Connected Text. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 22 p.

Vlasova E.A., 2020. Izmeneniya v predlozhno-padezhnom upravlenii pri finsko-russkom dvuyazychii: korpusnyy analiz [Morphosyntactic Tendencies of Russian Bilinguals in Finland: Corpus-Based Analysis of Errors in Prepositional Phrases]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research], vol. 2, no. 16, pp. 366-396. DOI: 10.30842/alp2306573716213

Voeikova M.D., 2011. Vinitelnyy padezh [Accusative Case]. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian Corpus Grammar]. URL: http://rusgram.ru/Vinitel'nyj_padezh

Voeikova M.D., 2015. *Stanovlenie imeni: Rannie etapy usvoeniya detmi imennoy morfologii russkogo yazyka* [Acquisition of a Name: Early Stages of Children's Acquisition of Nominal Morphology of the Russian Language]. Moscow, Fond «Razvitiya fundament. lingv. issled.». 352 p.

Vyrenkova A.S., Polinskaya M.S., Rakhilina E.V., 2014. Grammatika oshibok i grammatika konstruktsiy: «eritazhnyy» («unasledovannyy») russkiy yazyk [Grammar of Errors and Construction Grammar: "Heritage" ("Inherited") Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 4-19.

Dyachkova M.D., Lopukhina A.A., 2023. Rannie etapy usvoeniya morfosintaksisa detmi 1–3 let (po dannym longityudnykh zapisey) [Early Morphosyntactic Development in Russian-Speaking Children Aged 1–3 Years (Based on a Longitudinal Corpus)]. *Problemy ontolingvistiki – 2023: variativnost rechevogo ontogeneza: materialy yezhegod. Mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg, 28 fevr. – 2 marta 2023 g.* [Problems of Ontolinguistics – 2023: Variability of Speech Ontogenesis. Proceedings of the International Scientific Conference (Saint Petersburg, February 27 – March 2, 2023)]. Saint Petersburg, Izd-vo VVM, pp. 55-59.

Elivanova M.A., 2011. Osvoenie detmi doshkolnogo vozrasta lokativnykh sintaksem, oboznachayushchikh orientatsiyu v ramkakh trekhmernoy setki koordinat [Preschool Children's Acquisition of Locative Syntaxes Denoting Orientation Within a Three-Dimensional Coordinate Grid]. Tseytlin S.N., Yeliseyeva M.B., eds. *Put v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie: sb. st.* [Path to Language. Monolingualism and Bilingualism. Collection of Articles]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 100-121.

Lepskaya N.I., 1997. *Yazyk rebenka (Ontogenez rechevoy kommunikatsii)* [Child's Language (Ontogenesis of Speech Communication)]. Moscow, Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova. 151 p.

Nenonen O., 2014. Oshibki v pismennoy rechi u studentov-bilingvov [Errors in Written Speech Among Bilingual Students]. *Instrumentariy rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Linguistics: Errors and Multilingualism]. Helsinki, Helsingin yliopisto, pp. 261-280.

Slobin D.I., 1984. Kognitivnye predposylki razvitiya grammatiki [Cognitive Prerequisites for the Development of Grammar]. Slobin D.I. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics], pp. 143-207.

Hashimov R.I., 2018. *Dvuyazychie i interferentsiya: sushchnost, tipologiya i funktsionirovanie* [Bilingualism and Interference: Nature, Typology, and Functioning]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ. 318 p.

Tseytlin S.N., Chirsheva G.N., Kuzmina T.V., 2014. *Osvoenie yazyka rebenkom v situatsii dvuyazychiya* [Child Language Acquisition in a Bilingual Situation]. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 140 p.

Tseytlin S.N., Ababkova M.I. Osvoenie substantivnykh sintaksem russkoyazychnym rebenkom i inofonom [Acquisition of Substantive Syntaxemes by a Russian-Speaking Child and a Foreign Speaker]. *Put v yazyk. Odnoyazychie i dvuyazychie: sb. st.* [Path to Language. Monolingualism and Bilingualism. Collection of Articles]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 164-190.

Shustova S.V., Kosteva V.M., Bogoyavlenskaya Yu.V., Zubareva E.O., Lapaeva A.A., Serebryakova S.V., Putina O.N., Borovitskaya E.I., 2022. *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigme: lingvokulturnyy, sotsiolingvisticheskiy i lingvoistoriograficheskiy aspekty* [Migration Linguistics in the Modern Scientific Paradigm: Linguocultural, Sociolinguistic and Linguo-Historiographic Aspects]. Perm, Perm. in-t ekonomiki i finansov. 192 p.

Polinsky M., 2018. *Heritage Languages and Their Speakers*. Cambridge, Cambridge University Press. 430 p.

Polinsky M., Kagan O., 2007. Heritage Languages: In the 'Wild' and in the Classroom. *Language and Linguistic Compass*, vol. 1, no. 5, pp. 368-395. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2007.00022.x

Slobin D.I., 1997. The Universal, the Typological, and the Particular in Acquisition. *The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 5. Expanding the Contexts*. New Jersey, London, Lawrence Mahwah Ass. Publ., pp. 1-39.

SOURCE

Russkiy uchebnyy korpus [Russian Learner Corpus]. URL: http://web-corpora.net/RLC

DICTIONARY

Dictionnaire de français Larousse. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais

Information About the Author

Yulia V. Bogoyavlenskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; Professor, Department of German and French, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, jvbog@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4500-1491

Информация об авторе

Юлия Валерьевна Богоявленская, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия; профессор кафедры немецкого и французского языков, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия, jvbog@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4500-1491

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.5

UDC 811.111:81'276.6:61
LBC 81.43.21-55

Submitted: 05.09.2024
Accepted: 13.01.2025

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF CANCER IN ENGLISH MEDICAL CREATIVE NONFICTION

Alexandra V. Nagornaya
HSE University, Moscow, Russia

James Chike Nwankwo
HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The paper discusses the phenomenon of medical creative nonfiction, delineating the factors that engender demand for this type of literature, listing its types and identifying its main features. It highlights the importance of language choices in the presentation of medical facts, as creative nonfiction aims to be comprehensible, engaging and aesthetically pleasing. The paper further narrows down the topic to nonfiction about cancer and considers the use of metaphors as a means of conceptualizing this disease. It provides an analysis of metaphors in two bestsellers written by medical professionals: S. Mukherjee's "The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer" and J. Fung's "The Cancer Code: A Revolutionary New Understanding of a Medical Mystery." The methodological foundation for the analysis is the refined version of the Conceptual Metaphor Theory, supplemented by the Discourse Metaphor Theory (J. Zinken) and the Metaphoric Creativity Theory (Z. Kövecses). The authors reveal the main patterns of metaphor use in each book. The most common source domains utilized in both books are WAR, LIVING BEING, PLANT and SPACE, while JOURNEY, which is a highly recommended source domain for the conceptualization of cancer in contemporary discourses, is barely noticeable. The authors further identify creative metaphors, analyze their conceptual structure, and compare the use of metaphors in the two books to demonstrate the possibility of conceptual experimentation with the topic despite the pressure of discursive conventions.

Key words: medical nonfiction, creative medical nonfiction, cancer, cancer discourse, conceptual metaphor, metaphorical creativity.

Citation. Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch. Metaphorical Conceptualization of Cancer in English Medical Creative Nonfiction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 59-72. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.5

УДК 811.111:81'276.6:61
ББК 81.43.21-55

Дата поступления статьи: 05.09.2024
Дата принятия статьи: 13.01.2025

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РАКА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НОН-ФИКШН»

Александра Викторовна Нагорная
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Джеймс Чайк Нванкво
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается феномен литературного жанра «медицинский художественный нон-фикшн». Определены факторы, способствующие формированию спроса на такую литературу; охарактеризованы его основные разновидности этого жанра. Обоснована важность выбора языковых средств для представления медицинских фактов, поскольку художественный нон-фикшн стремится не только донести

© Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch., 2025

информацию простым и понятным языком, но и создать увлекательный и эстетически привлекательный нарратив. В фокусе исследования находится литература об онкологических заболеваниях. Объектом изучения стала метафора как средство концептуализации рака. Анализ проведен на материале двух бестселлеров, написанных профессиональными медиками: «Император всех болезней : Биография рака» С. Мукерджи и «Раковый код : Революция в понимании медицинской тайны» Дж. Фанга. Методологическим базисом исследования послужила современная версия теории концептуальной метафоры, дополненная теорией дискурсивной метафоры (Й. Зинкен) и теорией метафорической креативности (З. Кёвечеш). В статье выделены основные паттерны метафоризации в каждой из изучаемых книг. Показано, что к наиболее востребованным доменам-источникам относятся ВОЙНА, ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, РАСТЕНИЕ и ПРОСТРАНСТВО, в то время как домен-источник ПУТЕШЕСТВИЕ, который активно рекомендуется как основа для осмысления рака в современных англоязычных дискурсах, представлен скудно. В статье установлены креативные метафоры и описана их концептуальная структура. В результате сравнительного анализа метафор, функционирующих в двух книгах, продемонстрировано, что работа в рамках одного жанра и привязка к определенной теме, как и наличие четких дискурсивных конвенций, не являются препятствием для индивидуального метафорического творчества.

Ключевые слова: медицинский нон-фикшн, художественный медицинский нон-фикшн, рак, онкодискурс, концептуальная метафора, метафорическая креативность.

Цитирование. Нагорная А. В., Нванкво Д. Ч. Метафорическая концептуализация рака в англоязычной литературе жанра «художественный нон-фикшн» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 59–72. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.5

Introduction

One of the most notable trends in the contemporary literature is the rise of creative nonfiction, which is alternatively termed literature of facts/reality, verfabula, documentary narrative, and literary journalism [Gutkind, 2024, pp. 9-10], the variety of names suggesting that the genre is still very much in the making.

Creative nonfiction is commonly defined as "fact-based writing that uses the techniques of fiction to bring its stories to life" [Singer, Walker (eds.), 2013, p. 2]. This definition successfully encapsulates the dual nature of the genre, which is sometimes referred to as "the creative territory at the intersection of the arts and sciences" [Evoking Illness..., 2016]. On the one hand, it aims to enlighten the public by providing scientifically sound and verifiable information, always remaining true to facts. On the other hand, it strives to be engaging and aesthetically pleasing. It breaks up with the conventions of dry and rigid scientific prose and highly formulaic journalistic texts to offer dramatic thought-provoking narratives that intrigue and move the reader.

Creative nonfiction lays special emphasis on the "craft of writing" [Gerard, 2004, p. 10], inviting all forms of experimentation with text structure, modes of expression, style and language. It "pushes boundaries and opens doors" [Gutkind, 2024, p. 2], welcoming spontaneity and imagination [Gutkind, 1997]. These features create unlimited research opportunities, enabling us to approach creative nonfiction from a variety of angles. The research presented in this paper is thematically narrowed down to medical nonfiction with a further focus on literature about cancer. The particular research interest is the use of metaphors, which are an indispensable tool in creating a narrative which appeals "not just to readers' intellects but to their hearts and senses" [Singer, Walker (eds.), 2013, p. 3].

Material and methods

This paper takes a look at one particular subtype of medical creative nonfiction about cancer, which can be termed narrative history. These books typically provide a chronological account of cancer research, tracing its history from the first mentions of the disease in ancient manuscripts to the most up-to-date developments.

For this research we have chosen two narrative histories of cancer: "The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer" by S. Mukherjee [Mukherjee, 2011] and "The Cancer Code: A Revolutionary New Understanding of a Medical Mystery" by J. Fung [Fung, 2020]. The choice is accounted for by the following factors: 1) both authors are qualified and practicing medical

professionals, who have a deep understanding of the subject; 2) the narratives follow a similar logic, which makes them comparable and accounts for some structural and linguistic similarities; 3) the books were published within the same decade, which means that they reflect discursive practices of the same period and are influenced by the same discursive trends; 4) both authors demonstrate linguistic mastery and creativity when it comes to describing their subject.

Our research exclusively focuses on the use of metaphors which serve as a means of conceptualizing cancer. This narrow focus is explained by the fact that metaphor is the brightest manifestation of literary mastery and is one of the main techniques that makes medical nonfiction truly creative.

Our research objectives are as follows: 1) to reveal the main patterns of metaphor use in each book by identifying the main groups of metaphors and ways of exploring their conceptual potential; 2) to identify creative metaphors and analyze their conceptual structure; 3) to compare the use of metaphors in the two books to reveal the possibility of conceptual experimentation despite the pressure of general discursive conventions.

The methodological foundation for this research is the Conceptual Metaphor Theory (CMT), which was pioneered by G. Lakoff and M. Johnson [Lakoff, Johnson 1980] and further developed and refined by Z. Kövecses [Kövecses, 2020], G. Steen [Steen, 2015], J. Zinken [Zinken, Hellsten, Nerlich, 2008] and others.

The basic tenet of the theory is that metaphor is not just a speech embellishment, but the main mechanism of cognition, which enables us to establish a systemic set of correspondences between two domains of experience [Kövecses, 2020, p. 1] and understand something new in terms of something already well-known.

While the CMT pioneers ignored the communicative dimensions of metaphors and exclusively focused on their conceptual features, contemporary theorists prioritize research into their real functioning in discourse. They look into ways metaphors are developed, modified and reinterpreted to serve the needs of a certain communicative act. Metaphor is seen as a dynamic phenomenon [Cameron, 2003] which is pluripotential [Kirmayer, 1992, p. 335]. The latter means that metaphor possesses remarkable flexibility and is conceptually inexhaustible: it can always be used in new, unconventional ways to interpret and reinterpret our experience.

This new perspective has contributed to the emergence of several theories and ideas which are particularly relevant to our research. The first one is the Deliberate Metaphor Theory, which argues for the possibility of a deliberate effort in metaphor production and poses that a conceptual metaphor can be represented in discourse by a variety of linguistic structures, including those traditionally classified as similes (cf: *like a ghost*) and their morphological derivatives (cf: *gostlike*), as well as analogies (see: [Steen, 2015]). The Deliberate Metaphor Theory is crucial for us, as a vast proportion of the metaphors that we analyze were introduced into the narrative consciously in order to promote a certain vision of cancer.

Another important recent development is the Discourse Metaphor Theory proposed by J. Zinken. Its central idea is that a metaphor can become the main means of framing a particular discourse at a certain period of time [Zinken, Hellsten, Nerlich, 2008, p. 241]. As a framing device, it imposes a definite conceptual logic on any piece of discourse and may eliminate the use of alternative metaphors. In our case, of particular interest are the CANCER IS WAR metaphor, which has been deliberately promoted in oncological discourses since the early 1970s, and the CANCER IS A JOURNEY metaphor, which has been the highly recommended substitute for military metaphors since the 2010s.

Elevation to the status of a discourse metaphor is rarely a natural process. As a rule, it is the result of a series of deliberate discourse interventions aimed at promoting a desirable vision of the subject. Thus, metaphor is an important tool in discourse construal and an indispensable means of sustaining certain ideologies. However, it can also be used "to disrupt prevalent thinking" and challenge "dominant cultures and practices" [Heracleos, Jacobs, 2011]. New metaphors do not only diversify, but destabilize the discourse, divert its flow and can thus serve as a driver of its development. Therefore, it is crucial to study not only standard, frequently occurring metaphors, which is often the case, but unconventional metaphors, even if they are not presented systemically.

On the other hand, we should never underestimate the cognitive and communicative potential of old metaphors. Multiple but fruitless attempts to eliminate the use of military imagery in cancer discourses have inspired scholars to reconsider their views on the concept of metaphor obsoletion. One cannot but agree with A. Wohlmann who maintains that metaphors "are precious resources that we can and need to work with rather than throw away" [Wohlmann, 2022, p. 1]. A metaphor can always be "repaired" or "repurposed" "in the spirit of upcycling." We should always be ready for its "active reuse, maybe even creative misuse" [Wohlmann, 2022, p. 2]. By being conceptually thrifty we do not only "extend a metaphor's longevity," but "discover new value" [Wohlmann, 2022].

This new perspective distinctly echoes the idea of metaphorical creativity. According to Z. Kövecses [Kövecses, 2015], a creative metaphor does not have to present a principally new source domain. It can be based on a new mapping between conventional domains. As A. Wohlmann states, "generating new meanings from existing metaphors is a creative act" [Wohlmann, 2022, p. 176]. Kövecses further points out that creativity can even be exercised at the verbal level, when an old metaphor is presented with a new word. If we operationalize this broad definition of metaphorical creativity, we can see that no metaphor has to be "retired" [Wohlmann, 2022, p. 63] as it can always be rejuvenated to suit new communicative needs.

Guided by the above listed methodological principles, we used the continuous sampling technique to make up a corpus of metaphors from the two chosen books. We limited our selection to metaphors which are used to conceptualize cancer as a disease, ignoring those that cover other spheres (e.g., descriptions of the time period, activities of medical professionals, the general condition of the healthcare system, etc.). While utilizing the Metaphor Identification Procedure (MIP) [Pragglejaz Group, 2007], we also relied on intuition, whose importance is widely acknowledged by contemporary metaphor scholars (see: [Navarro i Ferrando (ed.), 2019]). It must be noted that the specificity of the genre we are dealing with consists in using a lot of documentary data, which inevitably leads to the inclusion of quoted metaphorical contexts from political speeches, scientific research, newspaper articles and other sources. All these contexts are included in the sample as they are an integral part of the narrative and make up its metaphorical landscape.

To make the procedure more rigorous, each of the authors did the sampling independently, with the findings further compared and negotiated. The finalized sample for S. Mukherjee's "The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer" included 274 contexts, while the sample for J. Fung's "The Cancer Code: A Revolutionary New Understanding of a Medical Mystery" included 215 contexts. We use the term "context" very much in the spirit of E.F. Kittay, who introduced the notion of "a complete metaphorical utterance" [Kittay, 1987, p. 65] to denote a unit of discourse which is sufficient to identify a metaphor. A context may include several instantiations of the same metaphor and even incorporate other metaphors, which play a secondary role in the development of discourse.

Remarkably, if we count the frequency of cancer metaphors per page, we discover an additional highly relevant similarity between the two narratives, as the rounded mean for both is 0.8 metaphors per page. Metaphors were further classified into groups according to the source domain they present, and their conceptual and verbal features were subject to analysis. Metaphors dominating each narrative were identified. Finally, the two narratives were compared to reveal similarities and differences in the metaphorical conceptualization of cancer. We tend to believe that the equality of relevant metaphorical density makes the comparison of the data more revealing.

Results and discussion

Metaphors of cancer in "The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer" by S. Mukherjee

S. Mukherjee's "The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer," published in 2010, is an outstanding piece of creative nonfiction. It was awarded the Pulitzer Prize in 2011, was immediately included in the "All-*Time* 100 Nonfiction Books" by the *Time* magazine and has regularly appeared in various top-ten charts

of medical nonfiction ever since. Its best-seller status is due not only to the subject, which has always been of interest to the general public, and the human angle from which the history of cancer research is presented, but the rich and vivid language the author uses as well. His narrative is especially notable for masterly metaphor use. Mukherjee calls cancer *a disease of symbols* (p. 320), by which he primarily implies that seemingly unrelated events in cancer research can influence each other. However, symbolism permeates the language he uses to describe cancer itself. The importance of metaphor becomes instantly apparent from the name of the book, which personifies cancer by giving it a title (*emperor*) and life story (*biography*). Furthermore, the narrative itself suggests that the author possesses a remarkable metaphorical competence [Danesi, 1992] and uses metaphors with a great degree of deliberation. It can be confirmed by a copious use of metalinguistic comments and special markers, such as *metaphorically*, *to find a metaphorical analogue*, *to use Egan's vivid metaphor*, *the Laskerites' favorite metaphor*, *dreamy and visceral metaphor,* etc. Moreover, Mukherjee ponders on the use of some metaphors considering their "social benefits and social costs" [Mey, 2001]. For instance, he believes that the crusade metaphor for anticancer campaigns ideally suited the 1950s cancer discourse, as it successfully encapsulated the fanatical commitment that activists like Sidney Farber and Mary Lasker had to their cause (p. 90). In another context, he pinpoints the negative impact of the war metaphor, which can "whip up a froth of hype and hope" and lead to a catastrophe if the desired victory is never achieved (p. 142). He further questions its validity for cancer research, accusing it of neglecting the "colossal diversity" of the disease and presenting it as "a single, monolithic entity" – the enemy (p. 132). The latter observation is of particular value as it presents an angle which is absent in wide public discussions of the military metaphor. CANCER IS WAR seems to distort the scientific view of cancer, dangerously simplifying the picture.

From the start, we expected to find a wide range of military metaphors in Mukherjee's book, as it takes a chronological look at the history of cancer research and gives a detailed account of the 20th century developments. Since the genre of the book is nonfiction and the author heavily relies on documentary sources, it is inevitable that he replicates the most influential discursive patterns of the period, the military metaphor being the most prominent of them.

Indeed, contexts with the CANCER IS WAR metaphor make up ≈50.7 per cent of our sample (n = 139). A considerable proportion of them (14 contexts) are reproductions of the basic metaphorical "formula" "War on Cancer", the use of capital letters suggesting that it is a quote from the dominant political rhetoric of the time. Cf.: *Testifying before Congress in 1969, Watson had lambasted the War on Cancer as ludicrously premature* (p. 332). These examples are of little research interest, as are conventional phrases like *attack on cancer*, *battle against cancer*, *conquest of cancer*, *losing the war against cancer* and others. Alongside them, Mukherjee uses less common but still highly conventional metaphorical formulae like *confronting and annihilating cancer* and *obliterate cancer* (p. 59).

However, we can find some metaphors which can be deemed creative. Thus, following the conceptual logic of presenting cancer as an enemy, Mukherjee suggests a new metaphorical mapping focusing on the type of aggressive behavior and finding a new aspect of the source domain. The cancer cell becomes a *marauder*, as it does not only occupy the territory it is not entitled to, but steals somebody else's property. Cf.: *a* ***marauding*** *cell that crawled out of one's own body and occupied it from the inside* (p. 139).

Another noteworthy conceptual innovation is experimentation with the conventional idea that treatment methods are weapons. On the one hand, he suggests focusing on the properties of the weapons and describes them as *blunt* (p. 231). This descriptor immediately evokes the image of traditional cold steal weapons, rather than modern firearms. More efficiently than anything else it conveys the idea that scientists are using outmoded approaches and methods, which are doomed to failure in the war against such a potent enemy as cancer.

On the other hand, Mukherjee metaphorically aggregates anticancer weapons, presenting their sum total as *armamentarium* and *armada*. Cf.: *Before the 1980s, the* ***armamentarium*** *of*

cancer therapy was largely built around two fundamental vulnerabilities of cancer cells (p. 296); *As the* ***armada*** *of cytotoxic therapy readied itself for even more aggressive battles against cancer, a few dissenting voices began to be heard along its peripheries* (p. 158). While *armamentarium* can be seen as a substitute for the more traditional *arsenal* and suggests creativity at the verbal level, *armada* represents a truly conceptual innovation. It profiles the idea of a consolidated effort made by different forces to achieve a common goal. It is especially apt given the variety of approaches to cancer treatment and the need to carefully calculate the force of the impact.

One of the important points of Mukherjee's narrative is the nonlinearity of the progress in cancer research and treatment. He describes periods of stagnation and moments of important breakthroughs, as well as multiple mistakes and gridlocks. This narrative logic necessitates the use of conceptual and verbal means that would efficiently convey the idea of discontinuity. Staying within the military conceptual framework, Mukherjee creates the truce metaphor to refer to a period when the introduction of new treatment protocols won the scientists some time during which they were able to think of more efficient anticancer measures. Cf.: *Adjuvant chemotherapy and hormonal therapy were like truces declared in the battle – signs, merely, that a more aggressive attack was necessary* (p. 167). Discontinuity is also conveyed by the attack metaphor which is creatively represented with the predicate *charge on*: *So cancer medicine* ***charged on,*** *even if it meant relinquishing sanctity, sanity, or safety* (p. 167).

Another notable example of creativity at the verbal level is the context *She* ***soldiered*** *through the punishing regimen of high-dose chemotherapy and its multiple complications* (p. 239). The PATIENT IS A SOLDIER metaphor is commonly used within the military conceptual framework to refer either to patients who fight cancer or to medical professionals who maintain a united front in the battle against cancer. In this context, however, we have a verbal metaphor, which is unusual. By casting the metaphor in the syntactic role of the predicate, the author somewhat defocuses it, shifting our attention from the patient's agency to the impact of the therapy.

It should not escape notice that Mukherjee uses a number of metaphors rooted in mythology. He refers to two famous plots: the Trojan War and Beowulf. In the first case he exploits the popular theme of Achilles' vulnerability to describe cancer's susceptibility to treatment: *One could direct endless arrows at* ***the Achilles' heel of cancer*** (p. 324). In the second case, Mukherjee quotes a researcher who likens the scientists' attempt to conquer cancer to Beowulf's battle with Grendel (p. 264). This mythological touch correlates with the tendency to present anticancer efforts not just as a war, but as a crusade, which is mentioned in our sample seven times.

Interestingly, the prominence of the CANCER IS WAR metaphor in the narrative somewhat revitalizes the imagery that underlies very conventional medical terms. Chief among them is *invade* and its derivatives, which is now used to denote the kind of cancer that spreads from the original spot (*invasive cancer*). In Mukherjee's narrative the truly metaphorical and terminological uses are so intertwined that it is not always possible to differentiate between them. Cf.: *Cancer is an expansionist disease; it* ***invades*** *through tissues, sets up colonies in hostile landscapes, seeking "sanctuary" in one organ and then immigrating to another* (pp. 36-37) vs *To investigate the possibility of a* ***brain invasion*** *by cancer cells, Frei and Freireich looked directly at the spinal fluid using a spinal tap, a method to withdraw a few milliliters of fluid from the spinal canal using a thin, straight needle* (p. 112). A similar situation can be observed with the term *target* which is now used for special types of cancer therapy. The author reminds us of its original "military" meaning by putting it into contexts semantically dominated by the war metaphor. Cf.: *Even* ***targeted*** *therapy, then, was a cat-and-mouse game. < ...> We were locked in a perpetual* ***battle*** *with a volatile* ***combatant*** (p. 324); ***Targeting*** *these hyperactive genes, while sparing their modulated normal precursors, might be a novel means* ***to attack*** *cancer cells more discriminately* (p. 297).

In summary, it appears that popular speculations about the exhausted conceptual and communicative potential of the CANCER IS WAR metaphor in cancer discourse are groundless, and A. Wohlmann's ideas about the

possibility of active reuse of old metaphors and the need to treat them as precious resources are confirmed.

While CANCER IS WAR, which has been a discourse metaphor since the1970s, is richly represented in Mukherjee's book, its more recent counterpart CANCER IS A JOURNEY is barely noticeable. Only ≈1.8 per cent of the contexts (n = 5) in our sample contain this metaphor. Predictably, all of them refer to the process of cancer treatment and cure, in many cases representing the experiential perspective of the patient (see: [Nagornaya, Nwankwo, 2023]). Curiously, in three out of the five contexts cancer experience is described as a voyage, the type of journey which is long (Cf.: *a long journey, especially by sea or in space* [Oxford Advanced..., 2008]) and rather precarious, depending on the conditions a person is unable to predict or control. Cf.: *Ben Orman had been definitively cured of Hodgkin's lymphoma. It had not been an effortless* ***voyage*** (p. 291).

One context in this part of the sample is particularly remarkable as it unfolds a detailed journey scenario. Mukherjee provides an extensive quote from M.K. Jencks's essay "A View from the Front Line," in which she describes her experience of getting a cancer diagnosis as *being woken up midflight on* ***a jumbo jet*** *and then thrown out with* ***a parachute*** *into a foreign landscape without a map"*. On this journey, she has neither a map nor a compass and lacks special training, while people who are supposed to guide her are unaware of the final destination (p. 243).

Mukherjee's own contribution to the promotion of the trendy CANCER IS A JOURNEY metaphor is very modest. Explicitly profiling the length of the cancer treatment, he presents the experience as *a marathon*: *"It's going to be a long haul.* ***A marathon****," I stammered apologetically, groping for an analogy. "But we'll get to the end."* (p. 117). He also considers another aspect of the scenario, the destination, completely depriving it of any positivity: *Orman epitomized the afterlife of cancer – eager to forget the clinic and its bleak rituals,* ***like a bad trip to a foreign country*** (p. 291).

A much better represented metaphor in the sample is CANCER IS A LIVING BEING (n = 70, ≈25.5 per cent). As noted above, this metaphorical perspective is established in the title of the book, in which cancer is explicitly anthropomorphized. Mukherjee confesses that he originally opted for a much more neutral title, intending to write a *history* of cancer. However, the deeper he delved into the topic, the stronger he felt the *metaphorical seduction* (p. 37) to personify cancer, to give it a biography. Cancer has a *personality* (pp. 118, 122) rather than "characteristics"; each of its numerous types has its own *temperament* (p. 122) rather than "diagnostic signs"; cancer *behaves* (pp. 122, 217, 224, 282, 284, 289, 331, 334) rather than "manifests itself". He describes cancer as an *individual* that is *enigmatic, deranged* (p. 37), *capricious* (p. 120), *uninhibited* (p. 159), *doggedly recalcitrant* (p. 240). Cancer is *a desperate individualist* and *a nonconformist* (p. 36). It is capable of performing deliberate, well-planned and ill-intended actions, such as *stripping people of identity* (p. 13), *disobeying* (p. 49), *gripping patients* (p. 95), *shrugging off new drugs* (p. 118), *sneaking up on people* (p. 122), *feasting and feting* (p. 275), *humiliating patients and sentencing them to death* (p. 342), acting as a *thief* (p. 192), etc. It has very distinct human morphological features, leaving *fingerprints* in history and having *eyes* (p. 39) people can look in. Moreover, cancer acquires human physiology becoming capable of being *born, dying, starving*, etc. Cf.: *If prostate cancer could* ***be starved*** *to near-death by choking off testosterone, then could hormonal deprivation be applied* ***to starve*** *another hormone-dependent cancer?* (p. 160). Experimenting with anthropomorphization, Mukherjee resorts to what can be termed grammatical metaphor, deliberately playing with the category of animacy. Cf.: *But it felt, inescapably, as if I were writing not about* ***something*** *but about* ***someone*** (p. 37). Surprisingly, though, he never elaborates the superior status perspective that he gives in the title by calling cancer *emperor*.

At the same time, Mukherjee utilizes two more metaphoric tactics within the general personification strategy. On the one hand, he zoomorphizes cancer. This conceptual maneuver is prompted by the very name of the disease, which, as is well known, was called after a respective crustacean it begins to resemble when

metastasizing. Cf.: ***Crablike*** *and constantly mobile, it could* ***burrow*** *through invisible channels from one organ to another* (p. 64). Alongside this evident metaphoric development, Makherkjee offers a more creative image of cancer as a snake-pit, profiling the idea of danger that the disease poses and, at the same time, realizing the affective dimension of the zoological metaphor by referring to the creature that traditionally causes awe and aversion. Cf.: *It was a snake-pit – only of cancer, a seething, immersed box coiled with illness, hope, and desperation* (p. 96). Studying the nature of cancer, scientists can clearly identify its animal features: *Biologists looking directly into cancer's* ***maw*** *now recognized that roiling beneath the incredible heterogeneity of cancer were behaviors, genes, and pathways* (p. 284).

On the other hand, Mukherjee presents cancer as a different kind of species, which is neither human nor animal. He means to profile its otherness, continually pointing out the feature that makes it truly unique: relentless and adamant strife for survival. Cf.: *To confront cancer is to encounter* ***a parallel species****, one perhaps more adapted to survival than even we are* (pp. 36-37). Calling it ***an internal alien*** (p. 139), he reminds the reader that it is generated by the body itself, and this genetic inseparability gives rise to two similar but different metaphors. At the cellular level, cancer can be conceptualized as a twin, with a focus on the genetic kinship between benign and malignant cells. Cf.: *Perhaps cancer, the scrappy, fecund, invasive, adaptable twin to our own scrappy, fecund, invasive, adaptable cells and genes, is impossible to disconnect from our bodies* (p. 338). However, at a more general and partly metaphysical level, it is presented as our doppelgänger, a sinister ghostly creature that replicates our appearance but is totally alien to us. Cf.: *This image – of cancer as our desperate, malevolent, contemporary doppelgȯnger – is so* ***haunting*** *because it is at least partly true* (p. 37). The ability of cancer to behave like a ghost, haunting both our bodies and our imagination, is mentioned in the narrative several times. Cf.: *cancer* ***haunted*** *them generation upon generation, appearing and reappearing in parents, children, and grandchildren* (p. 276). The metaphysical character of cancer as a creature is also reflected in the metaphor of incarnation, which appears in the narrative thrice. Cf.: *For an oncologist in training, too, leukemia represents a special incarnation of cancer* (p. 12). This incarnation can be diabolic, *ghoulish* (p. 139).

The next group of metaphors, made up of 7 contexts (≈2.8 per cent), is CANCER IS A PLANT. Paradoxically, this image is largely inspired by the term *radical*, which is used in reference to a surgical protocol and is interpreted etymologically as *uprooting*. Cf.: *...The word* ***radical*** *was a seductive conceptual trap. Halsted had used it in the Latin sense of "root" because his operation was meant to dig out the buried, subterranean* ***roots*** *of cancer* (p. 58). Such examples do not only confirm the old observation that any language is "a graveyard of dead metaphors" (see: [Kövecses, 2020, p. 23]), but demonstrate the possibility of their resuscitation, creative reuse and repurposing [Wohlmann, 2022, p. 1]. In this particular case, the reuse was highly manipulative, as advocates of the radical surgical protocols justified the unnecessary damage inflicted on the patients' bodies and unbearable sufferings associated with it. Once the conceptual framework for the plant imagery is established, it opens up possibilities for other mappings to be presented. A particularly interesting example is the context, in which the terminal stage of cancer is conceptualized as the blossoming of a plant: *Cancer had reached its full, lethal* ***bloom*** *that month* (p. 290).

So far, we have discussed metaphors which are common in cancer discourse and considered their creative variations. However, Mukherjee uses a number of conceptual forms which possess a higher degree of originality. Among them is the spatial interpretation of cancer, which is presented in 18 contexts (≈6.6 per cent of the sample). The quintessentially spatial metaphor is *Cancerland* (p. 82), which demonstrates the ludic aspect of metaphor use, at the same time emphasizing the vastness of cancer as a research object.

The most prominent metaphor, however, is CANCER IS A LANDSCAPE. Cf.: *By the autumn of 1968 < ...> the* ***landscape*** *of cancer witnessed a seismic shift* (p. 131). The landscape metaphor has at least two distinct conceptual benefits. Firstly, it successfully conveys the idea of the complexity of cancer as a disease, lack of

uniformity and, consequently, impossibility of universal, silver bullet solutions. Secondly, it profiles the importance of the vantage point: the vision of cancer depends on the stance a researcher takes, and a "panoramic view" is hardly attainable. In one of the contexts, Mukherjee explicitly uses the term *geological metaphor* to describe a research project aimed at getting a comprehensive picture of cancer forms. To follow the logic of the proposed metaphor, he calls this process *charting the entire territory of cancer* (p. 329).

Notably, Mukherjee does not only stress the wide variability of the already discovered cancer forms, but also predicts its further expansion. This conceptual perspective is set by the use of the metaphor CANCER IS A UNIVERSE, cf: *the bizarre, cavitary universe of cancer* (p. 116). A "cosmic" view of cancer invites experimentation with different astrophysical notions. Mukherjee, for instance, describes cancer as possessing *a gravitational tug* and following a certain *orbit* (p. 13). It must be stressed, though, that the author uses this group of metaphors only when he speaks about cancer as a research issue.

When it comes to the biology of cancer, Mukherjee pays special attention to the speed at which cancer cells grow. He offers a rather unusual metaphor CANCER IS AN EXPLOSION, which is represented in 7 contexts (≈4.7 per cent of the sample). Primarily focusing on the speed, this metaphor also profiles unpredictability of cancer and the destructive impact it has on the patient's body. Cf.: *Cancer, even when it begins locally, is inevitably waiting to explode out of its confinement* (p. 64).

An alternative metaphor, which specializes in presenting the biology of cancer and is presented fairly systemically, is CANCER IS A MACHINE (n = 7, 2.6 per cent of the sample). Mukherjee resorts to it when he describes the ability of the cancer cell to divide endlessly, with a mechanical tirelessness which contradicts the laws of nature and is unusual even for mechanisms. Cf.: *Cancer is that* ***machine*** *unable to quench its initial command (to grow) and thus transformed into an indestructible, self-propelled automaton* (p. 36). Uncontrollable growth is further conceptualized as a breakdown: *The cancer cell was a broken, deranged* ***machine*** (p. 276). Mukherjee offers more specific mechanical images as well, presenting the cancer cell as *a malevolent pinwheel* (p. 147), a car with a *jammed accelerator* or *missing brakes* (p. 269). At the onset of cancer, the afflicted organ turns into a *factory in overdrive, a deranged manufacturing unit for cancer cells* (p. 29).

The rest of the metaphors in the sample (5.3 per cent) are isolated examples, among which are such metaphors as CANCER IS CHAOS, CANCER IS A PRISON, CANCER IS DARKNESS, CANCER IS A FLAW and others. Of particular note here is the language metaphor, that profiles logic and systematicity in cancer development, and even a certain aesthetics which natural languages typically possess. Cf.: *The language of cancer is grammatical, methodical, and even – I hesitate to write – quite beautiful* (p. 331).

Metaphors of cancer in J. Fung's "The Cancer Code: A Revolutionary New Understanding of a Medical Mystery"

J. Fung is a Canadian nephrologist and specialist in functional medicine. He is an experienced writer who has authored seven medical nonfiction books. The book we are considering in this paper is part of a series that discloses the biological nature of common health conditions: diabetes, obesity and cancer. Unlike Mukherjee's bestseller, it has not won any awards but is regularly included in top ten cancer nonfiction lists.

What catches attention is that although Fung demonstrates remarkable mastery in the use of metaphors, he does not explicitly mark them. The only metalinguistic comments to be found in the narrative are *Consider this analogy* (p. 201) and *Consider another analogy* (p. 95). Neither does the author reflect on the use of metaphors, which is another point of difference with Mukherjee's book. Fung seems to have taken a much more utilitarian approach to metaphors, using them as "problem solving tools" [Hidalgo-Downing, Kraljevic Mujic, 2020, p. 6] whenever he wants to eliminate the barrier between specialist and lay knowledge and explain difficult concepts.

Following the order in which metaphors were analyzed in the previous section, we will start with the metaphor CANCER IS WAR, which is

presented in 70 contexts (≈32.6 per cent of the sample). Just like in S. Mukherjee's narrative, alongside highly conventional metaphors like *winning the war on cancer*, *weapons to defeat cancer*, *to prevent and fight cancer*, *battle against cancer*, etc., there are a number of creative forms. The most notable of them pertains to cancer treatment. In line with the general conceptual logic of the war metaphor, which prompts the use of weapon imagery for such situations, Fung comes up with a new metaphor for chemotherapy. Considering its indiscriminate character, enormous destructive potential for the whole body and prolonged aftereffects, he metaphorizes it as *carpet bombing* (pp. 69, 266). The novelty of the metaphor, as well as its deliberate use, is proved by the fact that its first occurrence in the narrative is explicitly marked as a conceptual experiment. Cf.: *If chemo* ***could be considered a kind of*** *carpet bombing...* (p. 69). Furthermore, the creative metaphor CHEMOTHERAPY IS CARPET BOMBING makes up a conceptual backdrop against which another metaphor is effectively construed. The author introduces the image of a *smart bomb* to refer to new target therapy. As *smart* is an acronym for **s**pecific, **m**easurable, **a**ssignable, **r**ealistic and **t**ime related, it successfully conveys the idea of precision and, additionally, reinforces the semantics of unnecessary violence that the *carpet bombing* carries. Fung appears to be an ardent advocate of target therapy, constantly reminding the readers about its apparent advantages and calling it *a precision-guided missile* (p. 262). Another conceptual maneuver that throws its benefits into sharp relief is referring to older treatment methods as *the trench warfare of World War I*, which infamously *dragged on without noticeable progress, and the bodies piled up* (p. 14). Reference to this well-known historical event conjures up a complex affectively charged scenario, which makes a profound impression on the reader. In a similar vein, J. Fung refers to a fictional scenario to evoke a complex set of associations and emotions in the reader: *Cancer is like the postapocalyptic world of Mad Max, where small bands of people fight one another for resources* (p. 129).

A much less specific scenario, which is repeatedly used in the book, is the conquest of a new territory. J. Fung resorts to it to describe the process of metastasizing, constantly enriching it with new details. Cancer cells advance slowly, aiming to *gain a foothold* (p. 211) on *distant shores* and avoid being *slaughtered* (p. 212). Their goal is strategic; they intend not just to invade a new territory, set up an *outpost* (p. 221) and *survive on the hostile shores* (p. 212), but to *settle* (p. 214) there, find *a safe harbor* (p. 212), to fully own the new land.

One more notable innovation within the general military frame is the metaphor CANCER TREATMENT IS A VENDETTA. Cf.: *Nobel laureate Dr. James Allison harbored a deep personal* ***vendetta*** *against cancer, having lost his mother to lymphoma, his uncle to lung cancer, and his brother to prostate cancer* (p. 260). This metaphor conveys the idea of a very local conflict, driven by personal and highly emotional motives. It seems like a perfect means of denoting an individual endeavor, which cancer research history is so rich in.

While heavily relying on the war metaphor, J. Fung also offers its "lightened" version, CANCER IS A COMPETITION. Although it retains the semantics of opposition, the competition metaphor is much less violent and actively profiles the importance of strategic thinking. The total number of relevant contexts is 7 (≈3.3 per cent of the sample). In some cases, Fung explicitly refers to the domain of sport to highlight the qualities and physical capabilities that cancer seems to possess. Cf.: *Cancer* ***plays chess****, an everchanging, constantly evolving, strategic* ***game*** (p. 139). In other contexts, the author mentions an important feature of a certain sport and leaves it up to the reader to build up the whole picture. Thus, in the context below, the reader can easily imagine a boxing match with cancer as the winning opponent: *Cancer was delivering punishing uppercuts to our face, and we had managed only to tousle its fancy hairdo* (p. 14). Besides, Fung experiments with the idea of status in sport, for instance, calling breast cancer *a major-league cancer* (p. 70).

One context here stands out as the competitive opposition is described through reference to a famous literary plot: *Cancer* ***is playing*** *a cellular* ***Game*** *of Thrones. You win or you die* (p. 204). The predicate *play*, which belongs to the sports and games domain, clashes with the violence conveyed in the second sentence

of the context. Its use was obviously inspired by the word *game* rather than by the features of the struggle that is being alluded to.

As for the metaphor CANCER IS A JOURNEY, it can be found in 14 contexts (≈6.5 per cent). However, the angle it presents is quite different from the one usually conveyed by this metaphor. Instead of presenting the experiential perspective of the cancer patient, Fung's journey metaphor highlights the behavior of cancer cells. It appears most relevant to cancer metastasis, which is described as a *traumatic journey* to the *distant shores of a foreign organ* (p. 208), a *travel* along a *highway* to *distant sites* (p. 207), *following a guided path rather than a random walk* (p. 147), a circulation *like a raft adrift in the ocean* (p. 220).

The next group of metaphors, which is the most prominent in the sample, is CANCER IS A LIVING BEING, presented in 71 contexts (≈33 per cent of the sample). Here J. Fung uses basically the same strategies as S. Mukherjee, presenting cancer as a human being, an animal, and an alien species, and the same tactics, highlighting specific features of human and animal behavior that can be attributed to cancer. Cf.: *Again, cancer is* ***like a crab****, sending invisible microscopic pincers out into adjoining tissue* (p. 23). What merits attention, however, is the choice of imagery within the zoomorphization strategy, which is not very common. Among the most intriguing examples here are the camel metaphor, which is used to describe cancer's insatiability, and a most unusual locust metaphor, which successfully conveys the idea of cancer's vitality and indestructability. Cf: *Because glycolysis generates much less ATP per glucose, cancer cells must drink up glucose* ***like a camel*** *drinks water after a long desert trek* (p. 198); *Suppose you spray one billion* ***locusts*** *with pesticide to reduce that population by 99.9 percent to one million. Those one million remaining* ***locusts*** *now have no competition for food and begin to expand their population exponentially. Eventually, you end up with a billion pesticide resistant* ***locusts.*** *Cancer cells are no different. You can kill 99.9 percent of cancer cells with chemotherapy, but those surviving cells face reduced competition and therefore plenty of resources to thrive. Also, the new population of cancer cells will be treatment-resistant* (p. 266).

However, there are a number of original conceptual suggestions. For instance, Fung describes the cancer cell not as an isolated individual, but as part of a community that refuses to follow generally accepted rules. Its anti-social behavior mostly manifests itself in refusal to cooperate. Cf.: *Cancer is the* ***breakdown*** *of multicellular cooperation* (p. 130). Fung offers some very detailed and vivid metaphorical scenarios to demonstrate cancer's destructive individualism. Of particular note is the following context in which cancer is explicitly anthropomorphized: *Cancer is* ***the guy*** *who deliberately drives his pickup truck over his neighbor's lawn. Competition can involve making yourself better or making your competitors worse. Both strategies work. Welcome to the jungle. As in a society, cells in a multicellular organism must be good* ***neighbors****. Multicellular organisms must maintain the extracellular environment (called the extracellular matrix) so as not to harm their* ***neighbors****. Normal liver cells, for example, cannot simply dump their waste next door into the lung's backyard. Normal breast cells can't start destroying neighboring skin cells* (p. 125).

Another interesting innovation within this group of metaphors is the presentation of cancer as a prodigal son: *These prodigal sons of cancer return to settle back in their ancestral home, which provides them a have* (p. 212). The use of the well-known biblical plot enables the author to enliven and simplify the complex notion of cancer cell circulation and, at the same time, bring home to the reader the errant logic of cancer metastasis. In another context, Fung refers to cancer as a *delinquent child* (p. 82). This time, however, he does not focus on cancer's antisocial behavior as such, referring instead to insufficient attention given to cancer research and lack of evident progress in its study.

Finally, J. Fung evinces creativity in finding effective similes exploiting popular plots to describe the features of cancer in a compact and vivid way: *We thought cancer was crazy, like the Joker, when it is actually more akin to Lex Luthor: wickedly smart* (p. 114).

A surprisingly high proportion of metaphors in the Fung sample belongs to the CANCER IS A PLANT type (n = 32, ≈14.9 per cent). Fung

explicitly mentions the authorship of the metaphor, which belongs to Stephen Paget (p. 107), and links its popularity to the radical procedure pioneered by W. Halsted (p. 23). While most of the contexts metaphorically present cancer as a seed ($n = 21$), Fung also describes it as a full-grown plant. In one context, he deliberately chooses the type of plant which is deemed useless, undesirable and uncontrollable, and which is, basically, a side effect of intentional and successful farming – a weed: *Feeding cancer lots of vitamins is like sprinkling fertilizer onto an empty field in the hope of getting a nice, lush lawn. You want the grass to grow, but the* ***weeds****, being the fastest-growing plants in the field, also take up the nutrients and grow like... well,* ***weeds****. When vital nutrients like beta-carotene are available in large doses, cancer cells are highly active and grow like* ***weeds*** (p. 165). In two other contexts cancer is presented as a tree. This image is completely devoid of negativity, mostly profiling the strength of cancer and its ability to survive against all odds. Cf: *Think about a* ***tree****. You can cut it down with a single ax blow aimed at the* ***trunk****, but it's difficult to chop through it. If you remove side* ***branches****, you won't likely impede the* ***tree's*** *overall growth, because you are pruning the* ***tree*** *rather than cutting it down. Cancer is the same. The* ***trunk*** *is usually too tough to cut, and targeting hundreds of small side* ***branches*** *is inefficient* (p. 137).

However, the high relevance of the plant metaphor to J. Fung is accounted for by a different factor. A proponent of functional medicine and advocate of holism, Fung draws the reader's attention to the condition of the human body that metaphorically serves as a fertile soil that enables the cancer seed to grow and the cancer plant to flourish. As he emphasizes, ***cancer seeds*** *are everywhere, but they are irrelevant without fertile soil* (p. 219). Stressing the importance of the soil in 12 contexts, Fung demonstrates the possibilities for expanding the conventional metaphor, smoothly and seamlessly incorporating new meanings in familiar and well-tested conceptual forms.

The remaining 9.7 per cent of the sample are isolated examples which include such metaphors as CANCER IS CHAOS, CANCER IS A GENETIC LOTTERY, CANCER IS A MISTAKE, CANCER IS A CHANGELING, etc. Of special note are two contexts. In one of them cancer is presented as a work of art, a metaphor which gives credit to cancer's unique features which give it outstanding vitality: *Evolution has worked at cancer like a sculptor works at stone, designing, chiseling, rounding, edging, and perfecting its survival genes. Gradually, the finished piece emerges: a lethal work of art* (p. 157). The other one is a quintessentially visual metaphor which efficiently conveys the idea of cancer's exponential growth in the body, simultaneously profiling the idea of its otherness: *The cancer grows larger, like a drop of red wine on a white tablecloth* (p. 209).

Comparison of cancer metaphors in S. Mukherjee's and J. Fang's books

Despite the common topic and considerable similarities in the narrative logic, S. Mukherjee and J. Fung demonstrate significantly different approaches to the metaphorical conceptualization of cancer. The relevant metaphors and their distribution can be seen in the Table below.

As can be seen from the table, both authors prioritize the war and personification metaphors. While the use of the war metaphors is largely inspired by the historical contexts that both authors recount, personification metaphors reflect a more ancient conceptual tradition and seem to give the authors more freedom in describing cancer itself, rather than the attitude to it. It is noteworthy that both authors evince remarkable metaphorical creativity finding new ways of presenting the war metaphor and thus proving that it still has a lot of conceptual potential. At the same time, neither of the authors seems enthusiastic about the use of the trendy metaphor CANCER IS A JOURNEY, which is being aggressively promoted in English cancer discourses.

What merits a special comment is the higher degree of systematicity in metaphor use in Mukherjee's text, which has only 5.3 percent of isolated metaphors compared to 9.7 in Fung's narrative.

Distribution of conceptual metaphors in the texts under study (in percent)

Conceptual metaphor	S. Mukherjee	J. Fung
CANCER IS WAR	50.7	32.6
CANCER IS A COMPETITION	0	3.3
CANCER IS A JOURNEY	1.8	6.5
CANCER IS A LIVING BEING	25.5	33
CANCER IS A PLANT	2.8	14.9
CANCER IS SPACE	6.6	0
CANCER IS AN EXPLOSION	4.7	0
CANCER IS A MACHINE	2.6	0
Miscellaneous	5.3	9.7
Total	*100*	*100*

Conclusion

Creative nonfiction about cancer utilizes conceptual metaphors to explain the biology of cancer, present it is a subject of scientific scrutiny and describe the impact it has on human lives. As part of a much larger domain of cancer discourse, creative nonfiction largely conforms to the discursive and conceptual conventions that permeate public discussions of cancer. However, writers working within this genre may bend metaphorical conventions modifying discourse metaphors and introducing new conceptual forms. Our analysis revealed pronounced discrepancies in metaphor use between the two authors under study notwithstanding the same sociocultural context of text creation and equal metaphorical density of their narratives. While S. Mukherjee systemically utilizes 7 source domains (WAR, LIVING BEING, SPACE, EXPLOSION, MACHINE, PLANT and JOURNEY), J. Fung uses 5 source domains (WAR, LIVING BEING, PLANT, JOURNEY and COMPETITION). Whereas Mukherjee demonstrates a remarkable loyalty to the dominant discourse metaphor CANCER IS WAR (50.7 per cent of contexts), J. Fung only uses it in 32.6 per cent of the contexts, showing a preference for the CANCER IS A PLANT METAPHOR (33 per cent of contexts). At the same time, Fung demonstrates a stronger inclination toward metaphorical creativity presenting isolated metaphors in 9.7 per cent of contexts against Mukherjee's 5.3 per cent. Another important difference is that S. Mukherjee seems to possess a higher metaphorical competence, marking metaphors linguistically 40 times in the text and pondering on their use, while Fung refrains from any comments. Our analysis proves that despite the pressure of general discursive conventions pertaining to the representation of cancer, the genre of creative nonfiction gives writers an ample space for conceptual and verbal experimentation.

REFERENCES

Cameron L., 2003. *Metaphors in Educational Discourse*. London, Bloomsbury Academic. 306 p.

Danesi M., 1992. Metaphorical Competence in Second Language Acquisition and Second Language Teaching: The Neglected Dimension. *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics*. Washington, Georgetown University Press., pp. 125-136.

Evoking Illness in Fiction and Nonfiction, 2016. URL:https://lithub.com/evoking-illness-in-fictionand-nonfiction/

Fung J., 2020. *The Cancer Code: A Revolutionary New Understanding of a Medical Mystery*. New York, Harper. 368 p.

Gerard Ph., 2004. *Creative Nonfiction. Researching and Crafting Stories of Real Life*. Long Grove, Waveland Press Inc. 224 p.

Gutkind L., 1997. *The Art of Creative Nonfiction: Writing and Selling the Literature of Reality*. Shady Grove, Trade Paper Press. 224 p.

Gutkind L., 2024. *The Fine Art of Literary Fist-Fighting: How a Bunch of Rabble-Rousers, Outsiders, and Ne'er-do-wells Concocted Creative Nonfiction*. New Haven, Yale University Press. 304 p.

Heracleos L., Jacobs C.D., 2011. *Crafting Strategy: Embodied Metaphors in Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. 260 p.

Hidalgo-Downing L., Kraljevic Mujic B., eds., 2020. *Performing Metaphoric Creativity Across Models and Contexts*. Amsterdam, John Benjamins. 346 p.

Kirmayer L.J., 1992. The Body's Insistence on Meaning: Metaphor as Presentation and Representation in Illness Experience. *Medical Anthropology Quarterly*, vol. 6, no. 4, pp. 323-346.

Kittay E.F., 1987. *Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure*. Oxford, Oxford University Press. 372 p.

Kövecses Z., 2015. *Where Metaphors Come From: Reconsidering Context in Metaphor*. Oxford, Oxford University Press. 234 p.
Kövecses Z., 2020. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge, Cambridge University Press. 206 p.
Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press. 242 p.
Mey J., 2001. *Pragmatics: An Introduction*. Oxford, Wiley-Blackwell. 416 p.
Mukherjee S., 2011. *The Emperor of All Maladies: A Biography of Cancer*. New York, Scribner. 573 p.
Nagornaya A.V., Nwankwo J.Ch., 2023. Metaphor as a Means of Representing First-Hand Cancer Experience in English Teen Sick-Lit. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 86-100.
Navarro i Ferrando I., ed., 2019. *Current Approaches To Metaphor Analysis in Discourse*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton. 387 p.
Oxford Advanced Learner's Dictionary, 2008. Oxford, Oxford University Press. 1580 p.
Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse, 2007. *Metaphor and Symbol*. Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates, Inc., pp. 1-39.
Singer M., Walker N., eds., 2013. *Bending Genre: Essays on Creative Nonfiction*. London, Bloomsbury. 208 p.
Steen G.J., 2015. Developing, Testing and Interpreting Deliberate Metaphor Theory. *Journal of Pragmatics*. Amsterdam, Elsevier, vol. 90, pp. 67-72.
Wohlmann A., 2022. *Metaphor in Illness Writing: Fight and Battle Reused*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 224 p.
Zinken J., Hellsten I., Nerlich B., 2008. Discourse Metaphors. *Body, Language and Mind. Vol. 2. Sociocultural Situatedness.* Berlin, New York, de Gruyter, pp. 241-262.

Information About the Authors

Alexandra V. Nagornaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, School of Foreign Languages, HSE University, Moscow, Russia, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6821-0835

James Chike Nwankwo, Postgraduate Student, School of Philology, HSE University, Moscow, Russia, jamescul36@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0343-2883

Информация об авторах

Александра Викторовна Нагорная, доктор филологических наук, доцент, профессор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6821-0835

Джеймс Чайк Нванкво, аспирант Школы филологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, г. Москва, Россия, jamescul36@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0343-2883

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.6

UDC 81'25:791
LBC 81.18

Submitted: 28.03.2024
Accepted: 23.12.2024

COHESIVE TIES IN PROMOTIONAL TEXTS: A MULTIMODAL TRANSLATION PERSPECTIVE ON FILM POSTERS

Svetlana Yu. Pavlina
HSE University, Nizhny Novgorod, Russia

Marina R. Safina
HSE University, Nizhny Novgorod, Russia

Olga D. Prasolova
Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. This study considers multimodal texts of film posters in the light of functional pragmatics and intersemiosis. Film posters lie at the intersection of cinematic and advertising discourses, they cross national boundaries promoting films globally. It informs about our investigation of these promotional texts in the light of multimodal translation. Our research is set in the integrative framework encompassing Social Semiotics and Multimodal Translation. The material includes multimodal texts of film posters in English and their counterparts localized for the Russian audience. The sample texts are analyzed at the levels of meaning-building and reception. We examine cohesive linkages between different semiotic modes in the original posters, then we reveal if these ties are preserved or broken in the course of multimodal translation. Finally, we analyze how the translated versions are perceived by the Russian-speaking viewers. To this end, we conduct an experiment in the form of an interview. The findings reveal that the semantic ties uniting verbal and pictorial elements are not always rendered accurately in the course of multimodal translation, which tends to be assessed negatively by the recipients. However, some participants of the experiment positively evaluate localized posters with broken cohesive links finding them intriguing. It goes in line with the main pragmatic functions of advertising texts as they should not only inform but also stimulate interest in the film, intrigue being a powerful tool to do it. Our empirical study establishes correlation between the genre characteristics of a multimodal text and the perception of its intersemiotic ties.

Key words: cohesion, film poster, multimodal translation, multimodality, promotional text.

Citation. Pavlina S.Yu., Safina M.R., Prasolova O.D. Cohesive Ties in Promotional Texts: A Multimodal Translation Perspective on Film Posters. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 73-85. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.6

УДК 81'25:791
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 28.03.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

КОГЕЗИВНЫЕ СВЯЗИ В ПРОДВИГАЮЩИХ ТЕКСТАХ: КИНОПОСТЕРЫ В РАКУРСЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Светлана Юрьевна Павлина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Марина Рафаиловна Сафина
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Ольга Дмитриевна Прасолова
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

© Pavlina S.Yu., Safina M.R., Prasolova O.D., 2025

Аннотация. Статья посвящена поликодовым текстам кинопостеров, которые рассматриваются в интерсемиотическом и функционально-прагматическом аспектах. Данные тексты призваны продвигать кинопроизведения на международных рынках, что обусловливает их изучение в ракурсе мультимодального перевода. Исследование имеет интегративный характер, его теоретической основой выступают принципы социальной семиотики и мультимодального подхода к переводу. Материалом послужили поликодовые тексты англоязычных кинопостеров и их русскоязычные версии, анализируемые как с позиций создания авторского посыла, так и с позиций его восприятия. Выявлена роль когезивных связей между семиотически разнородными элементами оригинального продвигающего текста; определено, насколько точно данные семантические связи переданы в процессе мультимодального перевода. Для исследования восприятия кинопостеров, переведенных для русскоязычной целевой аудитории, проведен эксперимент на основе интервью. Полученные результаты показали: семантические связи между вербальными и изобразительными элементами текстов выборки не всегда передаются в ходе мультимодального перевода, что, как правило, негативно оценивается реципиентами. В ряде случаев разрушение смысловых цепочек положительно воспринимается адресатами, поскольку это создает недосказанность, интригующую потенциальных зрителей. Данные характеристики коррелируют с базовыми функциями продвигающих текстов, призванных не только информировать, но и создавать интригу, стимулируя интерес к рекламируемому фильму. В результате эмпирического исследования установлена связь между жанром поликодового текста и особенностями восприятия его интерсемиотических связей. *Вклад авторов.* С.Ю. Павлина – формулирование общей концепции и разработка методологии исследования, описание теоретических основ исследования. М.Р. Сафина – формирование эмпирической базы, отбор текстов для анализа, проведение лингвистического эксперимента. О.Д. Прасолова – анализ результатов эмпирического исследования по разработанной методике.

Ключевые слова: когезия, кинопостер, мультимодальный перевод, поликодовость, продвигающий текст.

Цитирование. Павлина С. Ю., Сафина М. Р., Прасолова О. Д. Когезивные связи в продвигающих текстах: кинопостеры в ракурсе мультимодального перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 73–85. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.6

Introduction

Modern communication is marked by the growing salience of visual information and the usage of multiple modes beyond language [Forceville, 2020]. It engendered a medial turn in linguistics stimulating the investigation of semiotically complex, multimodal texts [Chernyavskaya, 2013]. Modern scholarship on multimodality considers the meaning-building in multimodal texts as semiosis of linguistic and visual elements. Verbal and non-verbal modes intertwine and create cross-modal cohesive harmony [Adami, Ramos Pinto, 2020]. Cohesive relations were investigated in the framework of Systemic-Functional Linguistics as semantic ties established by lexico-grammatical means [Halliday, Hasan, 1976, p. 4; Halliday, Matthiessen, 2014, p. 603]. In recent studies discussion of cohesion is extended beyond the realm of systemic linguistics and the focus is shifted to the way discourse-specific and genre-specific conventions shape the type and degree of cohesive linkage present in a text [Christiansen, 2011; Stöckl, Bateman, 2022]. The examination of interrelation of verbal and non-verbal elements is based on various types of multimodal texts including promotional ones [Borisova, 2016]. A substantial body of research is devoted to intersemiosis in static and dynamic commercial advertisements, while multimodal texts promoting films have not garnered due attention yet.

Being semiotically heterogeneous texts, film posters lie at the intersection of several fields encompassing linguistics, film studies, semiotics, communication studies and marketing among others. It engenders a set of conventions that film posters share. Specifically, they are designed to arrest the viewers' attention, which shapes their structure and pragmatics. The key element of a poster is a pictorial image that is complemented by verbal signs. The linguistic elements tend to incorporate the film title, the director, the cast, and a tagline. All multimodal resources should be laconic and attractive at the same time to impact the viewers and stimulate them to watch the film. It informs pragmatic properties of promotional texts: film posters are designed to intrigue and arouse consumer curiosity [Smith, 2018], cohesive chains being an essential ingredient of this strategy.

Cinematic texts and the posters promoting them target audiences belonging to different cultural and linguistic communities. Film posters cross national boundaries, which allows for their investigation from the perspective of multimodal translation. The researchers in this new field of translation studies explore such multimodal texts as comics [Kaindl, 2010] and commercial advertisement [Adami, Ramos Pinto, 2020; Rodríguez-Arcos, 2024; Tuna, 2019]. Our study extends multimodal translation to film posters aiming at examining cohesion both in the source texts and the target texts.

Modern studies in the fields of linguistics and translation tend to investigate the interaction of different modes in a multimodal text on the level of production, taking the perspective of a sign-maker, while the level of reception is usually neglected [Gambier, Lautenbacher, 2024]. To bridge this gap in scholarship, we conduct an empirical study on the audience's perception of meaning-building in film posters.

We aim to analyze cohesion in film posters on two levels: the level of the text production (from the perspective of a poster designer), and the level of reception (from the perspective of consumers of promotional texts). Specifically, this study examines cohesion in the original English-language film posters and their Russian translations focusing on the way it is perceived by viewers. To this end, we explore the following research questions:

– How do designers employ resources of different modes to build meaning in film posters?

– What happens to cohesive ties in the course of multimodal translation of film posters?

– How does cohesion or the lack of it affect the perception of the translated posters?

Cohesion in multimodal texts

From the semiotic perspective, film posters are comprised of various meaning-making resources such as written texts and images and thus can be approached as a type of *multimodal texts*. Multimodality as a theoretical framework arose in 1990s and was to a large extent influenced by M.A.K. Halliday's *Systemic Functional Linguistics*, an approach that viewed language as a social semiotics and was later applied to other semiotic resources such as image, gesture and sound [Jewitt, Bezemer, O'Halloran, 2016, p. 33]. In multimodal studies, researchers focus on the ways the semiotic resources interact in the process of meaning-making, contributing to the production of multimodal wholes [O'Halloran, 2011; Jewitt, Bezemer, O'Halloran, 2016]. One of the key notions here is that of a *mode*, which is understood either in relation to particular sensory channels (visual, auditory, etc.) or, following J. Bateman, as an "interpretative practice constructed and maintained by communities of users," often involving more than one sensory channel [Bateman, 2016, p. 39].

An overwhelmingly large body of research in multimodality is focused on the analysis of printed materials including textbooks [Van Leeuwen, 2005] and advertisement [Liu, O'Halloran, 2009; Stöckl, Pflaeging, 2022]. Despite the fact that film posters lend themselves perfectly to this kind of analysis due to the well-established genre conventions and their similarity to printed advertisements, there is surprisingly little research on the topic of multimodality in film posters. The researchers mainly focus on one of the components of film posters such as the image [Chen, Gao, 2014] or the tagline [Mahlknecht, 2015]. Specifically, J. Mahlknecht explores the use of taglines in film posters and shows that in some posters, verbal and pictorial elements reinforce each other, emphasizing different aspects of the same message but remaining largely independent, while in others understanding the reference of the tagline is contingent on seeing the image and vice versa [Mahlknecht, 2015, p. 418]. Such a distinction goes in line with the one made by T. van Leeuwen [Van Leeuwen, 2005], which differentiates between *elaboration* and *extension*. The scholar introduces these concepts together with the notion of *information linking*, the way of stringing together units of information in a verbal or visual message. Elaboration consists in "repeating or restating information" in the form of a specification, explanation, example or summary, while extension presupposes the introduction of new information, which is temporally or logically connected with what was stated previously [Van Leeuwen, 2005, p. 222].

T. van Leeuwen regards information linking as an important component of multimodal *cohesion* [Van Leeuwen, 2005, p. 179], a concept which is useful for understanding the way the verbal text

and images of the film poster produce a coherent message. First explored by M. A. K. Halliday and R. Hasan, as well as other scholars in relation to verbal texts [Halliday, Hasan, 1976; De Beaugrande, Dressler, 1981; Carrell, 1982; etc.], it was further extended to the analysis of multimodal texts such as print materials [Royce, 2007; Liu, O'Halloran, 2009; Stöckl, Pflaeging, 2022], video and film [Janney, 2010; Tseng, 2013; Tseng, Bateman, Laubrock, 2021; Schubert, 2021; Hoffmann, 2021], as well as the Internet media [Tanskanen, 2021; Liebschner, 2021].

In M.A.K. Halliday and R. Hasan's terms, cohesion is defined as the semantic relation which exists between parts of a text and enables it to function as such [Halliday, Hasan, 1976, p. 13]. In verbal texts, the manifestations of cohesion are manyfold, they encompass the use of demonstrative and personal pronouns, repetition and other lexical and grammatical means which serve to signal the necessity to retrieve information from another part of the text [Halliday, Hasan, 1976].

Applying the concept of cohesion to the study of printed materials which combine images and written text, T. Royce introduces the notion of *intersemiotic complementarity*, a relation which exists between the verbal and visual elements of a single text and "is realized through various linguistic and visual means peculiar to the respective modes" [Royce, 2007, p. 63]. The particular types of such relations, according to Royce, are repetition, synonymy, antonymy, hyponymy, meronymy and collocation [Royce, 2007, p. 63]. By contrast, Stöckl and Pflaeging's account of multimodal coherence in print advertisement does not focus on types of semantic relations characteristic of multimodal texts, the scholars concentrate on "mode-specific resources" that shape such relations [Stöckl, Pflaeging, 2022, p. 7]. Pointing out that multimodal cohesive patterns are genre-specific [Stöckl, Pflaeging, 2022, p. 2], the scholars present a multi-level model for the analysis of static advertisements. According to it, the verbal elements that enter cohesive relations are nouns referring to brands and products, adjectives describing qualities of visual elements and demonstrative pronouns, while the visual inventory includes people, objects, actions, scenarios and fusions of images, often representing products or their use [Stöckl, Pflaeging, 2022, p. 8].

The model for analysis of multimodal cohesion provided by Stöckl and Pflaeging is relevant here because film posters are similar, both in form and in function, to printed advertisements and can even be viewed as a sub-genre of the advertisement posters. It is important, however, to take into consideration the distinctions that set apart the genre of film posters from other types of advertisement. The primary difference is concerned with what is being advertised, which informs persuasion strategies. According to J. Staiger, the aim of film advertising is to sell a unique *experience* rather than a standardized product [Staiger, 1990, p. 3]. Thus, the content of advertisement would be concerned with the elements of the work of visual art, such as the characters and scenery that appear in the film or symbolic imagery reflective of its themes. The analysis provided by Chen and Gao demonstrates how both the semantics of the film title and the image of characters tie into the plot and themes of the film [Chen, Gao, 2014, p. 350]. Therefore, it is possible to hypothesize that verbal and non-verbal components of the poster interact to bring forth a coherent whole which is the key to capturing the attention of potential viewers and creating certain expectations in audience about the content and themes of the film.

A multimodal translation approach to semiotically complex texts

It is universally accepted that adopting promotional texts for global markets is a challenging task. The seminal study of De Mooij highlights its cross-cultural aspects showing that advertising styles are underpinned by cultural norms and translation of advertisements is determined by context [De Mooij, 2004]. The situational context is instrumental for translation studies as it works as a lens through which interlingual and intercultural mediation is viewed [Pérez-González, 2024].

The research in the field of visual communication engendered evolution of approaches to translation of advertising. It harnesses interest not only in context but also in multi-text which is viewed as a combination of different semiotic modes [Tuna, 2019]. Multimodality of texts underpinned by the interplay of semiotically diverse modes calls for a new take

on translation making it multimodal. Research on translation of texts that rely on unity of pictorial, linguistic and typographical elements paved the way for a more comprehensive understanding of problems in multimodal translation. Exploring challenges of comic translation, Kaindl posits that the translation of texts combining verbal and non-verbal components should proceed from the identification of semantic ties between modes [Kaindl, 2010]. It allows for the assumption that cohesion informs the choice of translation strategies in semiotically complex texts.

The shift from cultural turn in translation studies to multimodal translation is explored by Adami and Ramos Pinto [Adami, Ramos Pinto, 2020]. The scholars assume that a text as a multimodally composed meaningful whole should be analyzed from the perspectives of context and co-text. The former is social semiotic environment of a multimodal construct defining its production, distribution and reception. The co-text is understood as semiotically heterogeneous signs employed within the frame of a multimodal text and represented cohesively [Adami, Ramos Pinto, 2020, p. 73]. According to the authors, adopting the co-text approach can have far-reaching implications for translation practice. Specifically, methodological integration of social semiotics and translation studies is proposed as a way to explore practices of text production and translation. It should be complemented by the study of "the audience's interpretations and the impact of translation strategies on such interpretations" [Adami, Ramos Pinto, 2020, p. 85].

Reception becomes central for multimodal translation, as communication is interactive and multidirectional [Gambier, Lautenbacher, 2024]. The investigation of perception is especially relevant for advertising texts whose main function is to persuade the recipients, to shape their consumer choices. It informs the experimental part of our study that focuses on the way unity of modes is manipulated in film posters' translation and the way it is perceived by addressees.

Methods and material

Our study is based on the analysis of 90 film posters encompassing 45 original English-language multimodal texts promoting films released in 1990–2024 and 45 counterparts of these posters translated for the Russian audience. We employ the multimodal discourse analysis to establish the modes within the original and translated multimodal texts and then to reveal their interrelation which is essential for meaning-making [Fairclough, 2013]. For further examination we selected one set of promotional texts – the original English-language poster and its translation – in which the modes are arranged cohesively and the semiosis of verbal and linguistic elements is retained in the course of multimodal translation. Two other selected sets of texts contain the original posters whose semiotically heterogeneous elements work as an ensemble with modes being interrelated, while their Russian translations lack cohesion. The texts used in our Case Study include the posters for the films *Pulp Fiction* (1994), *Fight Club* (1999), *Hereditary* (2018) and their counterparts *Криминальное чтиво*, *Бойцовский клуб* and *Реинкарнация* translated for the Russian audience.

To examine the results of multimodal translation in the light of their reception, we conducted an experiment. To run the experiment, the study recruited thirty students of two Russian universities who were of similar age (19–22 years old) and socio-economic status. Students' participation in the experiment was voluntary. All recruited participants were provided with informed consent forms prior to the experiment. The procedure included individual interviews, the participants' answers were recorded and transcribed with each participant's permission. The citations used in this paper do not disclose the participants' identity and are translated by the authors.

The experiment involved two stages. At first the participants were shown three film posters of American films translated for the Russian audience, the sample texts being executed in the participants' native language. The respondents were given two minutes to study the posters and then were asked to assess how visual and linguistic components combine with each other in the sample multimodal texts. Responses were given on a 10-point Likert-type scale running between 1 "The visual and pictorial elements are absolutely disconnected" and 10 "The visual and verbal elements are perfectly aligned with each other".

During the second stage of the experiment some comments on their responses were elicited

from the participants. They were asked to explain what meaning they could infer from the multimodal text and what pictorial and/or verbal components enhanced or impeded their comprehension of the poster's meaning. The interviews harvested both qualitative and quantitative data which were analyzed afterwards.

Results and discussion

Our empirical research includes a case study of the poster advertising the 1994 Cannes Film Festival award-winning film *Pulp Fiction* and its Russian translation (Fig. 1). Bearing on van Leeuwen's classification (2005) of semantic relationships of semiotically heterogeneous elements of a multimodal text, the linkage between the image and the verbal part of the original poster can be described as extension. The verbal part of the poster features the title of the film, its director and film studio, the date of release and its exceptional status: Winner-best picture – 1994 Cannes Film Festival.

Interestingly, the title *Pulp Fiction* is complemented by the text which is styled as a dictionary entry for the word *pulp*:

1. A soft, moist, shapeless mass of matter.

2. A book containing **lurid** subject matter, and being characteristically printed on rough, unfinished paper.

The choice of font for this text is not accidental, it helps to generate typographic meaning which has some pragmatic value [Chernyavskaya 2023, p. 89], as it is aligned with the arrangement of the linguistic units in the form of a dictionary entry. Thus, the visual signal sent by the font complements the graphical arrangement of the definition for the word *pulp* within the red smudge. Such correlations are manifestations of cohesion established among linguistic, iconic, colour and graphical modes of the poster.

The word *lurid* in the definition means "1) brightly colored, 2) related to violence or sex" (Collins). It is semantically connected with the pictorial signs of violence: a gun and a red smudge resembling blood which serve as a focal point of the poster incorporating the definition of the word *pulp*. The female in the foreground is touching an open book with a bright cover that can be attributed to the category of pulp fiction. The meanings of the polysemous word *pulp* are played upon in the pictorial part of the poster, while the red smudge symbolizing blood alludes to some crime. Correlating with the film title, the iconic

Fig. 1. The *Pulp Fiction* poster and its Russian version

signs extend the meaning expressed by the verbal elements of this multimodal text.

The design of the film poster translated for the Russian audience replicates that of the original text. It is executed in the red, black and yellow colours, the red smudge and the female wearing a black dress being its centrepiece. The yellow colour chosen for the title in the original and the translated versions is suggestive of literature of low quality: yellow journalism, yellow press, yellow media share negative connotations and function in the English language as pejorative nominations. It reveals semantic connection with the title *Криминальное чтиво*, the noun *чтиво* being an apt translation decision as it denotes literature of low quality and belongs to the colloquial register. The second part of the film title *криминальное* correlates with the image of a gun and the red smudge suggestive of blood and violence. Interestingly, the verbal part containing the definition of the word *pulp* is omitted in the Russian version of the poster. This translation decision seems quite well-grounded as the reference to crime and low-quality fiction is expressed in the pictorial part of the poster as well as in the translation of the film title. The analysis of cohesive linkage in the original poster and its translation shows that verbal and non-verbal components of both multimodal texts work as an ensemble creating an unambiguous meaning.

The analysis of the translated poster's reception shows that the mean score of cohesion rating is 7.4. The participants of the experiment tend to assess the relationship of verbal and pictorial elements as harmonious and logical. They notice the link between the image of a gun and the film title. The colour mode has salience, in the respondents' view, as "the red symbolizes rage and blood, while the black colour is associated with mourning and death." The choice of "bold colours gives a cue to the contents of the film" and alludes to its genre. One respondent describes the red smudge above the head of the girl depicted in the poster as an allusion to her "dirty thoughts connected with crime and murder." This observation may be based on some associations with a design of a comic book that contains a bubble above the head of a character expressing their thoughts.

Some participants of the experiment pay attention to the colloquial register of the word *чтиво* in the film title. They assume that the book called this way means light and entertaining reading like "detective stories by Dontsova," so the text of the poster signals that "the crimes featured in the film are not very grave. Most likely they are some robberies committed by gangsters." Importantly, the Russian respondents indicate that the poster seems to have some signs of the 1990s as "the girl is dressed in the style popular in the 1990s," the title *Криминальное чтиво* is reminiscent of "cheap detective stories written by Darya Dontsova at the turn of the century" and "the font of the poster looks old-fashioned." Both the title and the visual clues make the viewers assume that the film is entertaining with some interesting twists of the plot.

However, some participants of the experiment fail to notice any connection between the image of a girl in the poster and the film title. They find it difficult to "infer how the girl is related to the plot of the film." Bearing on the linkage between the image of a book and the word *чтиво* one respondent supposes that "the film is about some events in the life of the film characters that replicate the plot of the book featured in the poster."

To sum up, though the respondents' inferences about the ties between iconic and verbal elements of the poster are not always accurate, they find the ensemble of verbal and visual modes informative enough to deduce that the film is a crime comedy. It can help potential audience make their consumer choices. It is possible to conclude that the localized version of the film poster efficiently performs its pragmatic function.

The next poster selected for analysis promotes the 1999 film *Fight Club* (Fig. 2).

The verbal component of the original poster features the film title and its tagline: MISCHIEF. MAYHEM. SOAP. The words *fight*, *mischief* and *mayhem* have some semantic similarity as they are associated with violence:

"***mischief*** is an offense against property that typically involves the intentional or reckless infliction of damage

mayhem is needless or willful damage or violence" (Merriam Webster).

The word *soap* is linked to the picture of a bar of soap on top of which the designers placed the title *Fight club*. This image serves as the focal centre of the multimodal text. The picture of one

Fig. 2. The *Fight Club* poster and its Russian version

of the main characters impersonated by Edward Norton looks menacing which matches the meaning of the title and the tagline. Though the designers use quite a limited array of verbal and non-verbal resources, they arrange them cohesively. The meaning-building is underpinned by a string of linguistic and pictorial units that complement each other forming a linkage that can be characterized as extension.

The poster translated for the Russian audience modifies the verbal part adding the names of the leading actors *Брэд Питт* and *Эдвард Нортон* to their pictorial images. The key element of the original poster – the image of a bar of soap – is omitted, which ruins the link between the pictorial component of the poster and the word *мыло* in the tagline. The title *Бойцовский клуб* is supported by the image of two characters played by Pitt and Norton locked in some fight. However, the idea of violence and crime expressed in the tagline words *mischief* and *mayhem* is lost in translation: *Интриги. Хаос. Мыло* appear to align neither with the title *Бойцовский клуб*, nor with the pictorial segment of the poster. Therefore, the multimodal translation was done without taking into account the cohesive arrangement of semiotically heterogeneous elements of the source text.

The examination of reception of cohesive linkage in multimodal translation reveals that the participants of the experiment rate it at 6.7, commenting on some inconsistencies in the poster. 63% of respondents pay attention to the tagline. Specifically, they find the words *интриги* (intrigues) and *хаос* (chaos) too vague, saying that “it is just a combination of words devoid of any clear sense.” “The tagline is so general that it can be applied to a large number of films.” They indicate that the word *мыло* (soap) seems to be the odd one in the three-word tagline. Moreover, 6% of respondents mention that it acquires some meaning only after watching the film as “soap is used by the main character to make explosives and cause havoc.” At the same time, 3% of respondents tie the meaning of the word *хаос* with violence explicated in the title *Бойцовский клуб*, inferring that the film belongs to the genre of action. It “prepares the viewers for some suspense and plot twists” and “creates the expectations of watching something exciting and memorable.” The attempts to comprehend the

tagline result in the participants' deducing some link between the words *интриги* (intrigues) and *мыло* (soap): "soap can be understood as soap opera, a film with a melodramatic plot," "intrigues are associated with love matters." Others link the word *интриги* (intrigues) with the images of two characters who "look like antagonists: one is a guy from the street, the other seems to have just left an office. They are set in contrast, which intrigues the viewers." "The words *intrigues* and *chaos* sound mystifying and create the desire to watch this film."

The usage of parcellation in the tagline also draws the respondents' attention. They mention that it "alludes to the dynamic nature of the plot" and "the text is more informative than the picture." The analysis reveals that even though the translation lacks cohesion, the recipients strive to establish some semantic ties connecting the visual and linguistic elements of the text.

While the genre of the films *Fight Club* and *Pulp Fiction* can be inferred from their titles and other verbal and pictorial components of their posters, not all promotional multimodal texts contain enough clues for the viewers to accurately make genre attributions. The poster of the 2018 film *Hereditary* is dominated by the picture of a brightly lit model tree house filled with dolls (Fig. 3).

The image of a home is a symbolic representation of a family, it correlates with the film title *Hereditary* which means "transmittable from parent to offspring" (Merriam Webster). The idea of family ties is also expressed as a visual metaphor – a picture of a tree whose roots are highlighted and whose leaves are falling down. The spots of light visually unite the house and the tree that are set against the black background. The visual signs and the colouristic arrangement bear an allusion to some distressing ancestry, which is echoed in the tagline *Every family tree hides a secret*. The designers use *family* as a sense component unifying pictorial and verbal parts of the poster. The cohesive orchestration of modes renders the promotional text appealing and mystifying. It hints at a certain family secret without disclosing it. It looks like a drama; however, the film proves to be a horror: the secret mentioned in the tagline is connected with a terrifying history of mental instability that runs in the family. Obviously, to tackle this genre ambiguity the translators radically changed the meaning of the title bringing to the fore the

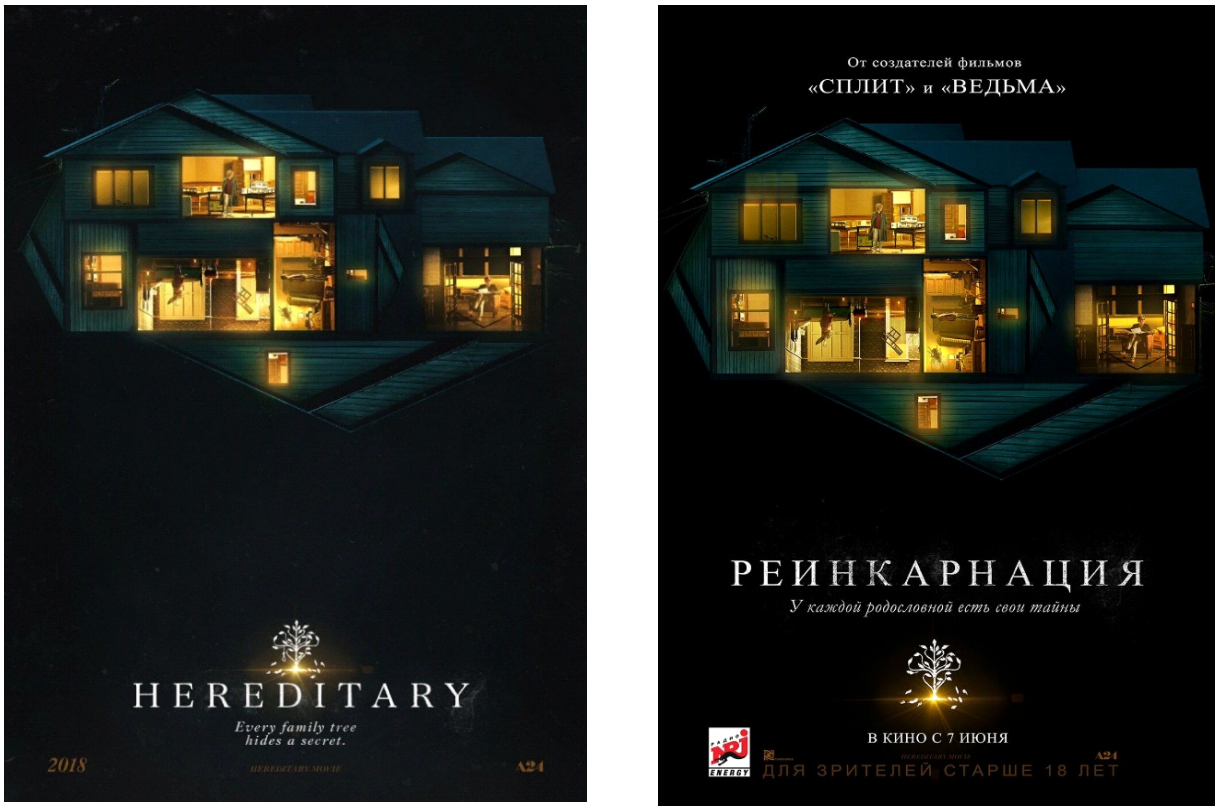


Fig. 3. The *Hereditary* poster and its Russian version

mystical and horrifying dimension of the film. The title *Реинкарнация* (Reincarnation) does not correlate with the pictorial images of a home and a family tree. It manifests a clear discordance with the tagline *У каждой родословной есть свои тайны* (Every ancestry has its secrets). On the one hand, such a translation decision makes the genre explicit, on the other hand, it ruins cohesive ties uniting the visual and the verbal elements of the poster. As a result, the title seems to contradict the pictorial segments and the tagline, which may baffle the viewers.

The experiment shows that its participants assess the interaction of verbal and pictorial elements of the localized poster at 6.8 on the Likert-type scale. More than one third of respondents (35%) commented on the discrepancy between the pictorial elements of the poster and the film title. They find it difficult to understand how the house, that constitutes the main iconic component of the picture, is connected with reincarnation indicated in the title of the localized poster: "Is it the house that undergoes reincarnation?"; "The picture does not give a clue about the plot of the film"; "The title stands in isolation; it is disunited from the rest of the poster." The respondents also observe the lack of cohesion between the tagline and the title, these elements "do not mesh," "the tagline does not fit the title, however, its component *родословная* correlates with the picture of a house." One respondent assumes that to support the message expressed in the tagline, a picture of a family might be added to the poster.

The majority of participants (61%) can't infer "what the film is about," they "feel that the poster announces two separate horror films" or it may be "either horror or just mystery." According to one respondent, "the inability to define the genre does not evoke the desire to watch this film."

About one third of respondents try to make sense of the image of the house which they find intriguing. They believe that "the house looks mystifying as it has two roofs, each room has quite strange interior," it "signals that the family living there has some secrets," Two respondents report that the title *Реинкарнация* (Reincarnation) is aligned with the picture of a house as "each room seems to have some life of its own" and "the house with two roofs serves as a metaphor for reincarnation."

On average, the findings show that the lack of linkage between the linguistic and pictorial modes impedes the comprehension of the overall meaning of the multimodal text. Though some respondents find such lack of clarity intriguing and mystifying, about two thirds of participants of the experiment indicate that the meanings of different parts of the text do not mesh, they fail to infer the genre of the film and feel reluctant to watch it.

The Case Study reveals the negative effect of the lack of cohesion in translated posters on their perception. During the first stage of the experiment the participants rated non-cohesive translated multimodal texts (*Бойцовский клуб* and *Реинкарнация*) lower than the cohesive one *(Криминальное чтиво*). The connection between the visual and verbal components is assessed as 6.7 and 6.8 against 7.4 respectively. While commenting on the connection between linguistic and pictorial layers of the *Бойцовский клуб* and *Реинкарнация* posters, about one out of four participants indicated that though the semantic ties seemed quite vague, the posters looked intriguing. This property to intrigue and mystify is aligned with the pragmatic function of film posters as promotional texts. Grabbing the viewers' attention and giving very few prompts about the film plot, posters entice the audience into going to the cinema and watching the film. Thus, genre specificity tends to affect the perception of the semantic linkage between the visual and verbal elements of film posters. It may explain why non-cohesive sample texts are positively evaluated by some recipients.

Conclusion

The findings show that the film poster designers arrange verbal and non-verbal resources cohesively, each mode either elaborating or extending the meaning of other modes. In the course of multimodal translation, the translators either preserve cross-modal semiosis or neglect it breaking the ties that unify the verbal and visual elements in the multimodal promotional texts. It's possible to establish several degrees of cohesive linkage in the translated texts ranging from strong and prominent cohesive ties to weak and obscure or non-existent ones. Lacking or obscure semantic connections between the verbal and non-verbal modes tend to have a negative impact on the

perception of translated posters. However, the reception of cohesive ties reveals a certain degree of variability. In some cases, the vagueness of meaning stemming from non-cohesion is positively assessed as the recipients find it intriguing. It inspires them to watch the film and unravel the mystery. Importantly, it aligns with the pragmatic function of film posters as promotional texts. Apart from showing the relevance of cohesion for the perception of multimodal translated texts, our study illuminates its genre specificity. The findings open further avenues of research that include the exploration of cohesive ties in different types of promotional texts, such as film trailers, static and dynamic commercial advertisements, etc. Moreover, our study opens windows for marketing investigations, its further direction being the examination of the impact of cohesion in multimodal translation of promotional texts on the audience's choices about film viewing. The findings also derive implications for translation studies, revealing the role of preservation of cohesive ties between the visual and the verbal components in the course of multimodal translation.

REFERENCES

Adami E., Ramos Pinto S., 2020. Meaning-(Re)Making in a World of Untranslated Signs: Towards a Research Agenda on Multimodality, Culture, and Translation. *Translation and Multimodality: Beyond Words*. London, Routledge, pp. 71-93.

Bateman J.A., 2016. Methodological and Theoretical Issues in Multimodality. *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. Berlin, Boston, De Gruyter, pp. 36-74. DOI: https://doi.org/10.1515/9783110296099

Borisova E.G., 2016. Marketingovaya lingvistika: napravleniya i perspektivy [Marketing Linguistics: Prospects and Trends]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik* [Verhnevolzhski Philological Bulletin], no. 4, pp. 140-143.

Carrell P.L., 1982. Cohesion Is Not Coherence. *TESOL Quarterly*, vol. 16, no. 4, pp. 479-488. DOI: https://doi.org/10.2307/3586466

Chen Y., Gao X., 2014. Interpretation of the Representational Meaning of Movie Posters from the Perspective of Multimodal Discourse Analysis. *Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2014).* Atlantis Press, pp. 346-350. DOI: https://doi.org/10.2991/icelaic-14.2014.87

Chernyavskaya V.E., 2013. Medialnyy povorot v lingvistike: polikodovye i gibridnye teksty [Medial Turn in Linguistics: Text Hybridity]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistics University], no. 2 (23), pp. 12-27.

Chernyavskaya V.E., 2023. Typographic Landscape: Pragmatics of Typographic Variation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 89-100. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.6

Christiansen T., 2011. *Cohesion: A Discourse Perspective*. S.l., Peter Lang AG. 387 p. DOI: https://doi.org/10.3726/978-3-0351-0234-5

De Beaugrande R., Dressler W., 1981. *Introduction to Text Linguistics*. London, Longman. 270 p.

De Mooij M., 2004. Translating Advertising. Painting the Tip of an Iceberg. *The Translator*, vol. 10, no. 2, pp. 179-198.

Fairclough N., 2013. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. New York, Routledge. 590 p.

Forceville Ch., 2020. *Visual and Multimodal Communication: Applying the Relevance Principle*. Oxford, Oxford University Press. 312 p. DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780190845230.001.0001

Gambier Y., Lautenbacher O.Ph., 2024. Text and Context Revisited Within a Multimodal Framework. *Babel*, vol. 70, no. 1/2, pp. 1-16. DOI: https://doi.org/10.1075/babel.00368.gam

Halliday M.A.K., Hasan R., 1976. *Cohesion in English.* London, Longman. 392 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315836010

Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I., 2014. *An Introduction to Functional Grammar*. London, Routledge. 786 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203783771

Hoffmann Ch.R., 2021. Cut to the Chase: How Multimodal Cohesion Secures Narrative Orientation in Film Trailers. *Discourse, Context & Media*, vol. 44. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2211695821000751

Janney R.W., 2010. Film Discourse Cohesion. *Narrative Revisited*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 245-265.

Jewitt C., Bezemer J., O'Halloran K., 2016. *Introducing Multimodality*. London, New York, Routledge. 219 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315638027

Kaindl K., 2010. Comic in Translation. *Handbook of Translation Studies*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 36-41. DOI: https://doi.org/10.1075/hts.1

Liebschner A., 2021. Language Evolution Online? The Use of Multimodal Cohesion on Youtube. *Service Plus*, vol. 15, no. 2, pp. 51-61. DOI: 10.24412/2413-693X-2021-2-51-61

Liu Y., O'Halloran K.L., 2009. Intersemiotic Texture: Analyzing Cohesive Devices Between Language and Images. *Social Semiotics*, vol. 19, iss. 4, pp. 367-388. DOI: https://doi.org/10.1080/10350330903361059

Mahlknecht J., 2015. Three Words to Tell a Story: The Movie Poster Tagline. *Word & Image*, vol. 31, pp. 414-424. DOI: https://doi.org/10.1080/02666286.2015.1053036

O'Halloran K.L., 2011. Multimodal Discourse Analysis. *The Continuum Companion to Discourse Analysis*. London, New York, Continuum, pp. 120-137.

Pérez-González L., 2024. Context in Translation and Interpreting Studies. *The Cambridge Handbook of Language in Context*. London, New York, Cambridge University Press, pp. 371-392. DOI: https://doi.org/10.1017/9781108989275

Rodríguez-Arcos I., 2024. Advertising Translation in Social Media: Multimodality and Simultaneity in a Global Campaign. *Babel*, vol. 70, no. 1/2, pp. 111-137. DOI: https://doi.org/10.1075/babel.00373.rod

Royce T.D., 2007. Intersemiotic Complementarity: A Framework for Multimodal Discourse Analysis. *New Directions in the Analysis of Multimodal Discourse*. New Jersey, Lawrence Erlbaum, pp. 63-109. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203357774

Schubert Ch., 2021. Multimodal Cohesion in Persuasive Discourse: A Case Study of Televised Campaign Advertisements in the 2020 US Presidential Election. *Discourse, Context & Media*, vol. 43. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2211695821000738

Smith I.H., 2018. *Selling the Movie: The Art of the Film Poster*. S.l., White Lion Publishing. 287 p.

Staiger J., 1990. Announcing Wares, Winning Patrons, Voicing Ideals: Thinking About the History and Theory of Film Advertising. *Cinema Journal*, vol. 29, no. 3, pp. 3-31. DOI: https://doi.org/10.2307/1225178

Stöckl H., Bateman J.A., 2022. Editorial: Multimodal Coherence Across Media and Genres. *Frontiers in Communication*, vol. 7, pp. 1-3. DOI: https://doi.org/10.3389/fcomm.2022.1104128

Stöckl H., Pflaeging J., 2022. Multimodal Coherence Revisited: Notes on the Move from Theory to Data in Annotating Print Advertisements. *Frontiers in Communication*, vol. 7, pp. 1-17. DOI: https://doi.org/10.3389/fcomm.2022.900994

Tanskanen S.-K., 2021. Fragmented but Coherent: Lexical Cohesion on a YouTube Channel. *Discourse, Context & Media*, vol. 44. URL: https://researchportal.helsinki.fi/en/publications/fragmented-but-coherent-lexical-cohesion-on-a-youtube-channel

Tseng Ch.-I., 2013. *Cohesion in Film*. London, Palgrave Macmillan. 173 p.

Tseng Ch.-I., Bateman J.A., Laubrock J., 2021. The Impact of Multimodal Cohesion on Attention and Interpretation in Film. *Discourse, Context & Media*, vol. 44. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2211695821000805

Tuna S., 2019. Carrying Advertising Messages Across Media and Borders. *Translation Matters*, no. 1 (2), pp. 117-132. DOI: https://doi.org/10.21747/21844585/tma7

Van Leeuwen T., 2005. *Introducing Social Semiotics*. London, New York, Routledge. 301 p.

DICTIONARIES

Collins – *Collins Online Dictionary*. URL: https://www.collinsdictionary.com

Merriam Webster – *Merriam Webster Dictionary*. URL: https://www.merriam-webster.com

Information About the Authors

Svetlana Yu. Pavlina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, HSE University, Nizhny Novgorod, Russia, spavlina@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-8304-795X

Marina R. Safina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, HSE University, Nizhny Novgorod, Russia, msafina@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-6301-7884

Olga D. Prasolova, Postgraduate Student, Department of Theory and Practice of English Language and Translation, Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia, prasolovaolga2014@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9304-5918

Информация об авторах

Светлана Юрьевна Павлина, кандидат филологических наук, доцент, руководитель департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, spavlina@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-8304-795X

Марина Рафаиловна Сафина, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия, msafina@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-6301-7884

Ольга Дмитриевна Прасолова, аспирант кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия, prasolovaolga2014@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9304-5918

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.7

UDC 81'25:81'42
LBC 81.18

Submitted: 26.07.2024
Accepted: 13.01.2025

HYBRIDIZATION OF TRANSLATORS' PROFESSIONAL INTERNET DISCOURSE WITHIN THE "TRANSLATOR'S BLOG" HYPERGENRE

Margarita Yu. Klyuchak
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article explores the discursive features of "translator's blog" as a hypergenre within the context of translators' professional Internet discourse. The study aims to identify the factors driving the hybridization of institutional and personality-oriented discourses within the communicative space of hypergenre. The relevance of this research stems from the growing significance of translators' blogs as platforms for professional communication, the exchange of knowledge within the domain of translation studies, and the development and realization of the translator's professional identity. The paper outlines key discourse-forming elements of the hypergenre, including participants, chronotope, goals, values, strategies, content (themes), genres, and precedent texts. The findings highlight the hybrid nature of hypergenre, characterized by the interplay of institutional and personal discourse components. The institutional aspect shapes the conceptual boundaries of professional communication, determines the range of relevant topics, dictates stylistic norms, and guides interaction in line with professional standards. Meanwhile, the personality-oriented component reveals the translator-blogger's inner world, self-reflection, and unique modes of self-expression as a communicative individual. The insights gained from the study can contribute to further research on translators' professional identity and the mechanisms of knowledge transfer within the virtual space of professional translation discourse.

Key words: hybridization, translators' professional Internet discourse, translator's blog, hypergenre, institutional discourse, personality-oriented discourse.

Citation. Klyuchak M.Yu. Hybridization of Translators' Professional Internet Discourse Within the "Translator's Blog" Hypergenre. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 86-97. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.7

УДК 81'25:81'42
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 26.07.2024
Дата принятия статьи: 13.01.2025

ГИБРИДИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА ПЕРЕВОДЧИКОВ В РАМКАХ ГИПЕРЖАНРА «ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ БЛОГ»

Маргарита Юрьевна Ключак
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу гипержанра «переводческий блог» в рамках профессионального интернет-дискурса переводчиков. Целью данного исследования состоит в определении факторов гибридизации институционального и личностно ориентированного дискурсов в коммуникативном пространстве гипержанра. Актуальность работы обусловлена возрастанием роли переводческих блогов как инструмента профессиональной коммуникации и трансфера транслатологических знаний, а также инструмента формирования и реализации профессиональной личности переводчика. Описана специфика дискурсообразующих признаков гипержанра – участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал (тематика), жанры, прецедентные тексты. Установлена гибридная природа гипержанра, проявляющийся в инклюзии институционального и личностно ориентированного дискурсивных компонентов. Институциональный характер гипержанра задает концептуальные рамки профессиональной коммуникации в переводческом блоге, профессионально-значимые темы, стиль изложения и модальность взаимодействия переводчиков в соответствии с

© Ключак М.Ю., 2025

нормами профессионального сообщества; личностно ориентированный компонент отражает внутренний мир переводчика – автора блога, его саморефлексию, особенности самореализации как коммуникативной личности. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения профессиональной идентичности переводчика и механизмов трансфера знаний в виртуальном формате профессионального переводческого дискурса.

Ключевые слова: гибридизация, профессиональный интернет-дискурс переводчиков, переводческий блог, гипержанр, институциональный дискурс, личностно ориентированный дискурс.

Цитирование. Ключак М. Ю. Гибридизация профессионального интернет-дискурса переводчиков в рамках гипержанра «переводческий блог» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 86–97. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.7

Введение

Стремительный технологический прогресс способствует развитию компьютерно-опосредованной коммуникации в рамках профессиональных дискурсов, приводит к появлению новых жанров и видоизменению уже сформировавшихся дискурсов, в том числе их гибридизации. В настоящее время очевидна тенденция к комбинаторике разных типов институциональных дискурсов, которая получила освещение в лингвистической науке. Усиленная цифровизацией коммуникация детерминирует появление новых профессиональных профилей, портретов, типажей, моделей, а перекрестное влияние дискурсов приводит к формированию новой генерации профессиональной личности и самоидентичности, что безусловно требует новых методов дискурсивного анализа.

Исследование профессионального переводческого дискурса и профессиональной личности переводчика занимает важное место в современном интегративном переводоведении. В фокусе анализа деятельности переводчика находятся переводоведческий дискурс, экспертный дискурс [Гуреева, Наумова, 2015, с. 7], профессиональный дискурс переводчиков, дидактический переводческий дискурс и т. д. [Новикова, Наумова, 2021, с. 7–8], анализ которых варьируется от непосредственного акта перевода до метапереводческой деятельности [Кашкин, 2010, с. 317].

Переводчик как агент дискурса осуществляет лингвокультурный трансфер, выступая экспертом, профессиональной личностью, и формируя особый вид институционального дискурса – профессиональный переводческий дискурс [Новикова, Наумова, 2021, с. 10]. Вслед за А.П. Наумовой под профессиональным дискурсом переводчика мы понимаем «социокоммуникативное взаимодействие переводчиков как членов профессионального сообщества по вопросу улучшения, регулирования, корректировки своей профессиональной деятельности» [Наумова, 2020, с. 45]. Такое взаимодействие происходит в устном, письменном и виртуальном форматах, при этом в виртуальной коммуникации наблюдается становление новых жанровых форм реализации профессиональной личности переводчика и трансфера профессионального знания – вебинары, онлайн-курсы, персональные веб-страницы, онлайн-марафоны, онлайн-мастерские, блоги, каналы в социальных сетях, мессенджеры и др.

Для настоящего исследования интерес представляет профессиональный интернет-дискурс переводчиков, в котором особое место занимает жанр блога. Феноменология жанра блога проявляется в его пограничном статусе ввиду разветвленной современной интернет-коммуникации, ее форматов и стратегий. С одной стороны, блог как жанр, получивший достаточное рассмотрение в многочисленных исследованиях, все еще можно считать жанром, но с более широким профилем, то есть гипержанром, поскольку он интегрирует несколько субжанров интернет-коммуникации (YouTube-канал, фотоблог, микроблог, Telegram-канал, видеоблог, сайт-блог) и характеризуется поли- и интертекстовыми особенностями. С другой – есть предпосылки рассматривать блог отдельной дискурсивной практикой, поскольку в случае ряда платформ, например, Telegram-канал, блог формирует целый дискурс или несколько дискурсов одновременно.

В рамках нашей работы вслед за А.Г. Кирилловым предлагаем считать переводческий

блог гипержанром [Кириллов, 2017, с. 262] профессионального интернет-дискурса переводчиков, объясняя это тем, что данный коммуникативный формат не существует отдельно от переводческого дискурса, а встраивается в его многослойную полидискурсивную фактуру и задействует его новые коммуникативные плоскости.

Целью данного исследования является установление и описание дискурсообразующих признаков – институциональных и личностно ориентированных компонентов – гипержанра «переводческий блог» на платформе Telegram.

Гипотеза исследования заключается в следующем: переводческий блог интегрирует черты как институционального, так и личностно ориентированного дискурсов, синтезирует элементы официального (институционального) общения с элементами индивидуального, субъективного (личностно ориентированного) самовыражения в пределах одного коммуникативного пространства.

Актуальность исследования объясняется тем, что на фоне множества работ – Л.Ю. Щипициной, Е.Н. Галичкиной, В.И. Карасика, А.И. Казиной, О.А. Солоповой, К.А. Наумовой, Э.Ю. Новиковой, Н.А. Ахреновой, А.А. Орловой, У.Ю. Эшкининой и др. [Щипицина, 2009; Галичкина, 2009; Карасик, 2019; Казина, 2018; Солопова, Наумова, 2018; Новикова, 2017; 2021; Ахренова, Орлова, 2021; Эшкинина, 2024], посвященных сетевому дискурсу и анализу различных блогосфер, в том числе профессиональных, нет единого взгляда на дискурсообразующие характеристики блога. На данный момент в переводоведческой и лингвистической литературе наблюдается недостаточная разработанность методов системного анализа жанров профессионального переводческого дискурса и процессов формирования профессиональной личности переводчика. Персональный переводческий блог дает новый взгляд на профессию переводчика как представителя профессии и как личности во всем богатстве его внутреннего мира [Карасик, 2000, с. 6]. Представляется, что переводческий блог помогает переводчикам развивать навыки самопрезентации и позиционирования, необходимые для профессиональной деятельности, поскольку выступает не только информационным, но и образовательным ресурсом, направленным на развитие множества переводческих компетенций. Современный рынок переводческих услуг, по мнению Н.В. Нечаевой и Э.М. Каировой, диктует необходимость владеть не только собственно переводческими компетенциями, но и «гибкими» навыками [Нечаева, Каирова, 2020]. Важность и необходимость навыка самопрезентации в социальных сетях зафиксирована в европейском стандарте подготовки письменных переводчиков European Master's in Translation (EMT) [European Master's...]. Это объясняет увеличение переводческих блогов и каналов в последнее время. Переводчик, создавая блог, выходит в «открытое коммуникативное пространство» для презентации и популяризации себя не только как профессионала, представителя важной профессии, но и себя как личности с определенными интересами, отношением к жизни, проблемами.

Исследование переводческих блогов позволяет выявить специфику современного интернет-дискурса переводчиков, а также специфику профессиональной личности переводчика и тем самым внести вклад в развитие прикладного переводоведения в цифровую эпоху. Очевидно, что в современном переводоведении наблюдается смещение фокуса исследований с описания теоретических основ перевода на анализ реальных условий работы и личности переводчика, его бренда, биографии [Zhang, 2023]. Принцип Энтони Пима *study translators, then texts* (изучать переводчиков, а потом тексты) позволяет переводоведам более широко осветить вопросы межкультурной коммуникации [Pym, 2009].

Материал и методы

Материалом исследования послужили тексты 80 русскоязычных переводческих блогов на платформе Telegram. Методологию составили методы наблюдения, описания, интроспекции, анкетирования, дискурсивный и контент-анализ. Анкетирование авторов переводческих каналов (45 переводческих блогов) в форме интернет-опроса по релевантным для настоящей работы вопросам проведено для верификации результатов проведенного научного изыскания. В качестве рабочей модели описания и установления дискурсивных осо-

бенностей переводческого блога как гипержанра профессионального интернет-дискурса переводчика выбрана модель В.И. Карасика, в фокусе которой находятся дискурсивно значимые компоненты: 1) участники; 2) хронотоп; 3) цели; 4) ценности; 5) стратегии; 6) материал (тематика); 7) разновидности и жанры; 8) прецедентные (культурогенные) тексты [Карасик, 2000, с. 12]. Выбор данного социокоммуникативного подхода в описании дискурса продиктован стремлением установить гибридный характер гипержанра, сочетающего институциональные и личностно ориентированные дискурсивные компоненты, обозначенные в гипотезе исследования. В приведенных примерах авторская пунктуация и орфография сохранены.

Результаты и дискуссия

Рассуждая о гибридизации дискурсов, мы предполагаем, что на фоне достаточно частой интеграции различных типов институциональных дискурсов, есть коммуникативные форматы, в которых проявляетя пересечение институционального и личностно ориентированного дискурсов. Теория дискурса, в том числе подход В.И. Карасика объясняет, что в каждом из данных типов доминирует статусный, либо личностный компоненты. Наши наблюдения за коммуникацией в рамках гипержанра «переводческий блог» убеждают в том, что оба компонента присутствуют в одинаковой степени и разграничить «институциональное» от «личностного» достаточно трудно, что и позволяет говорить о гибридном характере рассматриваемого исследовательского объекта.

Охарактеризуем комбинаторику компонентов институционального и личностно ориентированного дискурсов в коммуникативном пространстве переводческого блога.

Участники. В выделяемой В.И. Карасиком диаде «агент-клиент» [Карасик, 2000, с. 8] наблюдаются модификационные варианты интеракции. Взаимодействие участников дискурса варьируется в модусах «агент-агент» и «агент-клиент» в зависимости от специфики адресата. Под «агентами» в настоящем исследовании понимаются представители профессионального института (отрасли), под «клиентами» – те, кто обращаются в данный институт для получения услуги. Анализ контактоустанавливающих языковых средств в текстах блогов позволил выявить следующие типы адресатов (агентов и/или клиентов) переводческого блога.

1. «Агент-агент» – коллеги (начинающие и опытные переводчики) – агенты переводческого дискурса: *дорогие* ***коллеги и единомышленники****!*; *по традиции мы дали несколько напутствий и советов* ***начинающим коллегам***.

2. «Агент-клиент» – потенциальные заказчики, на которых ориентирована маркетинговая составляющая блога и рекламно-ориентированная текстовая деятельность автора блога: ***Я профессиональный переводчик*** *английского и испанского языков. Более 17 лет* ***помогаю людям понимать друг друга.***

3. «Агент-клиент» – широкая аудитория пользователей блога, интересующаяся вопросами перевода и/или личностью автора блога: *Сначала коротко поясню разницу между синхронным и последовательным переводом* ***для тех, кто читает этот пост, но далек от перевода и вообще мало что понимает.***

4. «Агент-агент» – переводчик – автор блога, поскольку переводческий блог может быть инструментом переводческой рефлексии. Согласимся с В.А. Митягиной в том, что рефлексии переводчиков могут рассматриваться как «движущая сила» оптимизации профессионального уровня [Митягина, 2017, с. 252]. Интроспекция собственной профессиональной деятельности позволяет переводчику-автору блога с максимальной полнотой представить свой внутренний мир и грани личности, что может быть интересно как агентам институционального дискурса (коллегам), так и клиентам (широкая аудитория): ***мои итоги*** *года: вышло двенадцать книг* ***со мной*** *как с переводчиком или редактором.*

Проведенное анкетирование респондентов позволило, с одной стороны подтвердить результаты анализа языкового материала, а с другой – ранжировать типы адресата переводческого блога (см. рис. 1).

Авторы переводческих блогов (агенты дискурса) в большей степени ориентируются на коллег-переводчиков с сопоставимым профессиональным уровнем (агенты дискурса),

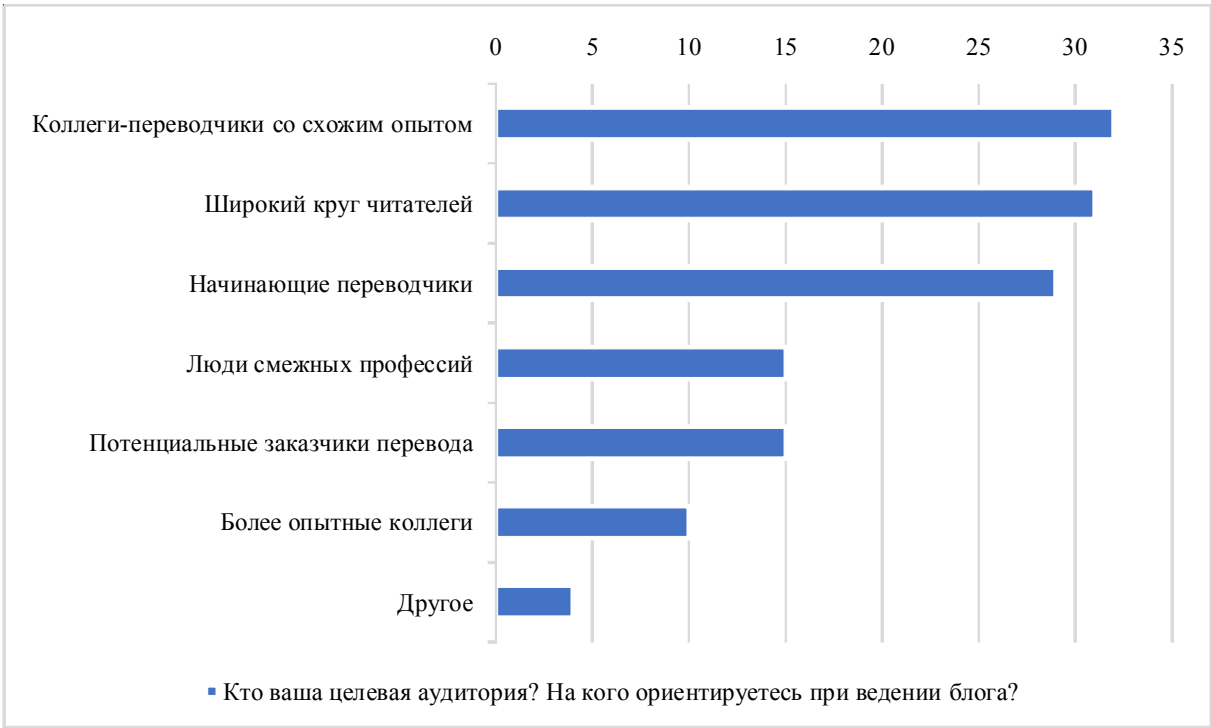


Рис. 1. Целевая аудитория переводческого блога

Fig. 1. The target audience of the translator's blog

широкий круг читателей (клиенты дискурса) и начинающих переводчиков (агенты дискурса). Ориентированность коммуникации на коллег-переводчиков подчеркивает принадлежность блога институту переводческого дела как инструмента социокоммуникативного взаимодействия переводчиков – членов профессионального сообщества. Ориентированность на широкую аудиторию свидетельствует о наличии личностно ориентированного компонента дискурса ввиду минимизации профессионального модуса коммуникации и превалирования повествования и обмена информацией об авторе блога как личности.

На основе анализа языковых средств в текстах публикаций блога и комментариев к ним, а также результатов опроса авторов блогов, установлено, что переводческий блог ориентирован на широкую аудиторию, интересы которой выходят за рамки профессии «переводчик». В этом случае клиентам дискурса интересна личность автора блога, его внутренний мир, языковая харизма, манера ведения и/или стилизация блога и т. п. В этом видим проявление компонентов личностно ориентированного дискурса, что отличает переводческий блог от других жанров профессионального переводческого дискурса, ориентированных исключительно на специалистов и имеющих очевидную институциональную природу (см.: [Новикова, Наумова, 2021]).

Хронотоп. Анализ хронотопа интересен тем, что он дает ценный материал для прикладного переводоведения, обеспечивая аккумуляцию и трансфер транслатологических знаний [Mcdonough, 2014, p. 92]. В этом проявляется институциональный характер переводческого блога как генератора новых переводческих идей, знаний и процессов. По пространственно-временным характеристикам хронотоп переводческого блога не отличается от прочих блогов – локация участников не имеет пространственных и временных рамок, прямой контакт коммуникантов отсутствует.

Цель профессионального дискурса переводчиков заключается в инициации профессионального общения на переводческие темы, сплочении профессионального сообщества, популяризации профессии и презентации переводчика как эксперта и личности. Результаты анализа языковых средств текстового материала и данные опроса авторов переводческих блогов позволили определить и ранжировать несколько целей (см. рис. 2):

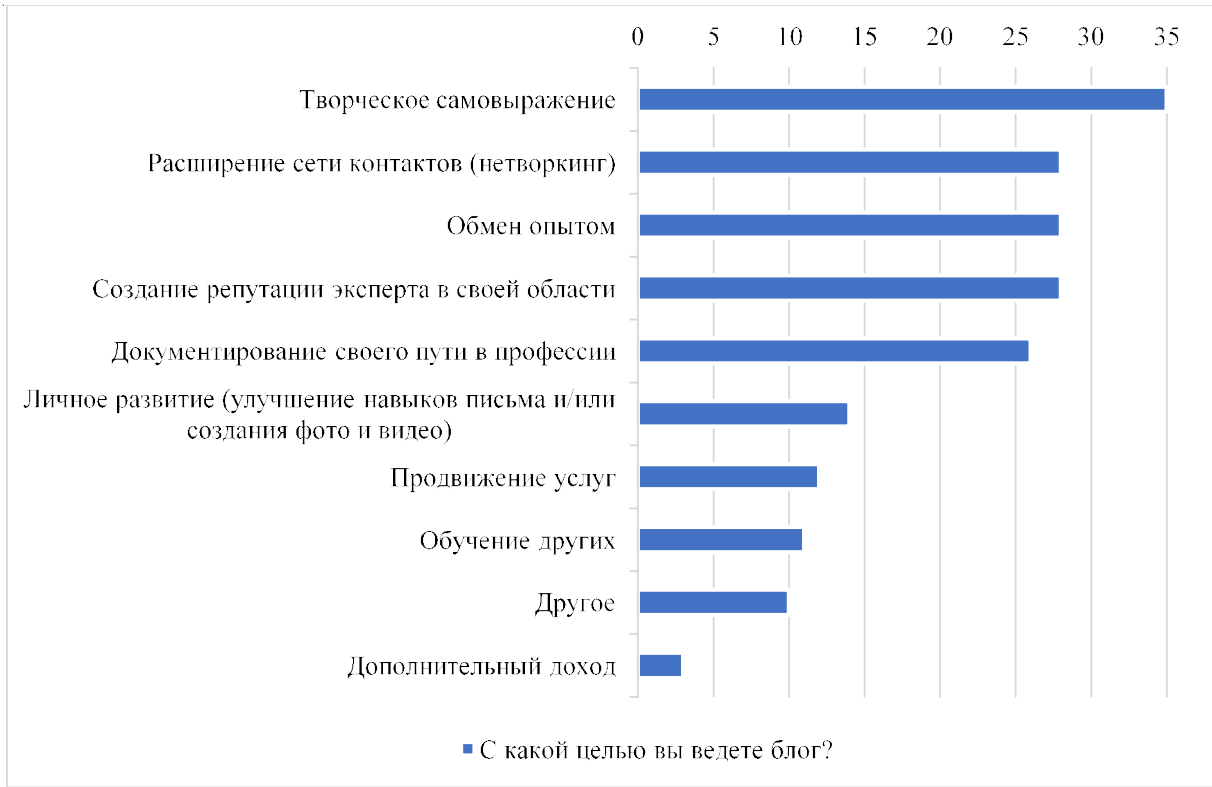


Рис. 2. Цель ведения блога

Fig. 2. The purpose of blogging

– творческое самовыражение: *Пусть* ***умелый ты толмач*** */ Пусть верстальщик – ну поплачь #стихи*;

– нетворкинг (расширение сети контактов): *Прошу в комментариях отозваться* ***всех, кто работает с редкими языками****;*

– обмен опытом: *Как заставить себя учиться, если не хочется, но нужно?* ***Мой опыт***;

– создание репутации эксперта в своей области: ***Дал*** *вместе с коллегами-выпускниками переводческих мастерских* ***небольшое интервью*** *по случаю Международного дня переводчика*;

– документирование своего пути в профессии: *В начале апреля ездила в Переделкино* ***как турист****, а в конце октября поеду уже* ***как спикер****. Представляете? Очень рада!*

Установлена доминирующая цель – творческое самовыражение, демонстрация богатства внутреннего мира автора блога, что свидетельствует о персонализации блога и подтверждает рабочую гипотезу о гибридности дискурса. Ориентация переводчика – автора блога на самореализацию как личности во всем многообразии профессиональных, личных, семейных и прочих интересов, личностной харизмы говорит о наличии личностно ориентированного дискурсивного компонента в анализируемом гипержанре.

Ценности. Профессиональная личность переводчика подвергается постоянному влиянию множества ценностных установок и профессионально детерминированных правил, принципов и норм. Ценностная парадигма профессионального переводчика характеризуется не только принадлежностью специалиста-переводчика к профессиональной группе, готовностью к профессиональному взаимодействию и росту, адаптации к новым вызовам профессии, но и личными интересами, популяризацией себя как интересного собеседника, творческой личности. В этом нам видится инклюзия институциональных ценностей и ценностей персональных, связанных с конкретной личностью автора переводческого блога. В исследуемых блогах актуализируются три типа ценностей: 1) ценности профессии, отраженные в Этическом кодексе переводчика (добросовестность, конфиденциальность, че-

стная конкуренция) [Этический...]: *NDA* ***запрещает выкладывать примеры*** *машинного перевода от наших дорогих заказчиков*; 2) ценности, формирующие профессиональный дискурс переводчиков (популяризация знания, объединение единомышленников, профессиональная полемика и диалог): *мы завели свой околопереводческий* ***просветительский ТГ-блог****, чтобы делиться знаниями и поддерживать профессию*; 3) личностно ориентированные ценностные установки авторов: ***для меня неприемлемо*** *опоздать, я считаю, что это не даст мне плюсов в глазах работодателя*.

Стратегии. Стратегии переводческого блога определяются его целями, коммуникативными интенциями, конкретизирующими ключевые цели блогера как личности и представителя профессии: творческое самовыражение, расширение сети контактов, обмен опытом, создание репутации эксперта и документирование своего пути в профессии.

Анализ прагматики языковых средств, участвующих в реализации стратегий, позволил определить палитру коммуникативных тактик:

– тактика самопрезентации: *Клиент был немногословен, поставил мне 5+ и написал* ***«Превосходно»; меня*** *еще никогда так восторженно и бурно не хвалили* ♥♥♥;

– тактика использования дефиниции понятий: ***Шушутаж – это вид устного перевода****, когда переводчик стоит около человека и нашептывает ему на ухо перевод одновременно с речью говоряшего*;

– тактика апелляции к авторитетным источникам: *Если вы занимаетесь нотариальным переводом в России, то вот вам новости: на прошлой неделе* ***Президент подписал Федеральный закон*** *от 08.08.2024 №251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*;

– тактика рекомендации: *это консольные термины, их* ***обязательно*** *нужно использовать во внутриигровых текстах и внешних описаниях,* ***иначе*** *игра не будет лицензирована платформой*.

Материал (тематика). Переводческие блоги характеризуются многообразием тем, связанных с переводом. К доминантам относим следующие тематические категории.

1. Кейсы из собственной практики: *в прошлом году* ***мне довелось поработать*** *с Президентом Гвинеи-Бисау.* Примечательно, что при описании собственного опыта переводчики порой несознательно прибегают к неличному характеру презентации.

2. Деловые аспекты профессии: *вести* ***переговоры о повышении ставок*** *– не значит требовать платить вам больше, потому что вы долго учились, сильно устаете, у вас ипотека и 3 кошки* (антитеза, амплификация);

Нет у меня слов приличных – несколько лет с пафосом и серьезными лицами ***федеральная нотариальная палата и СПР обсуждали*** <...> (инверсия);

Доколе, товарищи... (риторическое восклицание).

Для усиления прагматического эффекта воздействия на читателей широко используются синтаксические фигуры.

3. Информирование об узкой сфере перевода: *например, русскоязычные* ***специалисты по информационной безопасности*** *(ИБ) сплошь и рядом эту самую свою ИБ в US сокращают до* ***IS*** *(от англ.* ***information security****) и им совершенно всё равно (ну или, может, невдомёк), что чаще IS - это information system, то бишь информационная система (ИС), которая в их текстах тоже присутствует.* В постах об узких сферах перевода широко используется специальная лексика из описываемой предметной области, термины-англицизмы и другие заимствования из английского языка.

4. Критический анализ переводческих решений коллег: *в целом лока в играх miHoYo очень* ***неплохая*** *<...> Но иногда встречаются* ***довольно странные словечки***... Авторы переводческих блогов склонны критиковать коллег в тактичной форме, поэтому публикациям присущи диминутивы и противопоставления, смягчающие посыл публикации. Вводная конструкция «мне кажется» акцентирует субъективность мнения автора: ***мне кажется****, это неверный выбор термина, и вот почему.*

5. Самообразование и повышение квалификации, информирование об отраслевых мероприятиях: *тренинг представляет собой* ***сбалансированный*** *и* ***нескучный*** *практичес-*

кий курс, построенный на основе ***многолетнего практического опыта*** *переводческой работы ведущих.* По степени коммуникативной интенции преобладают положительные отзывы. Публикациям о самообразовании свойственно употребление эпитетов с семантикой высокого качества.

6. Особенности рабочих языков: ***По-русски*** *мы спрашиваем: "У тебя есть брат или сестра?".* ***А по-польски*** *этот вопрос звучит гораздо короче: "Masz rodzecstwo?".* Ориентируясь на прагматику коммуникации, авторы используют различные инструменты реализации коммуникативной тактики дефиниции: приведение доступных аналогий на русском языке; транскрипция и пояснение иноязычного термина, использование указательных местоимений: ***РодзЭньство – это*** *как раз "братья-и/или-сёстры", то есть,* ***буквально, "сорожденцы"***; апелляция к авторитетным источникам: ***Большой словарь польского языка*** *(https://wsjp.pl/haslo/podglad/4723/rodzenstwo) возводит этимологию к значению "родственники по прямой линии".*

7. Образ жизни и ментальное здоровье переводчика. Авторы переводческих блогов активно освещают свой образ жизни вне профессии. Например, в рамках челленджа #буднипереводческие автор переводческого блога делится профессиональными и личными итогами недели: ***Как (плохая) начинающая осетинская хозяюшка****: три дня варила суп-харчо, который скис на следующую ночь.* Адресаты понимают говорящую с полуслова и в комментариях делятся собственным опытом: *Тебе не переплюнуть мой эпик фейл с супом: как известно, в Волгограде летом жарковато, и вот, сварив суп,* ***я решила быть хорошей хозяюшкой и охладить его****. <…> Через два часа я мыла кастрюлю,* ***думала о превратностях жизни*** *и из чего снова варить суп.*

8. Роль переводчика в социуме. Философствуя о роли переводчика в обществе, авторы делятся озарениями, внезапным пониманием сути дела в яркой образной форме: *…и я продолжаю гордиться* ***своей ролью пищинки*** *(от слова «пищать»), на которой нарастает жемчужина нашего весьма профессионального и притом в лучшем смысле любительского сообщества*. В подобных текстовых фрагментах актуализируется бытийный аспект персонального дискурса, попытки раскрыть внутренний мир автора.

9. Юмористические зарисовки о профессии также позволяют автору продемонстрировать своеобразие своего внутреннего мира:

Сочинили с Диной мем про всю нашу жизнь

Жанры. Быстро развивающаяся интернет-коммуникация приводит к появлению новых жанровых форм, жанроидов, жанровых форматов, которые требуют лингвистического освещения. Внутри гипержанра «переводческий блог» нами зафиксированы два основных жанра – пост и комментарий. При этом пост может выполнять несколько различных функций и тем самым позволяет отнести его сразу к нескольким видам жанров в классификации Л.Ю. Щипициной – информативным, коммуникативным, презентационным и рекламным. Жанровая природа переводческого блога требует отдельного комплексного рассмотрения, поэтому в рамках данного исследования оставим вне нашего внимания описание отдельных жанров внутри гипержанра, но проиллюстрируем те жанровые группы (термин В.И. Карасика [Карасик, 2019, с. 50]), которые нам удалось выявить в предыдущих исследованиях [Ключак, Новикова, 2024, с. 36–37] и которые также подтверждают гибридный характер гипержанра. Представленные далее жанровые группы по-разному сочетают и реализуют компоненты институционального и личностно ориентированного типов дискурса.

Так, репортативы, агитативы, инструктивы и прескриптивы задают институциональные рамки социокоммуникативного взаимодействия переводчиков, а демонстративы, социативы, креативы и аттрактивы актуализируют личностно ориентированный компонент коммуникации.

Демонстратив (автопрезентация, портрет, селфи) (полимодальный характер информации): ***На аватаре канала*** *наш с Сильвером портрет от нейросети*.

Репортатив (сообщение о важных новостях отрасли): ***Как мы провели два дня*** *на первом Переводческом образовательном форуме*.

Социатив (рассуждения, ориентированные на друзей по интересам): ***Для всех, кто в школе любил*** *истории про магические школы…*

Креатив (художественное творчество): *Нет,* ***я не Мильчин, я другой****: / Никем не зримая лягушка / Что ночью набивает брюшко / Такой запретною едой*.

Агитатив (продвижение товара или образа жизни): ***Записывайтесь*** *на эфир к Томе, если хотите переводить кино!*

Инструктив (рекомендации для решения конкретной проблемы): ***Как стать медицинским переводчиком*** *и где найти заказы*.

Прескриптив (назидательные послания морального плана): ***Нет*** *демпингу!*

Аттрактив (развлекательно-шутливые послания): *ДЕД ЛАЙН. Он наступает незаметно,* ***почти украдкой, как бы невзначай***.

Прецедентные (культурогенные) тексты. В текстах гипержанра «переводческий блог» наличествуют расхожие цитаты о переводе (*Many critics, no defenders / Translators have but two regrets / When they hit – no one remembers / When they miss – no one forgets*), названия популярных монографий и учебников по иностранным языкам и переводу, которые часто обозначают при помощи метонимического переноса (*Мы учились по Аракину, на первом курсе был Голицынский*), прецедентными могут стать иллюстрации и мемы, а также популярные посты других блогеров. Интертекстуальные связи представлены в виде прямых цитат, ссылок, непрямого заимствования или хештегов (*Тома* [*гиперссылка на блог*] *взяла пример с Риты* [*гиперссылка на блог*] *и Жени* [*гиперссылка на блог*], *а я предлагаю подключиться всем и сделать «месячник» еженедельных отчетов) <…> Предлагаю тег #буднипереводческие)*. Анализ показал институционально детерминированный характер прецедентных текстовых единиц, поскольку в своем большинстве они отражают профессионально значимую коммуникацию переводчиков.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о гибридном характере гипержанра «переводческий блог», сочетающего компоненты как институционального, так и личностно ориентированного дискурсов. Это взаимодействие отражено в каждом из проанализированных дискурсивных признаков.

Институциональный компонент отражен в функциональном назначении блога как канала профессионального взаимодействия и трансфера знаний внутри сообщества. Личностно ориентированный компонент выражается в стремлении автора к самопрезентации, саморефлексии, выстраиванию доверительного тона общения с аудиторией, в том числе широкой, не имеющей отношения к профессии переводчика. Переводчик-блогер концентрирует внимание на своем личностном потенциале в контексте профессиональной деятельности, что свидетельствует о значительной роли личностно ориентированного характера исследуемого гипержанра. Интеграция институционального и персонального дискурсов в коммуникативном пространстве переводческого блога прослеживается на уровне ценностных установок, жанровых групп, тематических доминант.

Наблюдаемая инклюзия компонентов личностно ориентированного дискурса в институциональных рамках профессионального переводческого дискурса подтверждает тезис о переводчике не «невидимом» трансляторе, а переводчике-личности – профессиональной, экспертной, элитарной.

Исследование гипержанра «переводческий блог» дополняет портрет профессиональной личности переводчика и дает материал для дальнейших исследований в антропоцентрическом направлении современной лингвистики и переводоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахренова Н. А., Орлова А. А., 2021. Дискурсивные характеристики fashion-блогинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 6. С. 6–19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19

Галичкина Е. Н., 2009. Жанровая стратификация российской блогосферы в виртуальной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (9). С. 58–63.

Гуреева А. А., Наумова А. П., 2015. Рефлексирование и авторефлексирование в профессиональном дискурсе переводчиков // Homo Loquens (Вопросы лингвистики и транслятологии) : сб. ст. Вып. 8 / отв. ред. В. А. Митягина. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 3–10.

Казина А. И., 2018. Дискурс блогов о путешествиях как вид институционального дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 4. С. 7–12. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-7-12

Карасик В. И., 2000. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена. С. 5–20.

Карасик В. И., 2019. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. № 1 (21). С. 49–55. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55

Кашкин В. Б., 2010. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж : Изд. О.Ю. Алейников. 382 с. (Аспекты языка и коммуникации ; вып. 5).

Кириллов А. Г., 2017. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. № 2 (16). С. 260–267. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267

Ключак М. Ю., Новикова Э. Ю., 2024. Мессенджер Telegram как эффективный инструмент самопрезентации переводчика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 2. С. 30–42. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-30-42

Митягина В. А., 2017. Рефлексии переводчиков как основа оптимизации профессиональных компетенций // Переводчик XXI века – агент дискурса : коллектив. моногр. / науч. ред. В. А. Митягина, А. А. Гуреева. М. : Флинта. С. 240–254.

Наумова А. П., 2020. Социокоммуникативные характеристики профессионального дискурса переводчиков (на материале английского, русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 192 с.

Нечаева Н. В., Каирова Э. М., 2020. Формирование умения самопрезентации у студентов переводческих специальностей // Вопросы методики преподавания в вузе. Т. 9, № 33. С. 80–94. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.33.07

Новикова Э. Ю., 2017. Дискурсивная личность переводчика: переводческие компетенции и ролевой портрет // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 3. С. 90–102. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.3.9

Новикова Э. Ю., 2021. Компетентностный профиль переводчика эпохи 4.0: презентационная компетенция // Вестник Томского государственного университета. № 466. С. 165–172. DOI: 10.17223/15617793/466/20

Новикова Э. Ю., Наумова А. П., 2021. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 3. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.1

Солопова О. А., Наумова К. А., 2018. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. Т. 54, № 4. С. 15–21.

Щипицина Л. Ю., 2009. Классификация жанров компьютерно-опосредованной коммуникации по их функции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 114. С. 171–178.

Этический кодекс переводчика. URL: https://translation-ethics.ru/code/

Эшкинина У. Ю., 2024. Спортивные каналы в Telegram: жанры, темы и форма публикаций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 23, № 6. С. 89–97. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-6-89-97

European Master's in Translation, 2022. URL: https://commission.europa.eu/document/download/b482a2c0-42df-4291-8bf8-923922ddc6e1_en?filename=emt_competence_fwk_2022_en.pdf

Mcdonough D. J., 2014. A Window into the Profession: What Translation Blogs Have to Offer Translation Studies // The Translator. Vol. 17, № 1. P. 77–104. DOI: 10.1080/13556509.2011.10799480

Pym A., 2009. Humanizing Translation History // HERMES Journal of Language and Communication in Business. Vol. 42, № 22. P. 23–48. DOI: 10.7146/hjlcb.v22i42.96845

Zhang W., 2023. Constructing the Literary Translator as a Brand. Methodological Considerations // Translation in Society. Vol. 2, № 2. P. 123–145. DOI:10.1075/tris.23009.zha

REFERENCES

Akhrenova N.A., Orlova A.A., 2021. *Diskursivnye kharakteristiki fashion-bloginga* [Discourse

Characteristics of Fashion Blogging]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 6, pp. 6-19. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-19

Galichkina E.N., 2009. Zhanrovaya stratifikatsiya rossiyskoy blogosfery v virtualnoy kommunikatsii [Genre Stratification of Russian Blogosphere in Virtual Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1 (9), pp. 58-63.

Gureeva A.A, Naumova A.P., 2015. Refleksirovanie i avtorefleksirovanie v professionalnom diskurse perevodchikov [Reflection and Auto-Reflection in the Professional Discourse of Translators]. Mityagina V.A., ed. *Homo Loquens (Voprosy lingvistiki i translyatologii): sb. st. Vyp. 8* [Homo Loquens (Issues of Linguistics and Translatology). Collection of Articles. Iss. 8]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 3-10.

Kazina A.I., 2018. Diskurs blogov o puteshestviyakh kak vid institutsionalnogo diskursa [Discourse of Travel Blogs as a Form of Institutional Discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 4. pp. 7-12. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-4-7-12

Karasik V.I., 2000. O tipakh diskursa [On Discourse Types]. *Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs: sb. nauch. tr.* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 5-20.

Karasik V.I., 2019. Zhanry setevogo diskursa [Genres of Network Discourse]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 1 (21), pp. 49-55. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55

Kashkin V.B., 2010. *Paradoksy granitsy v yazyke i kommunikatsii* [Paradoxes of the Border in Language and Communication]. Voronezh, Izd. O.Yu. Aleynikov. 382 p. (Aspekty yazyka i kommunikatsii; vyp. 5 [Aspects of Language and Communication, iss. 5]).

Kirillov A.G., 2017. Transformatsiya zhanra bloga v programmakh obmena mgnovennymi soobshcheniyami [Transformation of Blogs as a Genre in Instant Messaging Applications]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], no. 2 (16), pp. 260-267. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-260-267

Klyuchak M.Yu., Novikova E.Yu., 2024. Messendzher Telegram kak effektivnyy instrument samoprezentatsii perevodchika [Telegram Messenger as an Effective Means of Interpreter's Self-Presentation]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 2, pp. 30-42. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-30-42

Mityagina V.A., 2017. Refleksii perevodchikov kak osnova optimizatsii professionalnykh kompetentsiy [Translators' Reflexions as a Basis for Optimising Professional Competences]. Mityagina V.A., Gureeva A.A., eds. *Perevodchik XXI veka – agent diskursa: kollektiv. monogr.* [Translator of the 21th Century Is an Agent of Discourse. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., pp. 240-254.

Naumova A.P., 2020. *Sotsiokommunikativnye kharakteristiki professionalnogo diskursa perevodchikov (na materiale angliyskogo, russkogo i frantsuzskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk* [Sociocommunicative Characteristics of Professional Discourse of Translators (Based on the Material of English, Russian and French Languages). Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 192 p.

Nechaeva N.V., Kairova E.M., 2020. Formirovanie umeniya samoprezentatsii u studentov perevodcheskikh spetsialnostey [Development of Personal Marketing Skills Among Translation and Interpreting Students]. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze* [Teaching Methodology in Higher Education], vol. 9, no. 33, pp. 80-94. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.33.07

Novikova E.Yu., 2017. Diskursivnaya lichnost perevodchika: perevodcheskie kompetentsii i rolevoy portret [Discursive Personality of the Translator: Translation Competencies and Role Portrait]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 3, pp. 90-102. DOI: https://doi.org/10.15688/ jvolsu2.2017.3.9

Novikova E.Yu., 2021. Kompetentnostnyy profil perevodchika epokhi 4.0: prezentatsionnaya kompetentsiya [Translator Competence Profile in the 4.0 Digital Ages: Presentation Competence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 466, pp. 165-172. DOI: 10.17223/15617793/466/20

Novikova E.Yu., Naumova A.P., 2021. Perevodcheskiy diskurs 4.0: raznoobrazie formatov, zhanrov i trendov [Translation Discourse 4.0: Variety of Formats, Genres and Trends]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 3, pp. 5-17. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.3.1

Solopova O.A., Naumova K.A., 2018. Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikatsii [Hybrid Discourse Formats: Classification Issues]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], vol. 54, no. 4, pp. 15-21.

Shchipitsina L.Yu., 2009. Klassifikatsiya zhanrov kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii po ikh funktsii [Functional Classification of Computer-Mediated Genres]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 114, pp. 171-178.

Eticheskiy kodeks perevodchika [The Language Professionals Code of Ethics]. URL: https://translation-ethics.ru/code/

Eshkinina U.Yu., 2024. Sportivnye kanaly v Telegram: zhanry, temy i forma publikatsiy [Sports Channels in Telegram: Genres, Topics and Form of Publications]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 23, no. 6, pp. 89-97. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-6-89-97

European Master's in Translation, 2022. URL: https://commission.europa.eu/document/download/b482a2c0-42df-4291-8bf8-923922ddc6e1_en?filename=emt_competence_fwk_2022_en.pdf

Mcdonough D.J., 2014. A Window into the Profession: What Translation Blogs Have to Offer Translation Studies. *The Translator*, vol. 17, no. 1, pp. 77-104. DOI: 10.1080/13556509.2011.10799480

Pym A., 2009. Humanizing Translation History. *HERMES Journal of Language and Communication in Business*, vol. 42, no. 22, pp. 23-48. DOI: 10.7146/hjlcb.v22i42.96845

Zhang W., 2023. Constructing the Literary Translator as a Brand. Methodological Considerations. *Translation in Society*, vol. 2, no. 2, pp. 123-145. DOI: 10.1075/tris.23009.zha

Information About the Author

Margarita Yu. Klyuchak, Postgraduate Student, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, ritakl@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-3434-1487

Информация об авторе

Маргарита Юрьевна Ключак, аспирант кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, ritakl@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-3434-1487

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.8

UDC 811.111'01
LBC 81.432.1-03

Submitted: 09.02.2024
Accepted: 23.12.2024

EVALUATIVITY OF SOMATIC PHRASEOLOGY IN OLD ENGLISH VERSIONS OF THE PSALMS

Sergey V. Mukhin

MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. The research based on the Old English linguistic evidence of eight Anglo-Saxon Psalters dating from the 8th to 12th centuries focuses on the phenomenon of evaluativity proper to idiomatic word combinations with somatic components. The research sets the task of determining the inventory of substantive lexemes with corporeal anthropomorphic semantics in the text of the psalms. Subsequently, the frequency indicators of lexical somatisms and their phraseological productivity are subject to scrutiny to single out the high frequency somatic lexemes. Proceeding from the assumption that high frequency lexical somatisms tend to feature higher phraseological productivity, the research comes to concentrate on the ten frequently used substantive somatisms, and further attention is paid to the word combinations constituted by these somatisms. In compliance with the linguacultural approach it is presumed that the word-combinations thus formed can mostly be identified as idioms with a transferred phraseological meaning. It is noted that all Old English somatic idioms in the psalms are phraseological calques from Latin. On the example of the idiomatic word combinations with the components *swiðre* (*right hand*), *heafod* (*head*) and *tunȝe* (*tongue*) it is established that evaluativity of somatic idioms can fall into three types in conformity with the axiological potential of their key somatic components: positive, negative and binary. The study may be of interest to linguists specializing in phraseology, linguaculturology, and the history of English.

Key words: Old English, phraseology, somatism, Psalter, evaluativity.

Citation. Mukhin S.V. Evaluativity of Somatic Phraseology in Old English Versions of the Psalms. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 98-109. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.8

УДК 811.111'01
ББК 81.432.1-03

Дата поступления статьи: 09.02.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

ОЦЕНОЧНОСТЬ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ВЕРСИЯХ ПСАЛМОВ

Сергей Владимирович Мухин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия

Аннотация. В исследовании на материале восьми древнеанглийских псалтирей VIII–XII вв. изучается языковое явление оценочности, свойственное фразеологически связанным словосочетаниям с соматическими компонентами. Определен инвентарь субстантивных лексем с корпореальной антропоморфной семантикой в тексте псалмов. На основе показателей частотности лексических соматизмов и их фразеологической продуктивности выделены десять высокочастотных соматических лексем: *heorte* (сердце), *hond* (рука), *muð* (рот, уста), *onsien* (лицо, лик), *eȝe* (глаз, око), *fot* (нога, стопа), *swiðre* (десница), *tunȝe* (язык), *weolor* (губа, уста), *heafod* (голова, глава). В рамках лингвокультурологического подхода к фразеологии произведена

© Мухин С.В., 2025

идентификация словосочетаний, включающих эти лексические единицы, в качестве идиом с метафорически либо метонимически переосмысленными фразеологическими значениями. Отмечено, что все древнеанглийские соматические идиомы в псалмах представляют собой фразеологические кальки с латинского языка. В результате анализа древнеанглийских соматических фразеологизмов, функционирующих в тексте псалтири, установлены три типа оценочности в соответствии с аксиологическим потенциалом их ключевых соматических компонентов: преимущественно положительный, преимущественно отрицательный и смешанный. На примере идиоматических словосочетаний с соматическими компонентами *swiðre* (десница), heafod (голова) и *tunȝe* (язык) показана контекстуальная реализация каждого типа оценочности. Выявлена зависимость преимущественной направленности аксиологического вектора от семантики конкретного соматического компонента в составе фразеологически связанных словосочетаний.

Ключевые слова: древнеанглийский язык, фразеология, соматизм, Псалтирь, оценочность.

Цитирование. Мухин С. В. Оценочность соматических фразеологизмов в древнеанглийских версиях псалмов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 98–109. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.8

Введение

В рамках современной научной парадигмы признается взаимосвязь языка и культуры. Это особенно заметно на материале фразеологии, представляющей собой, по образному выражению В.Н. Телия, «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9]. Одно из присущих фразеологии свойств – кумулятивность; фразеологизмы по своей природе служат для аккумулирования культурного опыта – процесса, протяженного во времени. Однако в отечественной и зарубежной англистике работы, в которых фразеологический материал английского языка изучается в диахронии или в историческом ракурсе, единичны. В отечественной лингвистике английская фразеология рассматривалась в историческом и диахроническом аспектах в нескольких диссертационных работах (см., например: [Дьякова, 1977; Карпова, 1979; Начисчионе, 1976]). А. Бергс, проведший наиболее серьезный источниковедческий анализ американских и европейских исследований по английской фразеологии, отмечает повышенное внимание к фразеологизмам в современном английском языке, но при этом признает, что исторический аспект фразеологии находится в некотором забвении [Bergs, 2012, p. 74].

Настоящее исследование ориентировано на заполнение ряда существующих пробелов в историческом изучении английской фразеологии. Нами ставится цель описать оценочные характеристики древнеанглийских фразеологически связанных словосочетаний телесно-антропной семантики в Псалтири и соотнести их с типами оценочности, детерминированными направленностью аксиологического вектора и значением соматических компонентов. Для достижения обозначенной цели решается ряд задач: 1) определить инвентарь древнеанглийской соматической лексики Псалтири; 2) выявить наиболее частотные соматические лексемы, отличающиеся высокой фразообразовательной продуктивностью; 3) провести анализ контекстов с частотными соматическими фразеологизмами на предмет их соотнесенности с типами оценочности.

Материал и методы

Обозначенные цель и задачи обусловливают методы, применяемые в ходе исследования: контекстуальный, компонентный, лингвокультурологический анализ и метод словарных дефиниций.

Характеризуя материал исследования, отметим, что фокус внимания лингвистов, как правило сосредоточен на этимологии и функционировании библеизмов в современном языке и на сравнительном анализе библейской фразеологии в различных языках (см., например: [Гак, 1997; Дубровина, 2022]). Крайне мало внимания уделяется раннему состоянию библейской фразеологии, в том числе в англистике, несмотря на то, что в истории английского языка именно библейским текстам принадлежит особое место среди памятников письменности древнеанглийского периода. Так, глоссы Веспасиановой Псалтири признаны первым переводом библейского текста в истории английского

языка, а передаваемые ими словосочетания с идиоматическим значением – наиболее ранним письменно зафиксированным и доступным для изучения пластом фразеологии. Являясь частью Ветхого завета, в Раннем и Высоком Средневековье Псалтирь широко использовалась как учебный текст для распространения латинской грамоты [Toswell, 1995–1996, p. 4]. Псалтирь играла ключевую роль в обеспечении непрерывной фразеологической письменной традиции, передавая на протяжении веков устойчивые словосочетания от версии к версии и от одной лингвокультуры к другой при переводе, реализуя, таким образом, кумулятивно-коммуникативную функцию фразеологии – способность «накапливать многовековой опыт познания мира и передавать этот опыт не только сменяющимся поколениям одного лингвокультурного сообщества, но и представителям других культур, расширяя перспективы их восприятия и познания действительности» [Зыкова, 2011, с. 80].

Даже без учета шести псалтирей, ввезенных на Британские острова с континента в X–XI вв. [Pulsiano, 1995], сборники псалмов представляют собой самую крупную тематическую группу древнеанглийских рукописей – до 50 единиц различной степени сохранности [Toswell, 2014, p. 9]. Сохранилось 16 версий глоссированных, то есть переданных посредством буквального перевода с латинского оригинала, псалтирей [Porck, 2022], из которых 11 содержат полный подстрочный перевод. В настоящем исследовании анализируется материал восьми из них, ограниченный временными рамками середины VIII – конца XII века.

Список анализируемых текстов приводится далее в хронологическом порядке с библиотечным шифром каждой рукописи:

1) Веспасианова Псалтирь (ВП), вторая четверть VIII в. (London, British Library, MS Cotton Vespasian A I);

2) Псалтирь Юниуса (ПЮ), первая половина X в. (Oxford, Bodleian Library, MS Junius 27);

3) Ламбетская Псалтирь (ЛП), начало XI в. (London, Lambeth Palace, MS 427);

4) Арунделская Псалтирь (АП), первая четверть XI в. (London, British Library, Arundel MS 60);

5) Кембриджская (Винчкомбская) Псалтирь (КП), вторая четверть XI в. (Cambridge, Cambridge University Library, MS Ff.1.23);

6) Парижская Псалтирь (ПП), середина XI в. (Paris, Bibliothique nationale de France, MS Lat. 8824);

7) Псалтирь Вителлия (ПВ), третья четверть XI в. (London, British Library, Cotton MS Vitellius E XVIII);

8) Псалтирь Эдвина (ПЭ), третья четверть XII в. (Cambridge, Trinity College Library, MS R.17.1).

Рассматриваемые нами контексты, включающие один и тот же фразеологизм, тождественны в плане содержания. С фразеологической точки зрения, полный набор вариантов того или иного соматического словосочетания образует фразеологический инвариант, который в настоящей статье может быть проиллюстрирован примером из любого анализируемого текста Псалтири, демонстрируя устойчивость в хронологическом отношении и наддиалектный характер древнеанглийской библейской фразеологии.

Результаты и обсуждение

Соматическая лексика древнеанглийских псалтирей

ВВ настоящей работе принято следующее толкование лексических соматизмов: единицы, «означающие как части тела организма, так и названия внутренних органов и систем» [Умаев, Дударова, Дзангиева, 2021, с. 28]. Они занимают в Псалтири важное место: в 133 из 150 псалмов обнаруживаются 750 содержащих соматические единицы контекстов [Мухин, 2023, с. 124], в которых употребляется 38 лексических соматизмов.

Соматические единицы функционируют в качестве аксиологических маркеров на постоянной основе. Вместе с тем наиболее частотные лексические единицы регулярно выступают в качестве компонентов фразеологически связанных словосочетаний, что обусловливает зависимость фразообразовательной продуктивности лексических соматизмов от их частотности. Таким образом, именно частотные лексемы одновременно обеспечивают фразообразование и реализацию категории оценочности.

По нашим подсчетам, медианное значение частотности всех исследуемых лексических соматизмов в совокупности составляет около 20 употреблений. Соматизмы с частотностью, превышающей медиану, представлены в таблице [1] в порядке убывания частотности. С точки зрения структуры и этимологии все древнеанглийские фразеологически связанные словосочетания в псалмах представляют собой фразеологические кальки с латинского оригинала, поэтому в статье все контекстуальные примеры употребления соматических словосочетаний даются в трех версиях: латинское словосочетание, древнеанглийское словосочетание (с указанием источника) и современный русский перевод [2].

Соматические компоненты в составе словосочетаний служат строительным материалом фразеологизации. Именно слова-компоненты фразеологизмов вызывают представления, знания, ассоциации, которые соотносятся с предметами, текстами и действиями культуры [Ковшова, 2016]. Принимая во внимание дискуссионность проблемы определения фразеологического статуса таких словосочетаний в древних рукописях, мы признаем основными показателями фразеологизации словосочетания следующие: 1) наличие устойчивого фразеологического (преимущественно образного) значения, не являющегося суммой значений компонентов и приобретенного в результате метафорического и/или метонимического переноса; 2) рекуррентность словосочетания в памятниках письменности. Данные показатели могут применяться к анализу конкретных словосочетаний как вместе, так и по отдельности.

Например, в 33 стихе 9 псалма представлен следующий контекст с частотным соматизмом *heorte* (сердце):

(1) лат.: **Dixit** enim **in corde** suo oblitus est Deus avertit faciem suam

cweð soðlice **in** his **heortan** oferȝeotul is ȝod forcerreð onsiene his (ВП 9:33)

рус.: **говорит в сердце** своем: «забыл Бог, закрыл лицо Свое».

Соматизм *heorte* здесь образует глагольное словосочетание **cweðan in heortan* (говорить в сердце), которое является полной калькой с латинского оригинала со значением, основанным на пространственной метафоре: сердце осмысляется как некое укромное место, где человек может высказаться без стеснения. Таким образом, словосочетание приобретает фразеологическое значение «подумать; мысленно сформулировать».

Данное словосочетание используется во множестве контекстов, например:

(2) лат.: **Dixit** insipiens **in corde** suo Non est Deus

cwæð unwis **on heortan** his na is ȝod (АП 13:1)

рус.: **Сказал** безумный **в сердце своем**: «Нет Бога!»;

(3) лат.: nec **dicant in cordibus** suis Euge

ne **cweðen on heortum** hira wel ðe wel (ПЮ 34:25)

рус.: да не **скажут в сердцах** своих: «Хорошо же»;

(4) лат.: **Dixerunt in corde** suo cognatio eorum

cwedun in heortan heara cneoris heara (ВП 73:8)

рус.: **Сказала в сердце** своем родня их.

Частотные лексические соматизмы в древнеанглийском тексте псалмов

High-frequency lexical somatisms in the Old English text of the Psalms

Древнеанглийская лексема	Латинский эквивалент	Русский эквивалент	Количество употреблений	Доля от общего количества контекстов с соматизмами, %
heorte	*cor*	сердце	135	18
hond	*manus*	рука	106	14
muð	*os*	рот, уста	67	9
onsien	*facies*	лицо, лик	61	8
eȝe	*oculus*	глаз, око	57	8
fot	*pes*	нога, стопа	39	5
swiðre	*dextera*	десница	37	5
tunȝe	*lingua*	язык	34	4
weolor	*labia*	губа, уста	27	4
heafod	*caput*	голова, глава	24	3

Словосочетание **cwepan in heortan* (говорить в сердце) регулярно воспроизводится в различных версиях Псалтири, его рекуррентность не зависит от факторов диалекта и хронологии. Все вышесказанное позволяет утверждать, что уже в древнеанглийский период рассматриваемое словосочетание имело фразеологический статус.

Оценочность соматической фразеологии древнеанглийских псалтирей

Большинство фразеологизмов создают в речи оценочное суждение с ценностным содержанием [Ковшова, 2013, с. 79]. Как мы уже отмечали, структурно все соматические фразеологизмы представляют собой кальки с латинского оригинала. В своих оценочных характеристиках они также воспроизводят исходные латинские словосочетания.

Подавляющему большинству тождественных контекстов [3] в различных версиях Псалтири свойственна вариативность, обусловленная, в основном, факторами диалекта, хронологии и индивидуальных особенностей авторов рукописей. Она наглядно проявляется при сопоставлении текста рассматриваемых версий Псалтири, например:

(5) лат.: **Probasti cor** meum
ðu **acunnadest heortan** mine (ВП)
þu **acunnades heortan** mine (ПЮ)
þu **afandodest heortan** mine (ЛП)
þu **cunnodest heortan** minre (АП)
þu **acunnudyst heortan** mine (КП)
Þu **hæfst afandod** min **mod** (ПП)
þu **cunnodest heortan** mine (ПВ)
þu **afandudest** mine **heortæn** (ПЭ)
рус.: Ты **испытал сердце** мое (16:3).

В то же время, для фразеологии характерно, что варьирование идиоматических словосочетаний происходит в рамках самого словосочетания, без нарушения его тождества, при сохранении его структурно-семантического инварианта [Федуленкова, 2020, с. 94], что и демонстрируют приведенные выше варианты единого словосочетания с фразеологическим значением.

В различных лингвокультурах существуют группы ассоциаций конкретных органов и частей тела с некорпореальными концептами. Например, пространственные ассоциации: «сердце, живот, глаз – центр», «голова – верх», «лицо – перед»; функциональные ассоциации: «рука – действие, работа, владение», «рот – говорение»; психофизические ассоциации: «сердце – чувства», «голова – мысль» и т. п. [Warren-Rothlin, 2005, p. 204]. В рамках религиозно-философской интерпретации, характерной для псалмов царя Давида, четко просматривается противоположная направленность аксиологического вектора в соответствии и с дихотомией «добро – зло», реализованная оценочной лексикой, которой «свойственна полярность в отношении общественных или этических норм» [Benamara, Taboada, Mathieu, 2017, p. 209]. Оценочные значения словосочетаний, предполагающие положительное или отрицательное отношения, обычно, по словам Дж. Паундса, вписаны в более широкий контекст, в котором оценка осуществляется кумулятивно [Pounds, 2015].

Рассматривая соотнесенность типа оценки с конкретными лексическими соматизмами, можно предположить, что тип оценочности, с одной стороны, детерминируется контекстуально, а с другой – зависит от значения конкретного соматического компонента в составе словосочетания. Для конкретных единиц характерна не абсолютная, а преимущественная соотнесенность с тем или иным типом оценочности. Соответственно, представляется оправданным выделить три типа такой соотнесенности: 1) с преимущественно положительной оценочностью; 2) с преимущественно отрицательной оценочностью; 3) смешанный тип, когда в равной мере представлены контексты с положительной и отрицательной оценочностью.

Рассмотрим в качестве иллюстрации словосочетания телесно-антропной семантики с частотными соматическими компонентами.

*Соотнесенность с преимущественно положительной оценочностью. Компонент **SWIÐRE** (десница)*

Словосочетания с соматическим компонентом *swiðre* (десница) служат, прежде всего, для вербализации концепта Сила. В отраженной в псалмах религиозной интерпретации мира источником неограниченной силы выступает Бог, поэтому в большинстве случаев образ правой руки, основанный на

телесно-антропной метафоре, передает представление о божественном вмешательстве, участии. В этой связи почти все контексты с соматизмом swipre отличаются положительной оценочностью. Можно также отметить частое проявление метонимии, поскольку, изображая Бога антропоморфно, псалмопевец обозначает целое (Бог) посредством части (десница), как в следующем контексте:

(6) лат.: **deducet** te mirabiliter **dextera** tua
ȝelædyð þe wundorlice **swiðre** þin (КП 44:5)
рус.: **поведет** Тебя дивно **десница** Твоя.

В идиоматическом словосочетании *ȝelædyð swiðre* (десница ведет) лексема *swiðre* выступает агенсом, однако в образном представлении Бог Сам ведет Себя определенным путем. Это означает, что Он руководствуется исключительно собственной волей и ниоткуда не черпает силу. Посредством взаимодействующих метафор (СУЩЕСТВОВАНИЕ – ЭТО ПУТЬ и ДЕСНИЦА – ЭТО БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ) образ идущего своей дорогой Бога выражает идею Его абсолютной самодостаточности. Оценочность словосочетания положительна.

(7) лат.: **delectationes in dextera** tua usque in finem
ȝelustfulnesse on þine **swiþræn** oþðe on ende (ПЭ 15:11)
рус.: **Наслаждения в деснице** Твоей – до конца!

В данном примере общая положительная оценочность словосочетания обеспечивается употреблением существительного с положительной коннотацией *ȝelustfulnesse*, семантизируемого в словаре Bosworth –Toller посредством новоанглийских и латинской дефиниций *delight*, *pleasure*; *delectatio*.

Помимо приведенных примеров, преимущественно положительная оценочность фиксируется у словосочетаний с компонентом *swipre* в следующих 19 контекстах [4]:

from ðæm wiðstondendum ðere swiðra ðinra ȝehald mec (от противящихся деснице Твоей Сохрани меня (16:8));
sie swiðra ðin onfenȝ me (десница Твоя поддержала меня (17:34));
in mæhtum hælu swiðran his (в могуществе – спасение десницей Его (19:6));
sie swiðre ðin ȝemoeteð alle ða ðe ðe fiȝað (десница Твоя да найдет всех ненавидящих Тебя (20:8));
earm heara ne ȝehæleð hie ah sie swiðre ðin (не мышца их спасла их, но десница Твоя (43:4–5));
rehtwisnisse ful is sie swiðre ðin (правды полна десница Твоя (47:9));
halne mec doo mid ðinre dere swiðran (спаси десницею Твоею (59:5));
mec onfenȝ sie swiðre ðin (меня поддержала десница Твоя (62:7));
ða swiðran ðine of midum sceate ðine (десницу Твою из среды недра Твоего (73:11));
ðeos onwendednis swiðran ðes hean (эта перемена – от десницы Всевышнего (76:9));
munt ðeosne ðone beȝet sie swiðre his (на эту гору, которую приобрела десница Его (77:54));
ȝerece ðone ðone plantade sie swiðre ðin (исправь ее, которую насадила десница Твоя (78:14));
sie hond ðin ofer wer ðere swið ðinre (Да будет рука Твоя на муже десницы Твоей (78:16));
sie upahefen sie swiðre ðin (да возвысится десница Твоя (88:12));
in flodum ða swiðran his (на реках десницу его (88:22));
swiðran ðin dryhten cuðe doa us (покажи мне десницу Твою (89:14));
ȝehælde hine mid ða swiðran his (спасение Его совершила десница Его (97:2));
sie swiðre dryhtnes dyde meȝen (десница Господня явила силу (117:16));
nimeð mec swið ðin (удержит меня десница Твоя (138:8)).

Количество контекстов с отрицательной оценочностью минимально, когда образ десницы ассоциирован не с Богом, а с грешниками, например:

(8) лат.: dextera eorum **dextera iniquitatis**
seo swiðre heora **swiðre unrihtwisnesse** (АП 143:8)
рус.: десница их – **десница неправды**.

Отрицательная оценка выражена посредством сочетания соматизма с пейоративной лексемой *unrihtwisnesse* (неправда, неправедность). Помимо вышеприведенного контекста, воспроизводимого в тексте псалмов дважды, отрицательную оценочность идиоматических словосочетаний с компонентом *swiðre* возможно отметить лишь еще в двух случаях:

seo **swiðre ȝefylled is ȝeofum** (**десница полна неправедной мзды** (25:9));

ȝif oferȝeotul ic biom ðin Hierusalem **forȝiteð** mec sie **swiðre** min (Если забуду тебя, Иерусалим, пусть **забыта** будет **десница** моя (136:5)).

*Соотнесенность с преимущественно отрицательной оценочностью. Компонент **TUNȜE** (язык)*

Лексема *tunȝe* может рассматриваться как средство вербализации концепта ЯЗЫК в контекстах с преимущественно отрицательной оценочностью. Из 34 контекстов с данным соматическим компонентом 22 контекста демонстрируют отрицательную оценочность, например:

(9) лат.: **lingua** mea **adhesit faucibus** meis **tunȝe** min **ætfealh ȝomum** minum (ПВ 21:16)
рус.: **язык** мой **прилип к гортани** моей.

Образ прилипшего к гортани языка, создаваемый с помощью телесной метафоры, передает представление о человеке в состоянии крайней нужды, физического недомогания или нравственных страданий. Оценочность словосочетания *tunȝe ætfealh ȝomum* с идиоматическим значением отрицательная. Анализируя контексты с соматизмом *tunȝe*, можно сделать наблюдение, что в основном язык ассоциируется с инструментальной функцией, осмысливается как орудие совершения зла или оружие, направленное против Бога и праведников, следовательно, в идиоматических словосочетаниях реализована антропоморфная метафора, в которой символьная функция языка как органа речи связана с аналогией между говорением и нападением, агрессией, насилием. В приводимом ниже контексте имеется прямое сравнение языка с оружием:

(10) лат.: **exacuerunt ut gladia linguas** suas **ascerpton swa swa sweord tunȝan** hira (ПЮ 63:3)
рус.: **заострили, как меч, языки** свои.

Отрицательную оценочность можно зафиксировать и в следующих контекстах со словосочетаниями, демонстрирующими идиоматичность значения:

under tunȝan his ȝewin & sar (под языком его беда и горе (9:28));
tostriȝdeð dryhten alle weolure fæcne & tunȝan yfel spreocende (Истребит Господь все уста коварные, язык высокомерный (11:3));
nis facæn in tunȝan his (не льстил языком своим (14:3));
ȝescildes hie in ȝetelde ðinum from wiðcwedenisse ȝeðieda (покроешь их в шатре от пререкания языков (30:23));
bewere tunȝan ðine from yfle (удержи язык свой от зла (33:13));
ðet ic ne aȝylte in tunȝan minre (чтобы не грешить мне языком моим (38:2));
tunȝe ðin hleoðrade facen (язык твой сплетал коварство (49:20));
unrehtwisnisse ðohte tunȝe ðin (неправду замыслил язык твой (51:2));
ðu lufades all word fortruȝadnisse in tunȝan fæcenre (возлюбил ты все речи погибельные, язык коварный (51:4));
tunȝan ure we micliað (язык наш возвеличим (11:4));
forbreȝd dryhten & todæl tunȝan heara (потопи, Господи, и раздели их языки (54:8));
tunȝe heara mece scearp (язык их – острый меч (56:5));
scylde muðes heara word weolera heara (грех уст их – слово языка их (58:12));
fore nowihte hefdun wið him tunȝan heara (изнемогли у них языки их (63:6));
tunȝe heara leorde ofer eorðan (язык их прошел по земле (72:7));
in tunȝan heara leȝende werun him (языком своим лгали Ему (77:35));
spreocende sind wið me tunȝan fæcenre (наговорили на меня языком коварным (108:2)).

Немногочисленны словосочетания в контекстах с положительной оценочностью, например:

(11) лат.: **repletum** est gaudio os nostrum et **lingua** nostra **exultatione**
ȝefylled is mid ȝefian muð ur & **tunȝe** ur **wynsumnisse** (ВП 125:2)
рус.: **исполнились** радости уста наши, и **язык** наш – **веселия**.

Посредством метафоры контейнерного типа язык предстает в данном контексте вместилищем человеческой положительной эмоции, а словосочетание **ȝefyllan tunȝe wynsumnisse* (наполнить язык радостью) приобретает идиоматическое значение «радоваться, ликовать». Оценку здесь выражает субстантивный компонент *wynsumnisse*, – существительное, называющее положительные эмоции. К фразеологизмам с положительной оценочностью следует также отнести следующие:

ȝefiht tunȝe (возрадовался язык (15:9) – бурно радоваться, ликовать);

mid tunȝan bið smeȝende rehtwisnisse (язык будет проповедовать правду (34:26) – говорить праведно);

tunȝe spriced dom (язык возвестит суд (36:30) – говорить мудро, не безрассудно);

upahof under tunȝan (возвысил языком (65:15) – восхвалить).

Данные примеры показывают, что язык, воспринимаемый как одушевленный субъект, предполагает преимущественно положительную оценку, а как неодушевленный – отрицательную. В целом относительно фразеологически связанных словосочетаний с соматическим компонентом *tunȝe* следует заключить, что преимущественно отрицательная оценочность данных единиц вызвана стереотипным восприятием языка как орудия зла и греха.

Смешанный тип соотнесенности.
Компонент ***HEAFOD*** *(голова, глава)*

Для словосочетаний с лексемой *heafod* характерен смешанный тип оценочности. Словосочетания с данным компонентом обнаруживаются в контекстах с положительной оценкой, например:

(12) лат.: nunc autem **exaltavit caput** meum super inimicos meos
nun soðlice **upahof heafud** min ofer fiond mine (ВП 26:7)
рус.: вот, Он **возвысил главу** мою против врагов моих.

В данном случае фразеологически связанное словосочетание **upahebban heafud* (возвышать главу) демонстрирует идиоматическое значение и служит для передачи стереотипных представлений о человеке, исполненном надежды и уверенности в своих силах. Создаваемый фразеологический образ несет в себе положительную оценку: человек, чья голова возвышается над его неприятелями, воспринимается как сильнейший. Фразеологический образ в данном случае основан на концептуальной метафоре ВЕРХ – ЭТО ПРЕИМУЩЕСТВО. Компонент *upahof* (возвысил), в свою очередь, соотносится с деятельностным кодом культуры и служит средством реализации пространственной метафоры. Фразеологическое значение словосочетания в целом – «ободрить; сделать сильней; дать преимущество». Ниже приводится еще один пример положительной оценочности, выраженной идиоматическим словосочетанием с компонентом *heofod*:

(13) лат.: **constitues** me **in caput** gentium
þu **ȝesetst** me **on heafod** þeoda (ЛП 17:44)
рус.: **поставишь** меня **во главе** племен.

Словосочетание **ȝesettan on heafod* (поставить во главу) также имеет в основе соматический образ, обусловленный наличием соотносимого с телесным кодом культуры компонента *heofod*. Сочетание данного субстантивного компонента с глагольным компонентом *ȝesettan* (помещать), соотносимым с деятельностным кодом культуры, обеспечивает создание образа, основанного на сочетании соматической и пространственной метафор. Реализуемое фразеологическое значение всего словосочетания «делать главным над кем- / чем-л.».

Фразеологически связанные словосочетания с соматическим компонентом *heafod* демонстрируют положительную оценочность в следующих преимущественно глагольно-субстантивных словосочетаниях (они приводятся нами в реконструированной инфинитивной форме с пояснением фразеологического значения):

*fætan in ele heafud (умастить елеем голову (22:7) – подготовиться к празднику или торжеству);

strenȝu heafdes (мощь, также защита головы (59:6) – опора, сила);

*onsettan men ofer heafud (посадить людей на голову (65:10) – подчинить врагам, покорить);

*ofersceadan heafud (осенить голову (139:7) – о помощи свыше);

*smirwan heafud (умастить голову (22:7) – помочь, обрадовать[5]).

Вместе с тем можно отметить и достаточно многочисленные контексты с отрицательной оценочностью, которую выражает соматический фразеологизм, например:

*ȝebrecan heafud (поразить голову (73:14) – уничтожить, наказать грешников);

*ahebban up heofud (поднять голову (82:2) – пойти против, восстать – о бедах и врагах);

*hrisian heafud (качать головой (108:25) – как выражение осуждения);

*ȝemoniȝfaldade beon ofer loccas heafdes (умножиться больше, чем волос на голове (39:14) – о большом количестве);

*ȝescænan heafudu (сокрушить головы (67:21) – уничтожить, повергнуть грешников);

*oferȝesettan heafud (превышать голову (37:4) – быть не по силам).

Следующий контекст демонстрирует отрицательную оценочность словосочетания **wecȝan heafdu* (кивать / качать головой):

(14) лат.: aspernabantur me locuti sunt labiis et **moverunt caput**

me forsyhð and onscunað; hi sprecað mid heora welerum and **wecȝað** heora **heafdu** (ПП 21:6)

рус.: поглумились надо мною, говорили устами, **кивали**[6] **головою**.

В создаваемом посредством словосочетания образе комбинируются универсальная символика жестов и пространственный код культуры. В данном контексте словосочетание **wecȝan heafdu* соотносится с соматическим кодом культуры, в котором позы и жесты насыщаются функционально значимым для культуры смыслом. В образе находит отражение телесная метафора, то есть жест отождествляется с внутренним состоянием человека. Движение головы в этом случае – знак осуждения или насмешки.

Выводы

В ходе проведенного исследования достигнуты следующие результаты:

1) определен состав соматической лексики в тексте древнеанглийских версий псалмов – 38 субстантивных и субстантивированных лексем с телесно-антропным значением;

2) из этого числа выделены частотные единицы как обладающие высокой фразообразовательной продуктивностью – 10 существительных, частотность которых по тексту псалмов превышает медианное значение частотности для всех соматизмов в целом;

3) установлены виды соотнесенности связанных соматических словосочетаний с тремя типами оценочности, предполагающими, соответственно, положительную, отрицательную и смешанную оценку;

4) описаны наборы фразеологизмов (контекстов), характеризуемых оценочностью каждого типа;

5) выявлено, что для фразеологии с частотным компонентом *swipre* (десница) типична преимущественно положительная оценочность; фразеологические словосочетания с компонентом *heafod* (голова) в основном демонстрируют смешанный тип оценочности, а для фразеологизмов с компонентом *tunȝe* (язык) типична отрицательная оценочность;

6) на основании результатов проведенного анализа установлена зависимость преимущественной направленности аксиологического вектора от конкретного соматического компонента в составе фразеологически связанного словосочетания.

Настоящее исследование показало перспективность дальнейшего изучения ветхозаветной соматической фразеологии в английском языке в историческом и лингвокультурологическом аспектах, а также в диахронии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее значения древнеанглийских лексических единиц семантизируются по словарю древнеанглийского языка Bosworth – Toller Anglo-Saxon Dictionary (BT).

[2] Русский перевод приводится по тексту Псалтири Полного православного молитвослова (Псалтирь).

[3] В работе принимается трактовка контекста, предложенная Е.Б. Яковенко: контекст трактуется как контекст отдельного библейского стиха (обычно выделяемое и в некоторой степени формальное целое) и как минимальное окружение единицы, в котором реализуются ее лексические и грамматические свойства [Яковенко, 2014, с. 125].

[4] Здесь и далее приводимые списком контексты и реконструированные инфинитивные формы глагольных словосочетаний даются в наиболее ранней, мерсийской, версии Веспасиановой Псалтири.

[5] Внешним знаком радостного настроения на Востоке являлось умащение елеем головы [Лопухин, 2023].

[6] Употребленный в данном контексте глагол кивать в соответствии с принятым в русской лингвокультуре жестовым кодом используется, как правило, для обозначения согласия или приветствия. Древнеанглийский глагол *wecȝan* означает «двигать, трясти», на что указывают новоанглийские дефиниции: *to wag*, *move*, *shake* (BT).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гак В. Г., 1997. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. № 5. С. 55–65.

Дубровина К. Н., 2022. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М. : ФЛИНТА. 288 с.

Дьякова Н. А., 1977. Устойчивые словесные комплексы древнеанглийской оригинальной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л. 23 с.

Зыкова И. В. 2011. Фразеологические образы и их национальная обусловленность // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 80–88.

Карпова И. П., 1979. Становление и развитие английских фразеологических единиц с XIV по XX в. : дис. ... канд. филол. наук. М. 237 с.

Ковшова М. Л., 2013. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. № 3 (33). С. 79–84.

Ковшова М. Л., 2016. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры. М. : ЛЕНАНД. 456 с.

Лопухин А. П., 2023. Толковая Библия. Толкование на Псалтирь. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_22/22

Мухин С. В., 2023. Соматическая лексика Веспасиановой Псалтири // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 6. С. 120–131. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.9

Начисчионе А. С., 1976. Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц: (на материале произведений Дж. Чосера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 21 с.

Телия В. Н., 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры. 284 с.

Умаев Р. М., Дударова Л. М., Дзангиева М. М., 2021. Соматизм как вид фразеологической единицы // Рефлексия. № 1. С. 28–30.

Федуленкова Т. Н., 2020. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 6, № 2. С. 83–96. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-7

Яковенко Е. Б., 2014. Возможности анализа библейских текстов методом лексико-контекстуального апплицирования и реапплицирования // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 18 (704). С. 123–132.

Benamara F., Taboada M., Mathieu Y., 2017. Evaluative Language Beyond Bags of Words: Linguistic Insights and Computational Applications // Computational Linguistics. Vol. 43, iss. 1. P. 201–264. DOI: 10.1162/COLI_a_00278

Bergs A., 2012. English Historical Linguistics. An International Handbook. Vol. 1. Berlin : Walter de Guyter. 1164 p.

Old English Glossed Psalters. Psalms 1–50, 2001 / ed. by Ph. Pulsiano. Toronto : University of Toronto. Centre for Medieval Studies. 739 p.

Porck Th., 2022. You are Truly the Same: The Varied Nature of Old English Glossed Psalters. URL: https://thijsporck.com/2022/10/01/you-are-truly-the-same-the-varied-nature-of-old-english-glossed-psalters/

Pounds G., 2015. Evaluative Language. URL: https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/52560/1/Evaluative_Language.pdf

Pulsiano Ph., 1995. Psalters // The Liturgical Books of Anglo-Saxon England / ed. by R. W. Pfaff. Kalamazoo. P. 61–86.

Toswell M. J., 2014. The Anglo-Saxon Psalter. Turnhout : Brepols. xvi, 457 p. (Medieval Church Studies, 10).

Toswell M. J., 1995–1996. The Late Anglo-Saxon Psalter: Ancestor of the Book of Hours // Florilegium. Vol. 14. P. 1–24.

Warren-Rothlin A. L., 2005. Body Idioms and the Psalms. P. 195–212. URL: https://www.academia.edu/2244960/Body_Idioms_and_the_Psalms

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Псалтирь – Псалтирь. Полный православный молитвослов. 2023. URL: https://www.molitvoslov.com/text262.htm

BT – Bosworth Toller Anglo-Saxon Dictionary Online. URL: https://bosworthtoller.com/

ПЭ – Eadwine's Canterbury Psalter / ed. by F. Harsley. L. : N. Trübner & Co, 1889. 269 p. URL: https://archive.org/details/eadwinescanterb02cath

ПВ – The Vitellius Psalter / ed. by J. L. Rosier. Ithaca ; N. Y.: Cornell University Press, 1962. 452 p. URL: https://archive.org/details/vitelliuspsalter0000unse

АП – Der Altenglische Arundel-Psalter. Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910. 254 S. URL: https://archive.org/details/deraltenglisch00cath

КП – Der Cambridger Psalter. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964. 416 S. URL: https://archive.org/details/der-cambridger-psalter-by-karl-wildhagen

ПЮ – Der Altenglische Junius-Psalter. Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908. 194 S. URL: https://archive.org/details/deraltenglischej0000bodl

ЛП – Der Lambeth-Psalter. Helsingfors : Druckerei der Finnisches Litteraturgesellschaft, 1909. 322 S. URL: https://archive.org/details/derlambethpsalte01lind/page/n3/mode/2up

ПП – The Old English Version of the Heptateuch, Aelfric's Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis / ed. by S. J. Crawford, B. Blitt. L. : Oxford University Press, 1922. 186 p. URL: https://archive.org/details/publicationso16000earluoft

ВП – The Oldest English Texts / ed. by H. Sweet. L. : N. Trübner & Co, 1885. 668 p. URL: https://archive.org/details/oldestenglishte00churgoog

REFERENCES

Gak V.G., 1997. Osobennosti bibleiskikh frazeologizmov v russkom yazyke (v sopostavlenii s frantsuzskimi bibleizmami) [Properties of Biblical Idioms in Russian (As Compared with French)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 55-65.

Dubrovina K.N., 2022. *Bibleiskie frazeologizmy v russkoy i yevropeiskoy kulture* [Biblical Idioms in the Russian and European Culture]. Ìoscow, FLINTA Publ. 288 p.

Dyakova N.A., 1977. *Ustoychivye slovesnye kompleksy drevneangliyskoy originalnoy prozy: avtoref. dis. ... cand. filol. nauk* [Fixed Verbal Complexes of Old English Original Prose. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Leningrad. 23 p.

Zykova I.V., 2011. Frazeologicheskie obrazy i ikh natsionalnaya obuslovlennost [Phraseological Images Nationally Connotated]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], no. 2, pp. 80-88.

Karpova I.P., 1979. *Stanovlenie i razvitie angliyskih frazeologicheskih yedinic s XIV po XX vek: dis. ... cand. filol. nauk* [Emergence and Development of English Phraseological Units from the 14th to the 20th Century. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 237 p.

Kovshova M.L., 2013. Otsenochnost idiom i naivnaya etika paremiy: lingvokulturologicheskiy aspect issledovaniya [Evaluativity of Idioms and Naive Ethics of Paroemias: Linguocultural Aspect of Research]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 3 (33), pp. 79-84.

Kovshova M.L., 2016. *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kultury* [Linguocultural Method in Phraseology: Culture Codes]. Moscow, LENAND Publ. 456 p.

Lopukhin A.P., 2023. *Tolkovaya Bibliya. Tolkovanie na Psaltir* [Bible Interpretation. Interpretation of the Psalter]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_22/22

Muhin S.V., 2023. Somaticheskaya leksika Vespasianovoy Psaltiri [Somatic Lexis of the Vespasian Psalter]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 6, pp. 120-131. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.9

Nachischione A.S., 1976. *Okkazionalnoe stilisticheskoe ispolzovanie frazeologicheskih yedinits (na materiale proizvedeniy G. Chosera): avtoref. dis. ... cand. filol. nauk* [Occasional Stylistic Use of Phraseological Units (Examplified by G. Chaucer's Works). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 21 p.

Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. Moscow, Yaz. rus. kultury. 284 p.

Umaev R.M., Dudarova L.M., Dzangieva M.M., 2021. *Somatizm kak vid frazeologicheskoy edinitsy* [Somatism as a Type of Phraseological Unit]. Refleksiya [Reflection], no. 1, pp. 28-30.

Fedulenkova T.N., 2020. Razvitie variantnosti frazeologii bibleyskoy etimologii [Development of Variability in Phraseology of Biblical Etymology]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 6, no. 2, pp. 83-96. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-7

Yakovenko E.B., 2014. Vozmozhnosti analiza bibleyskikh tekstov metodom leksiko-kontekstualnogo applitsirovaniya i reapplitsirovaniya [Use of Method of Contextual Application and Reapplication in the Analysis of Bible Translations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 18 (704), pp. 123-132.

Benamara F., Taboada M., Mathieu Y., 2017. Evaluative Language Beyond Bags of Words: Linguistic Insights and Computational Applications. *Computational Linguistics*, vol. 43, no. 1, pp. 201-264. DOI: 10.1162/COLI_a_00278

Bergs A., 2012. *English Historical Linguistics. An International Handbook*. Vol. 1. Berlin, Walter de Guyter. 1164 p.

Pulsiano Ph., ed., 2001. *Old English Glossed Psalters. Psalms 1–50*. Toronto, University of Toronto, Centre for Medieval Studies. 739 p.

Porck Th., 2022. *You Are Truly the Same: The Varied Nature of Old English Glossed Psalters*. URL: https://thijsporck.com/2022/10/01/you-are-truly-the-same-the-varied-nature-of-old-english-glossed-psalters/

Pounds G., 2015. *Evaluative Language*. URL: https://ueaeprints.uea.ac.uk/id/eprint/52560/1/Evaluative_Language.pdf

Pulsiano Ph. 1995. Psalters. Pfaff R.W., ed. *The Liturgical Books of Anglo-Saxon England*. Kalamazoo, pp. 61-86.

Toswell M.J., 2014. *The Anglo-Saxon Psalter*. Turnhout, Brepols. xvi, 457 p. (Medieval Church Studies, 10).

Toswell M.J., 1995–1996. The Late Anglo-Saxon Psalter: Ancestor of the Book of Hours. *Florilegium*, vol. 14, pp. 1-24.

Warren-Rothlin A.L., 2005. *Body Idioms and the Psalms*, pp. 195-212. URL: https://www.academia.edu/2244960/Body_Idioms_and_the_Psalms

SOURCES AND DICTIONARIES

Psaltir. Polnyy pravoslavnyy molitvoslov [Psalter. Complete Orthodox Prayer Book], 2023. URL: https://www.molitvoslov.com/text262.htm

Bosworth Toller Anglo-Saxon Dictionary Online, 2023. URL: https://bosworthtoller.com/

Harsley F., ed. *Eadwine's Canterbury Psalter*. London, N. Trübner& Co, 1889. 269 p. URL: https://archive.org/details/eadwinescanterb02cath

Rosier J.L., ed. *The Vitellius Psalter. Ithaca; New York*, Cornell University Press, 1962. 452 p. URL: https://archive.org/details/vitelliuspsalter0000unse

Der Altenglische Arundel-Psalter. Heidelberg, Carl Winter‘s Universitätsbuchhandlung, 1910. 254 S. URL: https://archive.org/details/deraltenglisch00cath

Der Cambridger Psalter. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1964. 416 S. URL: https://archive.org/details/der-cambridger-psalter-by-karl-wildhagen

Der Altenglische Junius-Psalter. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908. 194 S. URL: https://archive.org/details/deraltenglischej0000bodl

Der Lambeth-Psalter. Helsingfors: Druckerei der Finnisches Litteraturgesellschaft, 1909. 322 S. URL: https://archive.org/details/derlambethpsalte01lind/page/n3/mode/2up

Crawford S.J., Blitt B., eds. *The Old English Version of the Heptateuch, Aelfric's Treatise on the Old and New Testament and his Preface to Genesis*. London, Oxford University Press, 1922. 186 p. URL: https://archive.org/details/publicationso16000earluoft

Sweet H., ed. *The Oldest English Texts*. London, N. Trübner & Co, 1885. 668 p. URL: https://archive.org/details/oldestenglishte00churgoog

Information About the Author

Sergey V. Mukhin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language No. 1, MGIMO University, Moscow, Russia, s.muhin@inno.mgimo.ru, https://orcid.org/0000-0001-7891-8725

Информация об авторе

Сергей Владимирович Мухин, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия, s.muhin@inno.mgimo.ru, https://orcid.org/0000-0001-7891-8725

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.9

UDC 81'42:162.15
LBC 81.055.1

Submitted: 11.02.2024
Accepted: 23.12.2024

POLYCODE TEXT AS A SPACE OF CONFLICTOGENITY MANIFESTATION [1]

Oleg A. Alimuradov
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Maxim N. Latu
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Aleksey V. Razduyev
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the identification of the linguasemiotic features of a polycode text as a space for manifestation of conflictogenicity. The novelty of the research consists in a detailed examination of the graphic and verbal components of a polycode conflict-generating text, establishing their correlations and identifying the most frequent mechanisms of creating conflictogenicity. It is argued that the emergence of a conflict potential in any text is conditioned by the fact that it builds a clear opposition "friend – foe". Using memes and demotivators as a source the presence of certain verbal indices of conflictogenity is revealed, in particular, various lexical markers, such as lexical units of neutral and substandard register (slang, colloquial, obscene lexis), evaluative idiomatic expressions (including those with an occasionally reinterpreted external form), new lexical units (neologisms, occasionalisms, interlanguage borrowings), etc. The authors conclude that the visual components of polycode texts often more effectively convey a conflict-generating message than the verbal ones, being in this sense a powerful semantically loaded figure against the background of the verbal component. The analysis has resulted in revealing complement and contradiction to be especially relevant from a linguosemiotic point of view types of visual and verbal elements correlations in a polycode text, considered all the traditionally distinguished types of conflict-generating variety.

Key words: polycode text, conflict-generating text, conflictogenity, opposition "friend – foe", addressee, addresser, verbal index of conflictogenity.

Citation. Alimuradov O.A., Latu M.N., Razduyev A.V. Polycode Text as a Space of Conflictogenity Manifestation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 110-119. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.9

© Алимурадов О.А., Лату М.Н., Раздуев А.В., 2025

УДК 81'42:162.15
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 11.02.2024
Дата принятия статьи: 23.12.2024

ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ КАК ПРОСТРАНСТВО МАНИФЕСТАЦИИ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ [1]

Олег Алимурадович Алимурадов
Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Максим Николаевич Лату
Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Алексей Валерьевич Раздуев
Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению лингвосемиотических особенностей поликодового текста как пространства манифестации конфликтогенности посредством установления типов корреляции графической и вербальной составляющих и определения наиболее частотных маркеров конфликтогенности механизмов ее создания. Утверждается, что возникновение конфликтогенного потенциала у любого текста обусловлено тем, что в нем выстраивается четкая оппозиция «Свой – Чужой». На материале мемов и демотиваторов описаны вербальные индексы конфликтогенности, представляющие собой различные маркеры лексического характера: лексические единицы нейтрального и сниженного регистров (жаргонная, просторечная, обсценная лексика), оценочные идиоматические выражения (в том числе с окказионально переосмысленной внешней формой), новые лексические единицы (неологизмы, окказионализмы, межъязыковые заимствования). Сделан вывод о том, что визуальные компоненты поликодовых текстов более эффективно транслируют конфликтогенный посыл, чем вербальные компоненты, будучи мощной семантически нагруженной фигурой на фоне вербального компонента. Результаты анализа показали, что из всех традиционно выделяемых видов корреляций визуальных и вербальных элементов поликодового текста для его конфликтогенной разновидности особенно релевантны с лингвосемиотической точки зрения дополнение и противоречие. *Вклад авторов.* О.А. Алимурадов – общетеоретическое осмысление и лингвистическая характеристика поликодовых текстов, выделение их видов и разновидностей, в том числе конфликтогенных; М.Н. Лату – выработка общей идеи корреляции визуального (графического) и вербального компонентов конфликтогенного поликодового текста; А.В. Раздуев – анализ конкретных вербальных элементов конфликтогенности и их типов в рамках конфликтогенных поликодовых текстов.

Ключевые слова: поликодовый текст, конфликтогенный текст, конфликтогенность, оппозиция «Свой – Чужой», адресат, адресант, вербальный индекс конфликтогенности.

Цитирование. Алимурадов О. А., Лату М. Н., Раздуев А. В. Поликодовый текст как пространство манифестации конфликтогенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 110–119. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.9

Введение

Цифровые технологии, без которых сейчас уже сложно представить жизнь современного человека, обладают огромной трансформирующей силой. Так, В.А. Лекторский пишет о трансформации индивидуальной и коллективной памяти под влиянием цифровизации [Лекторский, 2020]. Е.О. Труфанова определяет цифровую среду как «третью природу», «в которой обитает человек (по аналогии со “второй природой” – миром культурных артефактов)» [Труфанова, 2021, с. 371]. Цифровой и физический миры, в которых одновременно существует человек, все прочнее сливаются друг с другом, вследствие чего «проникновение цифровых технологий в социальные отношения делает практически невозможным отказ от “онлайн”-составляющей человеческой жизни» [Труфанова, 2021, с. 371]. Сказанное в полной мере можно отнести к такому важному аспекту социальных отношений, как конфликт: исходно факт мира физического, конфликт под влиянием целого ряда факторов достаточно быстро внедрился и в цифровую среду, не потеряв при этом связи с исходной средой проявления. Кроме того, зарождающийся в цифровом мире конфликт впоследствии приобретает вполне физические воплощения, обнаруживаясь в нетерпимости и ненависти по расовому, половому, этническому и другим признакам. Иными словами, конфликт приобретает гибридную форму, проявляясь одновременно в цифровой среде и в физическом мире. Одним из основных источников конфликтов (конфликтогеном) выступает поликодовый текст, получивший в цифровой коммуникативной среде весьма широкое распространение (см. о нем: [Лату, 2023]).

В рамках данной статьи рассмотрим некоторые лингвосемиотические особенности поликодового текста, делающие его весьма эффективным пространством для манифестации конфликтогенности. Это позволит установить взаимокорреляции графической и вербальной составляющих поликодового конфликтогенного текста и выявить наиболее частотные маркеры конфликтогенности и механизмы ее создания.

Материал и методы

Эмпирическим материалом для исследования послужил корпус конфликтогенных по-

ликодовых текстов (далее – КПТ), в частности мемов и демотиваторов, общим объемом 1 250 единиц, отобранных в результате сплошной выборки из различных электронных источников: сайтов с мемами и демотиваторами, открытых и закрытых пабликов и интернет-сообществ. В ходе работы нашли применение методы контент-анализа, семиотического анализа графических элементов поликодового текста, сравнительный и сопоставительный методы, а также методики количественной обработки данных.

Конфликтогенность можно определить как совокупность факторов, приводящих к возникновению конфликта, антагонизма, оппозиции, препятствующих конструктивному взаимодействию социальных и профессиональных групп, этносов, религиозных течений и/или конфессий (сходную трактовку см. в: [Крамкова, 2011]). С. Боначчи и М. Мела предлагают разграничивать конфликты высокой и низкой интенсивности (*high-stakes* / *low-stakes conflicts*), подчеркивая, что причиной первых выступают, как правило, коренные, непреодолимые противоречия, в то время как последние более распространены в повседневной жизни и часто вызваны неправильной диалогической установкой [Bonacchi, Mela, 2015, p. 268]. В конфликтогенных поликодовых текстах, по-видимому, проявляются конфликты как первого, так и второго типа: конфликт первого типа может потенциально произойти между адресатом КПТ, принявшим его посыл, и представителем социальной, этнической или какой-либо иной группы, которая относится к полюсу «Чужой»; конфликт второго типа происходит внутри адресата (реципиента) КПТ по мере того, как он принимает или не принимает посыл, заложенный в текстах такого рода (см. также: [Ульман, 2016]).

Результаты и обсуждение

Если конфликтогенные поликодовые тексты направлены на деформацию общественных ценностей и последующее изменение общественного мнения, на выстраивание непримиримых противоречий между общественными и этническими группами, обществом и государством, то они имеют деструктивный характер [2].

Возникновение у любого текста конфликтогенного потенциала обусловлено тем, что в нем выстраивается четкая оппозиция «Свой – Чужой». Исследователи отмечают, что основной целью поликодовых конфликтогенных текстов «является изменение отношения, мнения адресата к тому или иному образу, действию, ситуации и т. д., ассоциируемых с полюсом “Свой” (с негативного / нейтрального на положительное) и ассоциируемых с полюсом “Чужой” (с нейтрального / положительного на отрицательное)» [Злоказов и др., 2022, с. 69].

В рамках КПТ оппозиция «Свой – Чужой» имеет, как правило, генерализованный характер: если невербальный компонент КПТ содержит изображение человека, то в большинстве случаев оно деперсонализировано, то есть реципиенту (а в цифровой коммуникативной среде реципиент всегда массовый) предъявляется типичный представитель какого-то из двух полюсов. Если же изобразительный компонент КПТ включает широко известную персоналию, то прагматическая цель такого визуального решения обычно одна – любым способом (далеко не всегда корректным) показать, что известная личность также примыкает к полюсу «Своих».

Примером может служить приведенный на рисунке 1 КПТ с фейковой цитатой, которую автор текста приписывает субъекту, соотносимому с полюсом «Свой», и подкрепляет это его изображением. Воспроизводя этот КПТ, мы закрыли номинацию субъекта, его национальность и профессию, а также символику группы, отсылающей к деструктивной системе ценностей.

Визуальные компоненты поликодовых текстов зачастую более эффективно транслируют конфликтогенный посыл, чем компоненты вербальные, являясь в этом смысле мощной семантически нагруженной фигурой на фоне вербального компонента. Недавние экспериментальные данные (см.: [Горбачева и др., 2021, с. 80]) свидетельствуют о том, что в значениях некоторых глазодвигательных параметров у реципиентов имеются статистически значимые различия при восприятии вербальных и изобразительных компонентов поликодового текста, и все эти различия в пользу изобразительной части вне зависимости от количества вербальных компонентов:

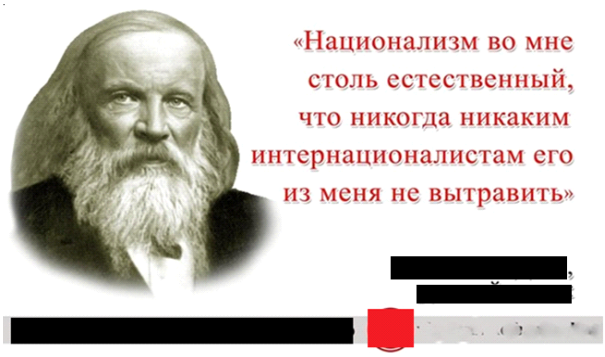


Рис. 1. Конфликтогенный поликодовый текст с цитированием

Fig. 1. Conflict-generating polycode text with citation

на изобразительной зоне делается больше фиксаций, чем на вербальной, причем эти фиксации более длительны. Примат изобразительного компонента при восприятии поликодовых текстов акцентировался в лингвистике и лингвосемиотике неоднократно: например, для рекламных поликодовых текстов, по манипулятивному потенциалу сопоставимых с текстами конфликтогенными, модель восприятия строится на положении о том, что локусом внимания реципиентов таких текстов выступает именно изобразительный компонент [Cheong Yin Yuen, 2004, p. 165].

Значительный интерес для изучения представляет транспозиция ценностно-смыслового содержания изобразительного компонента поликодового текста под влиянием трансформирующих элементов, в роли которых могут выступать как отдельные детали самого изобразительного компонента, так и вербальные составляющие КПТ. Основной визуальный образ в таких случаях характеризуется двойной денотативной соотнесенностью – узуальной и окказиональной (в рамках конкретного КПТ). Как правило, в таких случаях между узуальной и окказиональной соотнесенностью устанавливаются отношения противоречия: в КПТ используются широко известные положительно или отрицательно окрашенные прецедентные визуальные образы, обладающие универсальной ценностью или антиценностью (с детства знакомые персонажи мультипликационных фильмов, цветы, изображения маленьких детей, животных, изображения лидеров различных экстремистских движений и т. д.), которым в рамках конкретного КПТ присваивается ценность только для представителей полюса «Свой». В свете сказанного вполне логично будет заключить, что текстовая и дискурсивная категории прецедентности, двойные интертекстуальные проекции являются основой для порождения и восприятия значительной части КПТ (см. об этом: [Князев, 2022]).

В качестве примера можно привести поликодовый текст, где транспозиция ценностно-смыслового содержания изобразительного компонента КПТ включает четыре части (см. рис. 2); центральным элементом иконической части выступает снеговик, в итоге трансформирующийся в куклуксклановца. Эту трансформацию акцентирует и цвет кожи детей, изображенных на последнем иконическом компоненте, в свете чего совершенно иным глубинным смыслом, основанным на культурно-исторических проекциях, наполняется и финальный вербальный компонент. В данном случае закрыты образы субъектов – представителей иной расы, которых автор соотносит с полюсом «Чужой».

Специфика КПТ, безусловно, проявляется также и в наличии определенных вербальных индексов конфликтогенности, в частности различных маркеров лексического характера.

К ним следует отнести лексические единицы нейтрального и сниженного регистра (жаргонная, просторечная, обсценная лексика), используемые в рамках коммуникативных стратегий инвективы и дискредитации, оценочные идиоматические выражения (в том числе паремические единицы с окказионально переосмысленной внешней формой), новые лексические единицы (неологизмы, окказионализмы, межъязыковые заимствования) и т. д. Рассмотрим данные средства несколько подробнее.

Рис. 2. Конфликтогенный поликодовый текст «Снеговик и дети»

Fig. 2. Conflict-generating polycode text “The snowman and the children”

Нейтральные литературные лексические единицы в КПТ часто соседствуют со сниженной лексикой и специальными лексическими единицами, обозначающими понятия, связанные с межнациональными и межэтническими отношениями, экстремизмом и прочими негативными явлениями (*нация*, *национализм*, *ксенофобия*, *мигранты*, *оккупация*, *фашизм*, *экстремизм* и др.).

Манифестации конфликтогенности на лексико-семантическом уровне в рамках поликодового текста преимущественно способствуют лексические единицы, обладающие оценочностью и, в силу этого, высоким конфликтогенным потенциалом, используемые создателем КПТ с целью приобщения к продвигаемым идеям сторонников полюса «Свой», самоутверждения, а также для оказания давления на представителя / представителей полюса «Чужой» и выражения негативного отношения к ним.

Обращают на себя внимание и частотно используемые в КПТ жаргонные единицы, арготизмы и их более грубые, нецензурные варианты, функционирующие либо в качестве самостоятельной инвективы, либо входящие во фразеологические обороты, устоявшиеся фразы. Именно последний случай иллюстрируется примером, на котором представлен поликодовый текст, пропагандирующий запрещенное в РФ экстремистское движение «АУЕ»*. На картинке изображен мужчина в костюме, цилиндре и бабочке, указывающий пальцем на получателя конфликтогенного текста. Содержащая во второй своей части обсценную лексическую единицу фраза (*«На словах ты Лев Толстой, а на деле* [табуированная лексема со значением «мужской половой орган»] *простой»*) является устойчивой и восходит к лагерному фольклору. Не лишены конфликтогенные поликодовые тексты и использования просторечных / грубо-просторечных лексем, внешняя форма которых может обыгрываться с разной степенью креативности.

Весьма часто в КПТ встречаются бранные номинации общего характера, именующие представителей полюса «Чужой», порицаемых за какие-либо неприемлемые действия или

*Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» («АУЕ») включено в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

наличие определенных характеристик (*пьяница*, *бандит*, *подонок*, *подлец*, *паразит*, *идиот*, *отребье*, *шавка* и др.). В эту группу попадают средства прямой и косвенной (метафорической) номинации, отмечаемые как в индивидуализирующем, так и в классифицирующем употреблении (то есть в отношении как отдельных индивидов, так и целых групп).

В качестве средства негативной характеризации представителей полюса «Чужой» в русскоязычных КПТ частотны полисемичные лексические единицы, репрезентирующие зооморфную метафору (*курица*, *старый козел*, *баран*, *овца*, *свинья*, *обезьяна*, *собака*, *петух*, *шкура* (*продажная*), *вымя*, *брюхо* и т. д.). В данном случае, при всей негативности характеризации, зооморфные метафоры в большинстве случаев используются не для обобщающей, а для индивидуализирующей характеризации, как в одном из отобранных примеров, где метафоризированная номинация употребляется якобы от лица дона Вито Корлеоне, который изрекает фразу: *«Ты не **тупая**, ты **курица**»*.

Лексические средства собирательной и дискретной семантики могут характеризовать человека по национальному признаку (национальные прозвища, в частности этнонимы), расе, полу и гендеру (сексизм), возрасту (эйджизм), культурной традиции (ксенофобия), вероисповеданию (религиозная нетерпимость), принадлежности к какой-либо другой социальной группе.

Для привлечения внимания аудитории автор КПТ может прибегать к словотворчеству (в результате могут возникать окказионализмы, собственно неологизмы, входящие в узус сообщества полюса «Свой», аббревиатуры и заимствования, чаще всего из английского языка). Так, в одном из КПТ «обличаются» мужчины, не принимающие идеологии женоненавистничества. «Обличительной» номинацией выступает исходно окказиональный композит *бабораб*, впоследствии вышедший в узус.

Факт семиотической гетерогенности компонентов конфликтогенного поликодового текста подводит нас к еще одной – более общей – проблеме исчисления видов корреляций между этими компонентами. Восприятие поликодового текста – сложнейший процесс, который можно подразделить на несколько фаз и субфаз (см., например: [Baldry, 2004]). При этом важно понимать, что переходы между фазами рецепции любых поликодовых текстов, в том числе КПТ, в значительной степени определяются именно тем, как связаны между собой вербальная и невербальная составляющие этих текстов.

Когнитивная сложность КПТ, с точки зрения жанра представляющих собой в первую очередь демотиваторы, проистекает из того, что «адресата вынуждают анализировать показанную ситуацию, чтобы самостоятельно оценить справедливость точки зрения автора, вместо воспроизведения знакомой реакции» [Горбачева и др., 2021, с. 79], как это имеет место в случае с когнитивной обработкой мемов. Именно в результате такого анализа адресат КПТ может ассоциировать себя с аудиторией полюса «Свой». В конфликтогенных демотиваторах соблюдается общий важнейший принцип создания поликодовых текстов: в них никогда не конкретизируется то, каким образом взаимосвязаны изобразительные и вербальные элементы [Kress, van Leeuwen, 2001].

Результаты анализа показывают, что из семи традиционно выделяемых видов корреляций указанных элементов поликодового текста (см.: [McCloud, 1993]) для КПТ весьма релевантными представляются дополнение и противопоставление. Отношение дополнения проявляется в исследуемом материале прежде всего в том случае, когда один из компонентов КПТ уточняет, конкретизирует другой. В примере на рисунке 3 содержание амбивалентного с точки зрения интерпретации атрибутивного словосочетания «уродливые формы» (оно может быть как свободным – физическая характеристика человека, так и связанным; ср.: *приобретать уродливые формы*) конкретизируется и отчасти дублируется в иконической части, где изображены две нелепо и безвкусно одетые внешне малопривлекательные девушки, стоящие в весьма агрессивных позах (они наклонены в сторону реципиента, клюшками перегораживают подход к двери здания, изображенного на заднем плане, их лица искажены от злости и крика). Таким образом, вербально репрезентируемый смысловой компонент «уродство» при помощи изображения дополняется еще двумя смысловыми компонентами – «безвкусие» и

Рис. 3. Конфликтогенный поликодовый текст с типом корреляции «дополнение»
Fig. 3. Conflict-generating polycode text with the “complement” type of correlation

«агрессия»; эта смысловая триада и раскрывает содержание атрибутивного словосочетания «уродливые формы». В иконической части дается намек на то, что же именно приобретает эти формы, а эксплицитный ответ реципиент находит уже в вербальном элементе данного КПТ. В примере закрыты название системы ценностей и номинация представителя полюса «Чужой».

В качестве примера КПТ, в которых изобразительный и вербальный элементы противопоставлены друг другу, можно привести демотиватор, где изобразительный компонент представлен табличкой, на которой имеется надпись: «Женский туалет в мужском (2 р.)», и подписью от автора о том, что феминизм победил. Противоречие в данном случае имеет имплицитный характер и связано с глобальным характером целей, которые ставят перед собой представители различных течений феминизма. Соотнесение изобразительного и вербального компонентов данного КПТ практически полностью девальвирует эти цели и, по сути, сводит феминизм к примитивной борьбе за то, чтобы «быть во всем как мужчины».

Заключение

Конфликтогенный поликодовый текст используется его автором для трансляции деструктивных идей и смыслов, так как зачастую нацелен на изменение общественных ценностей и мнения, на столкновение между собой общественных и этнических групп, общества и государства и в целом на массового реципиента. Конфликтогенный потенциал поликодового текста формируется на основе оппозиции «Свой – Чужой», которая имеет генерализированный характер и задействует кого-то одного или обоих типичных представителей полюсов дихотомии – представителя полюса «Свой» и/или представителя полюса «Чужой». Конфликтогенный поликодовый текст состоит из визуального (графического) и вербального компонентов, находящихся в определенной корреляции и несущих в себе характеристику конфликтогенности. При этом визуальные компоненты поликодовых текстов более эффективно транслируют часть конфликтогенного сообщения, чем вербальные компоненты. Основной визуальный образ КПТ может характеризоваться двойной соотнесенностью – узуальной и окказиональной. Наряду с нейтральной литературной и специальной (терминологической) лексикой, вербальный компонент КПТ может содержать сниженную и экспрессивно-оценочную, жаргонную, просторечную (грубо-просторечную), обсценную лексику, арготизмы, окказионализмы, собственно неологизмы, а также заимствования из других языков, в частности из

английского. Среди традиционно выделяемых видов корреляций визуального (графического) и вербального компонентов поликодового текста в его конфликтогенной разновидности релевантными являются отношения дополнения и противоречия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-20091, https://rscf.ru/project/22-18-20091/ в ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

The research is carried out within the framework of the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-20091, https://rscf.ru/project/22-18-20091/ in Pyatigorsk State University.

[2] Все материалы, упоминаемые в рамках статьи, используются исключительно в качестве примеров для иллюстрации научных положений и не предназначены для пропаганды экстремистских идей и концепций, способствующих дискредитации и/или разжиганию ненависти по расовому, национально-этническому или какому-либо иному признаку. Авторы решительно осуждают подобную пропаганду в любой форме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Пучкова А. Н., Осадчий М.А., 2021. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 2. С. 74–86. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7

Злоказов К. В., Лату М. Н., Тагильцева Ю. Р., Бабикова М. Р., 2022. Психолого-лингвистический анализ трансформации смыслов вербальных и невербальных компонентов конфликтогенного поликодового текста экстремистской направленности в молодежной среде // Психология человека в образовании. Т. 4, № 1. С. 66–75. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-66-75

Князев Н. А., 2022. Лингвопрагматические особенности цитат в конфликтогенных поликодовых текстах // Современное педагогическое образование. № 12. С. 302–305.

Крамкова О. В., 2011. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6 (2). С. 332–335.

Лату М. Н., 2023.Содержательные и функциональные особенности поликодовых текстов конфликтной направленности // Политическая лингвистика. № 6 (102). С. 166–170.

Лекторский В. А., 2020. Трансформация индивидуальной и коллективной памяти в контексте глобальной цифровизации // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11, вып. 9 (95). DOI: 10.18254/S207987840012305-4

Труфанова Е. О., 2021. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 3. С. 370–375. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375

Ульман О. А., 2016. «Конфликтный», «конфликтогенный» и «спорный» текст: к проблеме дефиниции и соотнесенности понятий // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. № 15. С. 82–85.

Baldry A. P., 2004. Phase and Transition, Type and Instance: Patterns in Media Texts as Seen through a Multimodal Concordancer // Multimodal Discourse Analysis: Systemic-Functional Perspectives / ed. by K. L. O'Halloran. L. ; N. Y. : Continuum. P. 83–108.

Bonacchi S., Mela M., 2015. Multimodal Analysis of Low-Stakes Conflicts: A Proposal for a Dynamic Model // Conflict and Multimodal Communication: Social Research and Machine Intelligence / ed. by F. D'Errico, I. Poggi, A. Vinciarelli, L. Vincze. Cham ; Heidelberg : Springer International Publishing. P. 267–294.

Cheong Yin Yuen, 2004. The Construal of Ideational Meaning in Print Advertisements // Multimodal Discourse Analysis: Systemic-Functional Perspectives / ed. by K. L. O'Halloran. L. ; N. Y. : Continuum. P. 163–195.

Kress G., van Leeuwen Th., 2001. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. L. : Arnold, Member of the Hodder Headline Group. 142 p.

McCloud S., 1993. Understanding Comics. The Invisible Art. N. Y. : Harper Perennial. 215 p.

REFERENCES

Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Puchkova A.N., Osadchiy M.A., 2021. Slozhnost vospriyatiya demotivatorov i memov: eksperimentalnoe issledovanie [Experimental Study of Demotivators and Memes Perception Complexity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 2,

pp. 74-86. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7

Zlokazov K.V., Latu M.N., Tagiltseva Yu.R., Babikova M.R., 2022. Psikhologo-lingvisticheskiy analiz transformatsii smyslov verbalnykh i neverbalnykh komponentov konfliktogennogo polikodovogo teksta ekstremistskoy napravlennosti v molodezhnoy srede [Psychological-Linguistic Analysis of the Transformation of Meanings of Verbal and Nonverbal Components of a Conflictgenic Polycode Text of Extremist Nature in the Youth Environment]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Psychology in Education], vol. 4, no. 1, pp. 66-75. DOI: 10.33910/2686- 9527-2022-4-1-66-75

Knyazev N.A., 2022. Lingvopragmaticheskie osobennosti tsitat v konfliktogennykh polikodovykh tekstakh [Linguisnic and Pragmatic Features of Quotations in Conflictogenic Polycode Texts]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], no. 12, pp. 302-305.

Kramkova O.V., 2011. Yazykovye i pragmaticheskie faktory konfliktogennosti [Linguistic and Pragmatic Factors of Conflict Potential]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], no. 6 (2), pp. 332-335.

Latu M.N., 2023. Soderzhatelnye i funktsionalnye osobennosti polikodovykh tekstov konfliktnoy napravlennosti [Semantic and Functional Features of Conflictogenic Polycode Texts]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 6 (102), pp. 166-170.

Lektorskiy V.A., 2020. Transformatsiya individualnoy i kollektivnoy pamyati v kontekste globalnoy tsifrovizatsii [Transformation of Individual and Collective Memory in the Context of Digitalization]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal «Istoriya»* [Electronic Scientific and Educational Journal "Istoriya"], vol. 11, no. 9 (95). DOI: 10.18254/S207987840012305-4

Trufanova E.O., 2021. Chelovek v tsifrovom mire: «raspredelennyy» i tselostnyy [Human in the Digital World: "Distributed" and Integral]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology], iss. 3, pp. 370-375. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375

Ulman O.A., 2016. «Konfliktnyy», «konfliktogennyy» i «spornyy» tekst: k probleme definitsii i sootnesennosti ponyatiy ["Conflict", "Conflict-Generating" and "Controversial" Text: To the Problem of Correlation and Definition Concepts]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, no. 15, pp. 82-85.

Baldry A.P., 2004. Phase and Transition, Type and Instance: Patterns in Media Texts as Seen Through a Multimodal Concordancer. O'Halloran K.L., ed. *Multimodal Discourse Analysis: Systemic-Functional Perspectives*. London; New York, Continuum, pp. 83-108.

Bonacchi S., Mela M., 2015. Multimodal Analysis of Low-Stakes Conflicts: A Proposal for a Dynamic Model. D'Errico F., Poggi I., Vinciarelli A., Vincze L., eds. *Conflict and Multimodal Communication: Social Research and Machine Intelligence*. Cham; Heidelberg, Springer International Publishing, pp. 267-294.

Cheong Yin Yuen, 2004. The Construal of Ideational Meaning in Print Advertisements. O'Halloran K.L., ed. *Multimodal Discourse Analysis: Systemic-Functional Perspectives*. London, New York, Continuum, pp. 163-195.

Kress G., van Leeuwen Th., 2001. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London, Arnold, Member of the Hodder Headline Group. 142 p.

McCloud S., 1993. *Understanding Comics. The Invisible Art*. New York, HarperPerennial. 215 p.

Information About the Authors

Oleg A. Alimuradov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the West-European Languages and Cultures, Chief Researcher, Scientific Research and Educational Center "Applied Linguistics, Terminology and Linguocognitive Technologies", Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, alimuole@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8686-8374

Maxim N. Latu, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Department of the West-European Languages and Cultures, Director of the Scientific Research and Educational Center "Applied Linguistics, Terminology and Linguocognitive Technologies", Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, laatuu@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6313-5637

Aleksey V. Razduyev, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Department of the West-European Languages and Cultures, Senior Researcher, Scientific Research and Educational Center "Applied Linguistics, Terminology and Linguocognitive Technologies", Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, arazduev@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-9936-014X

Информация об авторах

Олег Алимурадович Алимурадов, доктор филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, главный научный сотрудник НОЦ «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, alimuole@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8686-8374

Максим Николаевич Лату, кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, директор НОЦ «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, laatuu@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6313-5637

Алексей Валерьевич Раздуев, кандидат филологических наук, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, старший научный сотрудник НОЦ «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, arazduev@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-9936-014X

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.10

UDC 81'23:378.147.31
LBC 81.006

Submitted: 23.08.2024
Accepted: 13.01.2025

PERCEPTION OF THE LECTURE GENRE BY GENERATION Z STUDENTS (BASED ON ASSOCIATIVE EXPERIMENT) [1]

Daria D. Starikova
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Ksenia D. Voytsekh
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Daria D. Lozhkina
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Lada A. Selina
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the perception of the lecture genre from the standpoint of cognitive linguistics and psycholinguistics aimed to describe the features of the reception of this genre in various groups of Generation Z representatives. The speech genre in the framework of the conducted study is understood as a special type of mental scheme, a frame, that regulates the speech behaviour and strategies of understanding communicants in similar communication situations. The leading research method is an associative experiment aimed at identifying the specifics of lecture genre perception by two groups of respondents: university applicants and students. The subjects were asked to respond to the verbal stimuli: students to "lecture", and students and applicants to an "ideal lecture". Based on the reactions obtained, cognitive classifiers of the Lecture and Ideal Lecture frames were identified and ranked by their intensity recurrence. As a result of interpreting the experimental data, it was found that representatives of Generation Z mostly have negative experience of listening to lecture courses or negative expectations associated with lecture classes; they reject the passive communicative position of the listener and prefer a dialogue with the teacher; the relevance of the information presented in the lecture, the clarity of its presentation and visualisation are significant for respondents. The main classifier of the Ideal Lecture frame changes depending on the group of respondents: for applicants this classifier is information content, while for students it is the contact with the teacher and classmates. The results of the study can be used by university teachers so as to create new lecture courses and modernize the existing ones, as well as to find application in methodological recommendations and advanced training programmes.

Key words: speech genre, frame, lecture, associative experiment, psycholinguistics, cognitive linguistics, Generation Z.

Citation. Starikova D.D., Voytsekh K.D., Lozhkina D.D., Selina L.A. Perception of the Lecture Genre by Generation Z Students (Based on Associative Experiment). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 120-132. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.10

УДК 81'23:378.147.31
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 23.08.2024
Дата принятия статьи: 13.01.2025

ВОСПРИЯТИЕ ЖАНРА ЛЕКЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОКОЛЕНИЯ Z (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА) [1]

Дарья Дмитриевна Старикова
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

© Старикова Д.Д., Войцех К.Д., Ложкина Д.Д., Селина Л.А., 2025

Ксения Дмитриевна Войцех
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Дарья Данииловна Ложкина
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Лада Алексеевна Селина
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия жанра лекции с позиций когнитивной лингвистики и психолингвистики с целью описания особенностей рецепции данного жанра в различных группах представителей поколения Z. Речевой жанр в рамках проведенного исследования рассматривается как особый вид ментальной схемы – фрейм, который регулирует речевое поведение и стратегии понимания коммуникантов в однотипных ситуациях общения. Ведущим методом исследования является ассоциативный эксперимент, направленный на установление специфики восприятия жанра лекции двумя группами респондентов: абитуриентов и студентов. В качестве стимулов опрошенным были предложены «*лекция*» (для студентов) и «*идеальная лекция*» (для студентов и абитуриентов). На основе полученных реакций выделены и ранжированы по степени яркости когнитивные классификаторы фреймов Лекция и Идеальная лекция. В результате интерпретации экспериментальных данных определено, что представители поколения Z в большинстве своем имеют негативный опыт прослушивания лекционных курсов либо негативные ожидания, связанные с лекционными занятиями; отвергают пассивную коммуникативную позицию слушателя и отдают предпочтение диалогу с преподавателем, значимыми для них являются актуальность репрезентируемой в лекции информации, четкость ее изложения и визуализация. Основной классификатор фрейма Идеальная лекция изменяется в зависимости от группы опрошенных: для абитуриентов таким классификатором оказывается *информативность*, для студентов – *контакт с преподавателем и одногруппниками.* Результаты исследования могут быть использованы преподавателями вузов для модернизации существующих и создания новых лекционных курсов, найти применение в методических рекомендациях и программах повышения квалификации. *Вклад авторов.* Д.Д. Стариковой разработана концепция исследования и проведен анализ данных анкетирования абитуриентов. К.Д. Войцех проведен анализ результатов опросов студентов. Д.Д. Ложкиной представлено комплексное описание речевого жанра лекции. Л.А. Селиной адаптирована методика ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: речевой жанр, фрейм, лекция, ассоциативный эксперимент, психолингвистика, когнитивная лингвистика, поколение Z.

Цитирование. Старикова Д. Д., Войцех К. Д., Ложкина Д. Д., Селина Л. А. Восприятие жанра лекции представителями поколения Z (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 120–132. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.10

Введение

В настоящее время все чаще возникают ситуации недопонимания между преподавателями высшей школы и студентами. Как правило, педагоги университетов и институтов отмечают значительный спад способностей обучающихся к усвоению больших объемов материала и длительной концентрации, а студенты в числе недостатков обучения отмечают устаревшие, не имеющие практической ценности теоретические сведения, которые транслируются преподавателем. Особенно остро такое недопонимание ощущается во время лекционных занятий, формат которых предопределяет изложение информации сугубо теоретического характера, а взаимодействие преподавателя с аудиторией сводится к минимуму. Усвоение теоретических знаний критически важно для формирования будущих научных кадров, но если студент не заинтересован в получении такого рода знаний, то в ближайшем будущем количество научных сотрудников может существенно сократиться.

Лекционные занятия были и остаются одной из основных форм организации обучения в высшей школе. Выявлению особенностей лекции как одного из жанров академического дискурса, равно как и анализу трансформации лекции в контексте цифровизации образования посвящено немало научных работ. В большинстве научных работ рассматрива-

ются риторические особенности лекции и речевая организация отдельных ее разновидностей [Викторова, 2019; Дечева, Аристова, 2022; Емельянова, 2009; Сухомлинова, 2021].

Как недостаток лингвистического (в противовес прагматическому, коммуникативному) подхода к изучению речевого жанра (далее – РЖ) В.В. Дементьев называет «монологизацию идеи РЖ, неизбежную при абсолютизации интенции говорящего» [Дементьев, 2002, с. 22]. При этом необходимо отметить, что тенденция к «монологизации» сохраняется и в современных исследованиях, посвященных коммуникативным и прагматическим аспектам РЖ лекции: преимущественно с акцентом на фигуре лектора рассматриваются тактики речевого поведения участников и анализируются прагмастилистические отношения тактик речевого поведения участников [Зубкова, 2012; Носова, Медведева, 2018], и анализ прагматистилистических отношений [Сухомлинова, 2018]. Особенно сложен анализ лекции с акцентом на адресате, так как специфика этого РЖ даже в современном интерактивном изводе такова, что между говорящим и слушающим существует значительный дисбаланс, при котором последний оказывается «закрыт» для ученых, не использующих эмпирические методы.

Недостаточно изученными остаются психолингвистические и когнитивные особенности рецепции данного РЖ на основе эмпирических исследований различных целевых аудиторий с учетом, во-первых, когнитивно-конструктивного аспекта, позволяющего, по К.А. Долинину, связать понятия РЖ и фрейма как особого вида концепта: «Жанровые каноны, писанные или неписаные правила построения дискурсов в стереотипных КС (коммуникативных ситуациях. – *Примеч. авт.*), известные большинству членов социума, суть особый вид ментальных схем» [Долинин, 1999, с. 8], во-вторых, социокультурного аспекта лекции, актуального в контексте изучения культурно-обусловленных особенностей речевого поведения.

Подход к трактованию понятия РЖ в значительной мере обусловливается целями исследования. Классическое определение РЖ как «вербального оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей» [Седов, 1998, с. 11] остается актуальным и сегодня, однако целям данной работы в большей степени соответствует концепция К.А. Долинина, согласно которой РЖ можно рассматривать как фрейм, то есть своего рода ситуационную модель, как функцию от типовых значений семи аргументов: адресант; адресат; наблюдатель; референтная ситуация; канал связи; общий контекст; взаимодействия адресанта и адресата; время; место и окружающая обстановка [Долинин, 1999, с. 7].

Восприятие лекции для адресата включает в себя понимание звучащей речи, что также может вызывать трудности. Важно отметить, что для успешной коммуникации необходимо и распознавание РЖ, и активация верной ситуационной модели [Дейк, Кинч, 1988], фрейма – представления о типической ситуации, которое регулирует горизонт ожиданий адресата. Фрейм «конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет» [Краткий словарь..., 1996, с. 188], следовательно, влияет на оценку говорящего и информации в целом. Особого внимания заслуживает связь фрейма с речевой культурой. Успешная реализация такого универсального жанра академического дискурса, как лекция в значительной степени зависит от речевой культуры, этнокультурных особенностей, общности коммуникативных целей говорящего и слушающего. В.В. Дементьев и В.В. Фенина отмечают, что коммуникативные ценности делятся на национально специфичные и универсальные, а за одним РЖ и в рамках одной речевой культуры могут стоять как одинаковые, так и разные коммуникативные ценности [Дементьев, Фенина, 2005, с. 9]. Жанр лекции в этом контексте особенно интересен, поскольку, во-первых, в настоящий момент под влиянием фактора адресата происходит трансформация этого РЖ: специфика студентов поколения Z обусловила, например, отказ от монологичности, считающейся до недавнего времени одной из важнейших жанровых черт лекции; во-вторых, лекция не является национально специфичным жанром, его универсальность позволяет описать различия в структуре ситуационных моделей, которые не могут быть мотивированы ничем другим, кроме как различными факторами адресата и адресанта.

Согласно теории поколений Штрауса – Хау, к поколению Z можно отнести студентов, рожденных в период 2001–2020 гг. [Strauss, Howe, 1997]. Особенности этого поколения связаны со следующими факторами: экономическая неопределенность и сложность прогнозирования базовых финансовых и экономических процессов [Богатырева и др., 2023]; цифровизация и переход большинства функций жизнедеятельности в иной формат [Скляр, Кудрявцева, 2019]; геймификация, связанная с воспитанием детей посредством гаджетов и приучение их к взаимодействию с миром через игровую форму.

Исходя из тенденций развития общества XXI в., ученые выделяют такие особенности этого поколения, как:

– клиповое мышление – кратковременная концентрация на получаемой информации;

– развитая профессиональная ориентация в малом возрасте – наличие дополнительной помощи в освоении знаний до университета;

– тяга к социальным группам – желание состоять в одном или более сообществе единомышленников в онлайн- и офлайн-форматах [Кулакова, 2018];

– подверженность влиянию цифровизации в глобальном переосмыслении ценностей и стереотипов;

– нетерпимость и негативное отношение к тем, чьи жизненные приоритеты и поведение отличаются от их собственных [Зинурова, Никитина, Фатхуллина, 2022, с. 151–156].

Особенности поколения Z детерминированы прежде всего возможностью моментального доступа к безграничной информации. Поколение руководствуется принципом минимальных физических затрат с наибольшей эффективностью. Однако все это может сформировать пренебрежительное отношение к учебному процессу в непривычном для представителей поколения Z виде.

Актуальной задачей представляется изучение в психолингвистическом и лингвокогнитивном аспектах восприятия современными обучающимися такого РЖ, как лекция в условиях поколенческого перехода. Наилучшим образом решению этой задачи способствует междисциплинарный подход, обусловливающий применение методик из таких областей науки, как лингвистика, социология и психология.

Материал и методы

Среди перспективных методов изучения жанров в когнитивном аспекте И.А. Тарасова отмечает «проведение экспериментальных исследований феноменологической направленности (жанровая форма в сознании читателей)» [Тарасова, 2018, с. 93]. Для выявления особенностей восприятия ситуационной модели среди разных групп адресатов наиболее эффективным нам представляется ассоциативный эксперимент – методика, пришедшая в лингвистику из психологии и адаптированная под комплексное описание когнитивных признаков определенного концепта или фрейма, и представляющая собой один из способов характеризации ментальной репрезентации рассматриваемых понятий в создании индивида или целой группы. Существует множество методик, позволяющих исследовать структуру фрейма. Однако если цель научной работы – рассмотреть концептуализацию фрейма в сознании группы, его живые, актуальные когнитивные признаки, одной из самых действенных методик становится ассоциативный эксперимент.

Согласно Н.И. Жинкину целью ассоциативного эксперимента (далее – АЭ) является исследование смысловой структуры слова. В основе такой методики лежит предположение, что при восприятии слова осуществляется его перекодирование с естественного языка на смысловой [Жинкин, 1970, с. 83]. В данном методе Н.В. Уфимцева видит надежный способ изучения языкового сознания [Уфимцева, 1998, с. 142]. Методика АЭ состоит из нескольких этапов: 1) респонденты получают набор слов-стимулов, на которые должны отреагировать первым пришедшим в голову словом или словосочетанием; 2) далее проводится количественный анализ полученных ассоциатов; 3) затем осуществляется когнитивная интерпретация, без которой исследование останется в рамках лингвистической семантики [Стернин, 2007]. Когнитивная интерпретация результатов эксперимента в данной работе состоит из следующих шагов:

1) полученные ассоциаты, схожие по семантическому содержанию, объединяются в

один когнитивный признак, которому исследователь присваивает вербальную формулировку (обычно это стилистически нейтральное слово или словосочетание);

2) далее когнитивные признаки могут быть определены в большие группы – когнитивные классификаторы, которые ранжируются по степени их когнитивной яркости: чем больше когнитивных признаков содержит классификатор, тем большей яркостью он обладает (подробно о шагах интерпретации экспериментальных результатов см.: [Старикова, 2023, с. 156–163]).

Эмпирический материал для исследования собран посредством серии свободных ассоциативных экспериментов с использованием онлайн-форм. Создание анкеты-опросника обусловлено сложностью взаимодействия языка и мышления. Через призму восприятия окружающего мира и получения информации происходит формирование языковых структур, что в свою очередь влияет на восприятие реальности.

При составлении анкеты-опросника решались две задачи: формулирование вопросов, отражающих мысли и чувства, и создание блоков для оценки восприятия подачи языковой информации через объект, обеспечивающий данную трансляцию (см. таблицу).

Ответы на вопросы ***информационного блока*** позволяют выявить возрастные особенности респондентов в ходе сравнения результатов выборки.

Ответы на вопросы ***организационно-вспомогательного блока*** помогают исследовать формат подачи лекционного материала.

Ответы на вопросы ***ассоциативного блока*** представляют из себя основной показатель удовлетворенности студентов, усвояемости информационного материала, а также позволяют сравнить «идеальное» и «реальное» с целью понимания закрепившихся когнитивных установок у поколения Z.

Структура анкеты-опросника для участников эксперимента

The structure of the survey for respondents

Блок опросника	Текст вопроса и варианты ответов	Цель
Информационный блок	1) Выберите ваш пол? (Ж/М) 2) Сколько вам лет? (17–18; 19–20; 21–22; 23 – и больше) 3) Ваш курс обучения? (абитуриент; 1; 2; 3; 4; 5)	Сбор основных персональных данных для статистической обработки
Организационно-вспомогательный блок	4) Используются ли на лекционных занятиях цифровые технологии, как часто? (Нет, не используются; регулярно (на каждой лекции); 1–2 раза за весь лекционные период; свой ответ) 5) Как вы думаете, что обеспечивает явку студента на лекционное занятие? (интересна личность преподавателя; интересная форма организации занятия; необходимо сдавать экзамен/зачет; посещаемость контролируется)	Сбор информации, касающейся подачи лекционного материала
Ассоциативный блок	6) Назовите ТРИ любые ассоциации с вашим последним лекционным занятием? 7) Назовите ТРИ ассоциации со стимулом «*лекция*»? 8) Назовите ТРИ ассоциации со стимулом «*идеальная лекция*»?	Возможность описать образы «реального» и «идеального» лекционного занятия в понимании респондентов
Психологический блок	9) Чувствуете ли вы тревогу, когда идете на лекционное занятие? 10) Испытываете ли вы дискомфорт, присутствуя на лекционном занятии?	Отслеживание уровня эмоционального и психологического комфорта
Роль преподавателя	11) Влияет ли преподаватель и его манера подачи лекционного материала на запоминаемость материала? 12) Взаимодействует ли преподаватель во время подачи лекционного материала с аудиторией?	Выявление роли преподавателя в образовательном процессе
Шкала лжи	13) Насколько честными Вы были в этом опросе?	Контроль достоверности результатов

Ответы на вопросы ***психологического блока*** позволяют охарактеризовать чувства и эмоции, определить уровень эмоционального и психологического комфорта студентов.

Ответы на вопросы ***блока оценки роли преподавателя*** позволяют оценить важность и степень влияния объекта трансляции информации для формирования когнитивных установок и языковых структур, последнее особенно актуально для иностранных студентов.

Ответ на вопрос ***блока шкалы лжи*** является средством оценки общей откровенности испытуемых в ответах на вопросы в данном опроснике.

В данной статье систематизированы ответы респондентов двух групп: 1) абитуриенты; 2) студенты. Участниками опроса стали 145 респондентов: 89 абитуриентов и 56 студентов Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий, среди которых посредством интернета была распространена анкета-опросник. Основным критерием отбора респондентов послужил их возраст, так как задача исследования – охарактеризовать восприятие жанра лекции представителями поколения Z. Участие респондентов в эксперименте было добровольным. Ответы на вопросы анкеты обрабатывались вручную. Анкеты были идентичными и содержали все пункты из опросника, различаясь лишь вопросами ассоциативного блока, что было мотивировано спецификой изучаемых фреймов и особенностями групп респондентов.

Результаты и обсуждение

Анализ опроса абитуриентов

Результаты опроса абитуриентов позволили определить составляющие фрейма Идеальная лекция. При проведении эксперимента в ассоциативный блок анкеты-опросника был включен стимул «*идеальная лекция*», поскольку он позволяет выявить основные признаки фрейма среди респондентов, которые не обладают полноценным представлением о лекции как о РЖ, поскольку в большинстве своем не имеют релевантного опыта. По итогам ассоциативного эксперимента на стимул «*идеальная лекция*» было получено 166 ассоциатов, которые в соответствии с репрезентированными когнитивными признаками объединены в группы – когнитивные классификаторы. Когнитивные классификаторы ранжированы по степени их яркости на основе частотности ассоциатов. Рисунок 1 демонстрирует выделенные когнитивные классификаторы и соотношение яркости того или иного классификатора относительно других.

Самым ярким классификатором фрейма Идеальная лекция является **увлекательность лекции** (28 %). Современному абитуриенту крайне важно, чтобы процесс обучения не был скучным, о чем говорят такие ассоциаты, как *интересная*, *яркая*, *увлекательная* и др. Неотъемлемой частью данного классификатора является такой когнитивный признак, как *эмоциональная* (с ассоциатами *страсть*, *море эмоций*, *эмоционально*).

Менее яркими классификаторами оказались **информативность лекции** (15 %) и **общение со студентами** (14 %). Первый, включая в себя такие когнитивные признаки, как *познавательная*, *без лишней информации*, *актуальная* и *практическая ценность*, отражает потребность современного абитуриента в получении только той информации, которая может ему пригодиться в дальнейшем. Будущим студентам важен *интерактив* и *хорошие отношения с преподавателем*, а также *заинтересованность* последнего.

В ответах респондентов находят выражение классификаторы **комфортная атмосфера** (10 %) и **подача лекции** (10 %). Первый классификатор включает такие признаки, как *комфорт* и *спокойствие*. Хорошая подача лекции ассоциируется с *интересной подачей материала* и *темпом речи преподавателя*. Данный классификатор тесно связан с классификатором **личность преподавателя** (5 %). Помимо лектора, который хорошо подает материал, абитуриенты также хотят видеть преподавателя *доброго*, *справедливого*, *лояльного*, и только в последнюю очередь *компетентного*. Все эти классификаторы сигнализируют о том, что абитуриенты поколения Z высоко ценят собственный комфорт. Им важно чувствовать себя на занятиях свободно, не беспокоиться о том, насколько трудно им будет усвоить материал, и иметь доброжелательного преподавателя.

Рис. 1. Когнитивные классификаторы фрейма Идеальная лекция для абитуриента

Fig. 1. Cognitive classifiers of the Ideal Lecture frame for enrollees

Структура лекции (9 %) как классификатор, содержащий когнитивные признаки *доступность* и *четкость*, также верифицирует предыдущий вывод. Студенту важно, чтобы лекция была *воспроизводимая*, *ясная и запоминающаяся*, а занятие характеризовалось *четкой организацией*.

Классификатор **образность лекции** (6 %) оказался так же важен для респондентов, так как 6 из 10 ассоциатов подтверждают необходимость использования цифровых технологий. В данный классификатор также вошел признак *примеры из жизни*, что подтверждает потребность поколения Z в получении актуальной, практически применимой информации. Несмотря на то, что количество ассоциатов в данном классификаторе может показаться незначительным, согласно И.А. Стерину, исследователь должен учитывать и включать в смысловую структуру фрейма даже единичные ассоциаты [Стернин, 2007].

Наименее яркий из всех выделенных классификаторов – **отношения с одногруппниками** (3 %), что одновременно верифицирует как значимость собственного комфорта для абитуриентов поколения Z, так и их стремление к социальному взаимодействию.

Таким образом, самым важным компонентом *ИДЕАЛЬНОЙ ЛЕКЦИИ* для современного абитуриента является ее увлекательность и информативность, хотя такие признаки, как комфорт и возможность социальных интеракций, также актуальны для представителей поколения Z.

Анализ опроса студентов

Для студентов 2-го курса в ассоциативный блок опросника было включено два слова-стимула: «*лекция*» и «*идеальная лекция*».

На слово-стимул «*лекция*» было получено 100 реакций. Выявленные ассоциаты были разбиты на группы в соответствии с когнитивными признаками фрейма Лекция. Объединение полученных когнитивных признаков в когнитивные классификаторы видится нерелевантным ввиду малого количества полученных признаков (4) (см. рис. 2).

Установлено, что наиболее яркий когнитивный признак (40 %) – признак **внешние характеристики лекции**, отражающий специфику формы проведения занятий. Он выражен следующими ассоциатами: *конспект* / *писать*, *слушать* / *монолог*, *запоминать*, *преподаватель*.

Наравне с внешними признаками лекции можно считать значимым когнитивный признак **негативные характеристики лекции** (39 %): студенты отмечали негативные

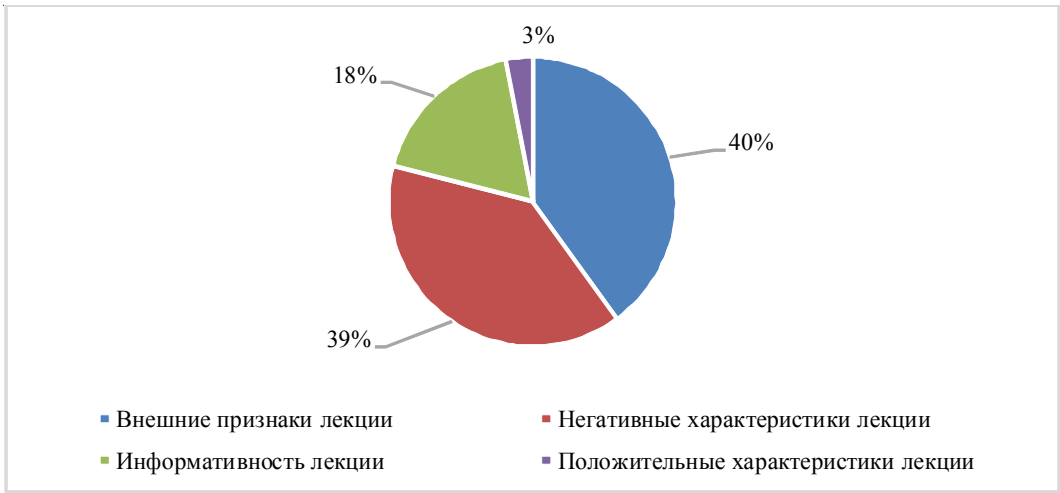


Рис. 2. Когнитивные признаки фрейма Лекция в сознании современного студента

Fig. 2. Cognitive attributes of the frame Lecture for modern students

эмоции и чувства, которые вызывают у них лекции: *скучно, долго*, *страдания* и др. На признак **информативность лекции** пришлось 18 % интерпретируемых ассоциатов: *знания*, *информация*, *наука*, *факты*. Признак, на который приходится наименьшее количество ответов респондентов (3 %) – **положительные характеристики лекций** – включает в себя ассоциаты *интересно*, *полезно*. Такая яркая проявленность признака **негативные характеристики лекции** свидетельствует о негативном опыте студентов от уже прослушанных лекций, а также заставляет задуматься о том, насколько современный студент готов воспринимать информацию, представленную в виде лекций, и какие изменения необходимо внести, чтобы облегчить процесс усвоения информации.

На слово-стимул «*идеальная лекция*» получено 180 ассоциаций. Рисунок 3 демонстрирует степень яркости когнитивных классификаторов конструируемого фрейма.

Наиболее ярким классификатором фрейма Идеальная лекция является классификатор **общение со студентами** (36 %), на который приходится больше трети полученных ассоциатов. Признак *вовлеченность студентов* в совокупности с признаком *обратная связь* отражают желание студентов быть активными участниками образовательного процесса.

Следующий по яркости классификатор – **подача лекции** (19 %) – представлен призна-

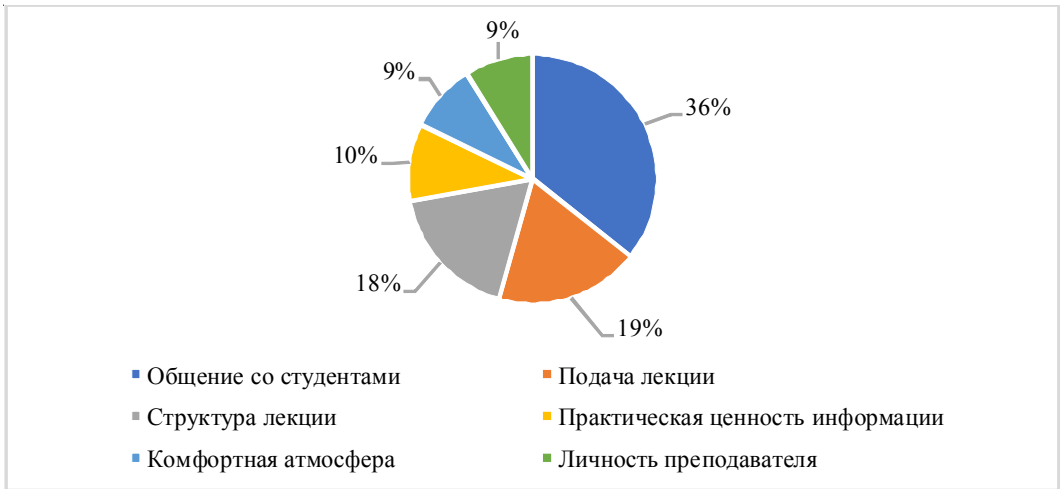


Рис. 3. Когнитивные классификаторы фрейма Идеальная лекция

Fig. 3. Cognitive classifiers for the frame of the Ideal Lecture

ками *интересная* и *понятная*, что можно рассматривать как сигнал того, что у студентов уже был негативный опыт, когда прослушанные лекции оказывались скучными, неинтересными и сложными к восприятию.

Классификатор **структура лекции** (18 %), в который вошли признаки *наглядность* и *четкость изложения* подтверждает необходимость использования визуальных средств представления информации в ходе изложения лекционного материала, так как обработка воспринимаемой на слух информации может вызывать трудности у студентов поколения Z.

Классификатор **практическая ценность информации** (10 %) представлен признаками *практическое применение* и *актуальность информации*. То, что студенты сочли нужным отметить, казалось бы, неотъемлемые характеристики лекционного материала, говорит о том, что зачастую лекторы его не обновляют в соответствии с требованиями современности. С другой стороны, тот факт, что на столь значимый классификатор приходится лишь 10 % ответов респондентов, может свидетельствовать о низкой заинтересованности студентов в получении новых знаний.

На последние по значимости классификаторы – **комфортная атмосфера** и **личность преподавателя** приходится по 9 % ассоциатов. Первый классификатор объединяет признаки *комфорт* и *организация хода лекции*. Студенты хотят заниматься в малых группах в неспешном темпе и ждут наличия конспектов и отсутствия домашнего задания, что может также служить маркером сравнительно низкой заинтересованности части студентов в активном изучении материала. Классификатор **личность преподавателя** объединяет признаки *личные качества лектора* (студенты хотят видеть в преподавателе *профессионала своего дела*, *любящего* работу и студентов, человека с *четкой речью* и хорошим *чувством юмора*), и *взаимоотношения с лектором* (оно сводится к *уважению* преподавателя к своим студентам).

Таким образом, ключевым компонентом фрейма Идеальная лекция для современного студента является взаимодействие с преподавателем, хотя и такие признаки, как структурированность материала, его практическая ценность также можно считать немаловажными.

Заключение

Результаты ассоциативного эксперимента позволили описать фреймы Лекция и Идеальная лекция, которые во многом определяют характер этого речевого жанра в его современном состоянии. На основе яркости выделенных классификаторов и когнитивных признаков можно сделать следующие выводы.

1. Большинство студентов имели негативный опыт знакомства с лекционными курсами, так как для почти 40 % полученных ассоциатов характерна отрицательная коннотация, свидетельствующая о скуке и отсутствии интереса со стороны обучающихся. Абитуриенты «опасаются» того, что лекции могут быть монотонными и даже нудными.

2. Наиболее важным для современного студента является полноправное участие в образовательном процессе, диалог с преподавателем. Респонденты не хотят занимать пассивную коммуникативную позицию, свойственную адресату «классической» лекции, и стремятся к диалогической модели интеракции с преподавателем. Анализ данных опроса абитуриентов позволяет считать *информативность* основным когнитивным классификатором Идеальной лекции, в то время как в рецепции студентов основным классификатором стал *контакт с преподавателем и одногруппниками*.

3. По итогам исследования актуальными когнитивными признаками фрейма Лекция можно считать *информативность*, *четкость изложения* и *актуальность информации*. Для респондентов также важна способность лектора увлечь их с помощью интересной подачи или визуальных средств представления информации.

4. Для абитуриентов и студентов поколения Z Идеальная лекция характеризуется такими признаками, как *комфорт* и *взаимодействие с одногруппниками и лектором*. Дружественная атмосфера на занятии и личность преподавателя играют важную роль в усвоении информации современными.

Результаты исследования могут быть использованы преподавателями вузов для модернизации существующих и создания новых лекционных курсов, найти применение в методических рекомендация и программах повышения квалификации.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Уфимского университета науки и технологий (ПРИОРИТЕТ-2030).

The work is funded with the Strategic Academic Leadership Program of the Ufa University of Science and Technology (PRIORITY-2030).

Коллектив авторов выражает благодарность студентке Уфимского университета науки и технологий Екатерине Сергеевне Филипповой за помощь в организации проведения исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богатырева М. Р., Бикметов Е. Ю., Филиппова Е. С., Мельникова А. С., 2023. Обзор подходов к оценке человеческого капитала в условиях экономической неопределенности // Евразийский юридический журнал. № 10 (185). С. 317–320. DOI: 10.46320/2073-4506-2023-10-185-317-320

Викторова Е. Ю., 2019. Дискурсивно-прагматическая специфика жанра лекции ted talk (сквозь призму функционирования в ней дискурсивов) // Жанры речи. № 4 (24). С. 254–266. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266

Дейк ван Т.А., Кинч В., 1988. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 153–212.

Дементьев В. В., 2002. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. № 3. С. 18–40.

Дементьев В. В., Фенина В. В., 2005. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи. № 4. С. 5–34.

Дечева С. В., Аристова Д. Д., 2022. Риторика университетской лекции и ее эволюцию в западной академической среде // Litera. № 10. С. 128–140. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.10.38877

Долинин К. А., 1999. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. № 2. С. 7–13.

Емельянова Н. А., 2009. Лекция как разновидность риторически организованного дискурса: проблема овладения особенностями жанра // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 95–103.

Жинкин Н. И., 1970. Грамматика и смысл // Язык и человек. Вып. 4. М. : Изд-во МГУ. С. 63–85.

Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З., 2022. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. № 476. С. 146–158. DOI: 10.17223/15617793/476/16

Зубкова Я. В., 2012. Тактики участников русского академического общения (на материале жанра лекции) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Т. 72, № 8. С. 15–19.

Краткий словарь когнитивных терминов, 1996 / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Изд-во МГУ. 245 с.

Кулакова А. Б., 2018. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. № 2 (42). С. 1–9. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6

Носова О. Е., Медведева А. В., 2018. Лингвокультурологическая специфика коммуникативных стратегий и тактик в жанре публичной научной лекции (на материале английского языка) // Современные исследования социальных проблем. Т. 10, № 4–3. С. 179–194. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-179-194

Седов К. Ф., 1998. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Вып. 27. С. 9–20.

Скляр М. А., Кудрявцева К. В., 2019. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. № 3 (61). С. 103–114.

Сухомлинова М. А., 2018. Особенности прагмастилистических отношений в жанре университетской лекции в современном английском языке // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. Т. 12, № 4. С. 104–109. DOI: 10.31161/1995-0667-2018-12-4-104-109

Сухомлинова М. А, 2021. Особенности композиционной структуры текста англоязычной академической лекции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 4. С. 83–92. DOI: 10.37482/2687-1505-V119

Старикова Д. Д., 2023. Лингвокогнитивный, лингвосинергетический и психолингвистический подходы к моделированию концепта «счастье» в дискурсе антиутопии : дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 196 с.

Стернин И. А., 2007. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. № 5. С. 33–40.

Тарасова И. А., 2018. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. № 2 (18). С. 88–95. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95

Уфимцева Н. В., 1998. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М. : Ин-т рус. яз. РАН. С. 135–170.

Strauss W., Howe N., 1997. The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. Great Falls : Broadway. 400 p.

REFERENCES

Bogatyreva M.R., Bikmetov E.Yu., Filippova E.S., Melnikova A.S., 2023. Obzor podkhodov k otsenke chelovecheskogo kapitala v usloviyakh ekonomicheskoy neopredelennosti [Review of Approaches to Human Capital Assessment Under Conditions of Economic Uncertainty]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], no. 10 (185), pp. 317-320. DOI: 10.46320/2073-4506-2023-10-185-317-320

Viktorova Ye.Yu., 2019. Diskursivno-pragmaticheskaya spetsifika zhanra lektsii ted talk (skvoz prizmu funktsionirovaniya v ney diskursivov) [Pragmatic Aspects of TED Talks as a Specific Speech Genre (Through the Lens of Discourse Markers' Use)]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech], no. 4 (24), pp. 254-266. DOI: 10.18500/2311-0740-2019-4-24-254-266

Dijk van T.A., Kinch V., 1988. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for Understanding Coherent Text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 153-212.

Dementyev V.V., 2002. Kommunikativnaya genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsial'nogo vzaimodeystviya [Communicative Genre Studies: Speech Genres as a Means of Formalizing Social Interaction]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech], no. 3, pp. 18-40.

Dementyev V.V., Fenina V.V., 2005. Kognitivnaya genristika: vnutrikulturnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive Genristics: Intracultural Speech-Genre Values]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech], no. 4, pp. 5-34.

Decheva S.V., Aristova D.D, 2022. Ritorika universitetskoy lektsii i yeye evolyutsiya v zapadnoy akademicheskoy srede [Rhetoric of University Lecturing and Its Evolution in the Western Academic Community]. *Litera*, no. 10, pp. 128-140. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.10.38877

Dolinin K.A., 1999. Rechevye zhanry kak sredstvo organizatsii sotsialnogo vzaimodeystviya [Speech Genres as a Means of Organizing Social Interaction]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech], no. 2, pp. 7-13.

Yemelyanova N.A., 2009. Lektsiya kak raznovidnost ritoricheski organizovannogo diskursa: problema ovladeniya osobennostyami zhanra [Lectures as a Kind of Rhetorically Organized Discourse: Mastering the Features of the Genre]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal], no. 2, pp. 95-103.

Zhinkin N.I., 1970. Grammatika i smysl [Grammar and Meaning]. *Yazyk i chelovek. Vyp. 4* [Language and Human. Iss. 4]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 63-85.

Zinurova R.I., Nikitina T.N., Fatkhullina L.Z., 2022. Sotsialnye praktiki i sotsialno-psikhologicheskie kharakteristiki pokoleniya Z (po rezultatam fokus-gruppovogo issledovaniya) [Social Practices and Socio-Psychological Characteristics of Generation Z (Based on the Results of Focus Group Research)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University *Journal*], no. 476, pp. 146-158. DOI: 10.17223/15617793/476/16

Zubkova Ya.V., 2012. Taktiki uchastnikov russkogo akademicheskogo obshcheniya (na materiale zhanra lektsii) [Tactics of the Participants of Russian Academic Communication (Based on the Material of the Lecture Genre)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], vol. 72, no. 8, pp. 15-19.

Kubryakova E.S., ed. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms], 1996. Moscow, Izd-vo MGU. 245 p.

Kulakova A.B., 2018. Pokolenie Z: teoreticheskiy aspekt [Generation Z: Theoretical Aspect]. *Voprosy territorialnogo razvitiya* [Territorial Development Issues], no. 2 (42), pp. 1-9. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6

Nosova O.Ye., Medvedeva A.V., 2018. Lingvokulturologicheskaya spetsifika kommunikativnykh strategiy i taktik v zhanre publichnoy nauchnoy lektsii (na materiale angliyskogo yazyka) [Linguocultural Specificity of Communicative Strategies and Tactics in the Genre of Science Public Lectures]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh*

problem [Modern Studies of Social Issues)], vol. 10, no. 4-3, pp. 179-194. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-3-179-194

Sedov K.F., 1998. Anatomiya zhanrov bytovogo obshcheniya [“Anatomy” of Genres of Everyday Communication]. *Voprosy stilistiki* [Issues of Stylistics], iss. 27, pp. 9-20.

Sklyar M.A., Kudryavtseva K.V., 2019. Tsifrovizatsiya: osnovnye napravleniya, preimushchestva i riski [Digitalization: Trends, Benefits and Risks]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia], no. 3 (61), pp. 103-114.

Sukhomlinova M.A., 2018. Osobennosti pragmastilisticheskikh otnosheniy v zhanre universitetskoy lektsii v sovremennom angliyskom yazyke [Features of Pragmatic and Stylistic Relations in the Genre of University Lecture in Modern English]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarn·yye nauki* [Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences], vol. 12, no. 4, pp. 104-109. DOI: 10.31161/1995-0667-2018-12-4-104-109

Sukhomlinova M.A., 2021. Osobennosti kompozitsionnoy struktury teksta angloyazychnoy akademicheskoy lektsii [Peculiarities of the Compositional Structure of the Text of the English-Language Academic Lecture]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], no. 4, pp. 83-92. DOI: 10.37482/2687-1505-V119

Starikova D.D, 2023. *Lingvokognitivnyy, lingvosinergeticheskiy i psikholingvisticheskiy podkhody k modelirovaniyu kontsepta «schastye» v diskurse antiutopii: dis. ... kand. filol. nauk* [Lingvocognitive, Lingvosynergetic and Psycholinguistic Approaches to Modeling the Concept of “Happiness” in the Discourse of Dystopia. Cand. philol. sci. diss.]. Ufa. 196 p.

Sternin I.A., 2007 Psikholingvistika i kontseptologiya [Psycholinguistics and Conceptology]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 5, pp. 33-40.

Tarasova I.A., 2018. Zhanr v kognitivnoy perspektive [Genre in the Cognitive Perspective]. *Zhanry rechi* [Genres of Speech], no. 2 (18), pp. 88-95. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95

Ufimtseva N.V., 1998. Etnicheskiy kharakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkikh [Ethnic Character, Self-Image and Linguistic Consciousness of the Russians]. *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie* [Linguistic Consciousness: Formation and Functioning]. Moscow, In-t rus. yaz. RAN, pp. 135-170.

Strauss W., Howe N., 1997. *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America’s Next Rendezvous with Destiny*. Great Falls, Broadway. 400 p.

Information About the Authors

Daria D. Starikova, Candidate of Sciences (Philology), Assistant Lecturer, Department of Foreign Linguistics, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, StarikovaDa@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-0266-7845

Ksenia D. Voytsekh, Candidate of Sciences (Philology), Assistant Lecturer, Department of Foreign Linguistics, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, VoyctekhKD@uust.ru, https://orcid.org/0000-0001-8007-2378

Daria D. Lozhkina, Assistant Lecturer, Department of Modern Russian Language Studies, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, lozhkinadd@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8289-608X

Lada A. Selina, Assistant Lecturer, Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, lada.selina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1859-8541

Информация об авторах

Дарья Дмитриевна Старикова, кандидат филологических наук, ассистент кафедры зарубежной лингвистики, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, StarikovaDa@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0003-0266-7845

Ксения Дмитриевна Войцех, кандидат филологических наук, ассистент кафедры зарубежной лингвистики, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, VoyctekhKD@uust.ru, https://orcid.org/0000-0001-8007-2378

Дарья Даниловна Ложкина, ассистент кафедры современного русского языкознания, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, lozhkinadd@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8289-608X

Лада Алексеевна Селина, ассистент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, lada.selina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1859-8541

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.11

UDC 811.512.37’344.2
LBC 81.643-1

Submitted: 06.08.2024
Accepted: 13.01.2025

THE VOWEL PHONEMES OF THE MODERN KALMYK LANGUAGE

Danara A. Suseeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Abstract. The article is devoted to research into the phonological system of the Kalmyk language. Based on the advancements in modern linguistics, the principles of phoneme distinction in the Kalmyk language are proposed: the consideration of syllabic models of the contrasted words and word forms; the attention to the nature of stress and its position in the word; the influence of synharmonism on the sound organization of a Kalmyk word. The article summarizes the results of applying these principles to the analysis of the vowel system. As a result of comparing the words recorded in the Kalmyk-Russian Dictionary/Halmg-ors tol, it was found that there are 10 vowel phonemes in the Kalmyk language. The conditions for the realization of their sense-distinguishing function at the level of words and grammatical forms (phonological aspect) are determined, the realization in speech sounds (phonetic aspect) and graphic fixation (spelling aspect) are shown. It is argued that there are no long vowel phonemes in the Kalmyk language, and such a feature as length is acquired by ordinary stressed vowels. The article states the need to distinguish phonology as an independent branch in the grammar of the Kalmyk language and the necessity to improve the modern Kalmyk graphic system, which is possible only after resolving the issues of marking stressed and unstressed vowels in writing and recognizing the sounds [е] and [ъ] as vowel phonemes <е> and <ъ>.

Key words: Kalmyk language, phonological system, phoneme, principles of phoneme distinction, vowel phonemes.

Citation. Suseeva D.A. The Vowel Phonemes of the Modern Kalmyk Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 2, pp. 133-145. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.11

УДК 811.512.37’344.2
ББК 81.643-1

Дата поступления статьи: 06.08.2024
Дата принятия статьи: 13.01.2025

О ГЛАСНЫХ ФОНЕМАХ СОВРЕМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Данара Аксеновна Сусеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения фонологической системы калмыцкого языка. С опорой на достижения современной лингвистики предложены принципы выделения фонем в калмыцком языке: 1) учет слоговых моделей сопоставляемых слов и словоформ; 2) учет характера ударения и места ударения в слове; 3) учет сингармонизма в организации звукового состава калмыцкого слова. В статье обобщены результаты применения этих принципов к анализу системы гласных. В результате сопоставления слов, зафиксированных в «Калмыцко-русском словаре / Хальмг-орс толь», установлено, что в калмыцком языке существует 10 гласных фонем. Определены условия реализации ими смыслоразличительной функции на уровне слов и грамматических форм (фонологический аспект), показаны реализация в звуках речи (фонетический аспект) и графическая фиксация (орфографический аспект). Утверждается, что в калмыцком языке нет долгих гласных фонем, а признак долготы приобретают обычные гласные, находящиеся под ударением. Констатируются необходимость выделения фонологии как самостоятельного раздела в грамматике

© Сусеева Д.А., 2025

калмыцкого языка и потребность в усовершенствовании современной калмыцкой графической системы, возможном только после решения вопросов об обозначении на письме ударных и безударных гласных и признании звуков [е] и [ъ] гласными фонемами <е> и <ъ>.

Ключевые слова: калмыцкий язык, фонологическая система, фонема, принципы выделения фонемы, гласные фонемы.

Цитирование. Сусеева Д. А. О гласных фонемах современного калмыцкого языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 133–145. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.11

Введение

Фонологическая система калмыцкого языка давно привлекает внимание лингвистов [Котвич, 1929, с. 1–65; Биткеев, 1975; 2002; Павлов, 1968], однако до настоящего времени нет единого мнения о принципах выделения фонем калмыцкого языка и их количестве. В условиях, когда повысился интерес к изучению калмыцкого языка в школах, средних специальных учебных заведениях и Калмыцком государственном университете им. Б.Б. Городовикова, актуальность данного вопроса возросла.

В существующих источниках количество фонем современного калмыцкого языка неодинаково: «Хальмг-орс толь» (далее – ХОТ) фиксирует 45 фонем (18 гласных и 27 согласных) (ХОТ, с. 728–764), «Грамматика калмыцкого языка» (далее – ГКЯ) – 48 (21 гласная и 27 согласных) [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 4–47]. Это обусловлено различиями в подходах к описанию звукового строя калмыцкого языка и толковании базовых терминов. Так, существенные расхождения наблюдаются при определении основной функции фонемы. В ХОТ указано, что фонема «служит для различения звуковых видов слов и их форм» (ХОТ, с. 730), в ГКЯ отмечается, что «основная функция фонемы – участвовать в образовании звукового облика слова, морфемы, предложения» [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 4], из нее вытекает функция фонемы «служить для различения слов и морфем, которые в свою очередь выражают определенные семантические, грамматические значения» [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 4]. По-разному определяется и статус системы фонем калмыцкого языка: в ХОТ она называется «фонетической» (ХОТ, с. 730), в ГКЯ – «фонематической» [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 4]. Серьезным недостатком при описании звукового строя калмыцкого языка в указанных источниках является смешение понятий фонемы и звука речи, что привело авторов, например, к ошибочному выводу о том, что «все фонемы существуют в потоке речи» [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 4], «звуки языка – фонемы – это неделимые далее звуковые единицы» (ХОТ, с. 730). Преодоление отмеченных различий и недостатков возможно в результате выработки подхода к выявлению фонем, который опирался бы на современные теоретические положения.

Настоящая статья посвящена описанию гласных фонем современного калмыцкого языка с целью уточнить их количество. Ее реализация связана с решением следующих задач: сформулировать принципы выделения фонем; охарактеризовать условия выделения фонем в калмыцком языке; предложить алгоритм описания гласных фонем калмыцкого языка.

Материал и методы

Материалом для работы послужили лексические единицы, зафиксированные в ХОТ (26 000 слов). Этот источник представляет слова в двух формах: современной графике и транскрипции. В нашем исследовании гласные фонемы выделяются в результате сопоставления слов, словоформ и морфем с учетом их транскрипционной записи и на основе смыслоразличительной функции, реализованной в определенных условиях. В статье перевод этих единиц на русский язык дается по этому источнику.

При описании фонем мы различаем три аспекта. Первый аспект – фонологический: фонема рассматривается как единица фонологической системы языка, выполняющая смыслоразличительную функцию. Второй аспект – фонетический: изучается реализация фонемы в речи. Третий аспект – орфографиче-

ский: рассматривается буквенное обозначение фонемы в современном калмыцком письме.

При изучении звуковой стороны калмыцкого языка мы, как и в ранних работах [Сусеева, 2004а; 2004б], опираемся на научные понятия фонемы и звука речи, определения которым даны в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» и в «Грамматике современного русского литературного языка», опубликованной в 1977 г. [Грамматика современного..., 1977]. Фонема – «единица звукового строя языка, служащая для опознавания и различения значимых единиц – слов, словоформ и морфем» [Виноградов, 1990]. Звуки речи «минимальные единицы речевой цепи, являющиеся результатом сложной артикуляционной деятельности человека и характеризующиеся определенными акустическими и перцептивными... свойствами. Звуки речи относятся к сегментным средствам, поскольку соотносятся с минимальными линейными единицами языка – фонемами. Супрасегментные звуковые средства, например тон, ударение, интонация, соотносятся с единицами большей протяженности – такими, как слог, слово, синтагма» [Бондарко, 1990].

Исходя из такого понимания звуков речи, можно определить их отношение к фонемам, словам, словоформам и морфемам. Так, звук [ə] калмыцкого языка может выразить на фонологическом уровне фонему <ə>, которая на лексическом уровне участвует в различении слов, например ***ərə*** нареч. «едва, еле, кое-как» и ***өrə*** сущ. «комната», ***ə*** сущ. «звук чего-либо» и ***ө*** сущ. «дефект, изъян; неровность»; на морфемном уровне (под ударением) выражает корень *əə-* в словоформе ***əə̓-h-ин*** «звуковой» (род. п. от *ə* «звук»); на грамматическом уровне выражает окончание *-ə* в словоформе *дəə̓н-ə* «военный» (род. п. от *дəн* «война»); на грамматическом уровне выражает суффикс *-ə-* у глагольной формы *эцəх* [э-цəə̓-хе] побуд. от *эцх* [эцехе] «худеть, тощать».

Звуки, иногда разные по артикуляционным и акустическим свойствам, могут в системе языка реализовать одну фонему, если они входят в состав одной корневой морфемы и выполняют общую смыслоразличительную функцию, свойственную одной фонеме. Например: 1) звуки [г] и [h] выполняют функцию фонемы, которую условно можно выразить как <г/h>, ср.: корень *цуг-* / *цуh-* (черед. г/h): *цугин* [цу**г**-ин] «всех» и *цу**h**ар* [цу**h**-аар] «вместе; все»; 2) звуки [н], [ң] и [м] выполняют функцию одной фонемы, которую условно можно выразить как <н/ң/м>; ср.: а) корень *кезəн-* / *кезəң-* (черед. н/ң): *кезə**н**ə* [кэзə**н**-ə̓] нареч. «давным-давно» и *кезя**ң**к* [кэзə̓**ң**-ке] прил. «давнишний»; б) корень *түрүн-* / *түрүң-* (черед. н/ң): *түрү**н*** прил. «передний» и *түрү**ң**к* [түрү̓**ң**-ке] «передовой»; в) корень *юн-* / *юң-* / *юм-* (черед. н/ң/м): ***юн*** «что» (местоименный вопрос), ***юн*** *гив* «что сказал?», ***юң**гад* нареч. «почему», ***юм**б* [ю**м**бъ] «что это»; 3) звуки [а] и [аа] выполняют функцию одной фонемы, которую условно можно выразить как <а/аа>, ср.: корень *х**а**н-* / *х**аа**н-* (черед. а/аа): им. п. *хан* [х**а**н] «хан» и род. п. *хаана* [х**аа**н-а] «хана»; 4) звуки [э] и [ээ] выполняют функцию одной фонемы, которую условно можно выразить как <э/ээ>, ср.: корень *т**е**г-* / *т**ее**г-* [тэг- / тээг-] (черед. э/ээ): им. п. *т**е**г* [тэг] «степь» и род. п. *т**ее**гин* [тээг-ин] «степи»; 5) звуки [у] и [уу] выполняют функцию одной фонемы, которую условно можно выразить как <у/уу>, ср.: корень *уу-* / *у-* (черед. уу/у): гл. ***уу**х* [**уу**-хъ] «пить» и ***у*** «пей» побуд. от гл. *уух*.

Как свидетельствуют примеры, каждая из указанных фонем реализуется в речи несколькими звуками. Гласные фонемы могут реализоваться в речи в двух звуках – кратких и долгих, например: фонема <а> реализуется в звуках [а/аа], фонема <э> реализуется в звуках [э/ээ], фонема <у> реализуется в звуках [уу/у]. Согласные фонемы – в двух или трех звуках речи, например: фонема <г> реализуется в двух звуках [г/h], фонема <н> реализуется в трех звуках [н/ң/м]. Эти примеры свидетельствуют о том, что фонема и звук речи не тождественны.

Современное калмыцкое письмо несовершенно. Этим объясняется разнобой в выражении фонем. Например, представляются необоснованными отсутствие в современном калмыцком письме букв, обозначающих фонемы <е> и <ъ>, которые названы «неясными» и правило, согласно которому ударные гласные фонемы в первом слоге нужно выражать двумя буквами: «аа», «ээ», «ии», «оо», «өө», «уу», «үү», «ээ», а ударные и безударные гласные фонемы в остальных слогах – одной: «а», «ə», «и», «о», «ө», «у», «ə», «э».

При выделении фонемы мы сопоставляем пары слов и словоформ и применяем следующие принципы анализа: 1) учет общности слоговых моделей сопоставляемых слов и словоформ; 2) учет характера ударения и места ударения в слове; 3) учет сингармонизма в организации звукового состава калмыцкого слова.

Рассмотрим, как эти принципы реализуются при выделении конкретных фонем калмыцкого языка.

В соответствии с первым принципом мы сопоставляем слова, имеющие одинаковое количество слогов сходной структуры. Например, смыслоразличительную функцию выполняют гласные или согласные фонемы в односложных словах, соответствующих модели **СГ**: *бө* сущ. «колдун, шаман», *бә* сущ. «веха; мета, цель для стрельбы», *ба* межд. «а, ой, эх», *би* мест. личн. «я», *бу* сущ. «ружье»; *су* побуд. «сиди» (от гл. *суух* «сидеть»), *бу* побуд. «слезь» (от гл. *буух* «слезать»), *зу* побуд. «кусай» (от гл. *зуух* «кусать»).

Согласно второму принципу мы учитываем характер ударения и место ударения в слове.

В калмыцком языке ударение является динамическим. Современная наука характеризует динамическое ударение (в отличие от тонального и музыкального) такими чертами как интенсивность и долгота [Бондарко, 1977]. Характеризуя результаты экспериментально-фонетических исследований на материале русского языка, Л.В. Бондарко писала, что «самое основное различие между ударным гласным и безударным – это различие в длительности этих звуков. К этому выводу ученые пришли на основании следующих фактов: во-первых, измерение длительности ударного и неударного гласного в слове выявляет наличие существенной разницы между ними; во-вторых, при создании искусственных, синтезированных слов достаточно сделать длительность гласного большей, чем длительности других гласных в слове, что бы этот гласный воспринимался как ударный» [Бондарко, 1977, с. 152]. Экспериментальные исследования, проведенные Д.А. Павловым на материале калмыцкого языка, подтверждают, что ударные гласные в калмыцком языке обладают большей длительностью, чем безударные гласные, ср. приведенные им примеры: *дерән хәлә* [дэ-р**ээ**̆н хэ-л**ээ**̆] «смотри свою подушку» и *деерән хәәлә* [дэ**э**̆-рэн хэ**э**̆-лэ] «искал наверху», *така* [та-к**аа**̆] «курица», *тергтә*[тэ-рек-т**ээ**] «с телегой», *утан* [у-т**аа**̆н] «дым», *билцгтә* [бил-цек-т**ээ**̆] «с кольцом», *амсур* [ам-с**уу**̆р] «палочка для дегустации калмыцкой водки при ее приготовлении», *делкә* [дэл-к**ээ**̆]«мир; вселенная», *харадад* [ха-ра-д**аа**̆-дъ] «ласточке» и др. [Павлов, 1968, с. 194, 198–199]. При этом в калмыцком языке проявление признаков длительности и интенсивности гласных имеет специфику в силу действия закона сингармонизма, благодаря которому все гласные фонемы находятся в сильной позиции в первом слоге, независимо от того, падает на них ударение или нет, так как именно они определяют рядность звуков в слове.

При выделении гласных фонем мы учитываем место ударения в слове и различаем слова с постоянным ударением на первом слоге, например *цаӑсн* «бумага», *суух̇* «сидеть», слова с постоянным ударением на последнем слоге, например *цасн* [ца-съ̆н] «снег», *цусн* [цу-съ̆н] «кровь», и слова с подвижным ударением, например *баһ* [ба-hъ̆] прил. «малый; дитя; мелочь», *баһрх* [ба-hър-хъ̆] «уменьшаться, сокращаться», *баһрулх* [баh-р**уу**л-хъ] «уменьшать, сокращать».

В качестве примера рассмотрим двусложные слова, реализующие модель **Г + СГ**. Она представлена в двух вариантах. В первом варианте ударение падает на первый слог, например: *әәх* [ээ̆-хе] гл. «бояться», *әәв* [ээ̆-ве] частица усилительная, *аав* [аӑ-въ] сущ. «отец, папа», *ааг* [аӑ-гъ] сущ. «язычок, крючок»; *аah* [аӑ-hъ] сущ. «пиала, чаша». Под ударением фонемы <ә> и <а> реализуются как долгие звуки [ээ] и [аа], что отражено в современном письме двойным написанием соответствующих букв «ээ» и «аа». Во втором варианте ударение падает на второй слог, например: *әвә* [ә-вә̆] сущ. «мелодия; грам. фонема»; *ах* [а-хъ̆] сущ. «старший брат», *аху* [а-хў] сущ. «имущество; хозяйство»; *ah* [а-hъ̆] сущ. «княгиня, княжна», *ahy* [а-hy̆] сущ. «площадь; пространство»; *үр* [ү-рӗ] сущ. «гнездо; товарищ, друг»; *иг* [и-гӗ] сущ. «прялка, веретено», *ик* [и-кӗ] прил. «большой, крупный», *эк* [э-кӗ] сущ. «мать». Слова типа *ах* [а-хъ̆] «старший брат» и *үр* [ү-рӗ] «гнездо; товарищ, друг» на письме переданы двумя буквами, хотя в их составе три фонемы. Ударные гласные [ъ] и [е] не нашли

своего отражения в современном письме, что вызывает большие трудности при их изучении и чтении.

В соответствии с **третьим принципом** мы учитываем сингармонизм, который играет существенную роль при выделении фонем в калмыцком языке. Например, в словах и словоформах, реализующих слоговую модель **ГС + СГ**, смыслоразличительную функцию выполняют гласные фонемы первого безударного слога, так они, находясь в сильной позиции начала слова (благодаря действующему закону сингармонизма в калмыцком языке), не только определяют рядность гласных звуков остальных слогов, но и четко произносятся, ср.: *атх* [**а**т-х**ъ**ʼ] сущ. «горсть» и *утх* [**у**т-х**ъ**ʼ] сущ. «нож»; *олх* [ол-х**ъ**ʼ] гл. «найти» и *илх* [ил-хеʼ] гл. «гладить; разглаживать»; *орх* [ор-х**ъ**ʼ] гл. «войти» и ***урх*** [ур-х**ъ**ʼ] сущ. «силок, петля, ловушка»; *одх* [од-х**ъ**ʼ] гл. «идти» и *удх* [уд-х**ъ**ʼ] гл. «медлить, мешкать».

При этом следует различать ситуации, когда определенные звуки являются фонемами, а когда те же звуки – лишь указателями рядности звуков в словах и словоформах. В качестве примера сравним две формы имен существительных – дательного и совместного падежей. Окончание дательного падежа в современном письме представлено в двух вариантах, как *-д* и *-т*, но в транскрипционной записи в «Хальмг-орс толь» представлен в четырех вариантах *-де* / *-дъ* / *-те* / *-тъ*. Они являются результатом действия закона сингармонизма. Если основа слова оканчивается на сонорные согласные [л], [н], [м] или гласные, то используется окончание *-д*, например: *мал-**д*** [мал-дъʼ] «скоту» (род. п. от сущ. *мал* «скот»), *күүн-**д*** [күүн-деʼ] «человеку» (род. п. от *күн* «человек»); *мек-**д*** [мэке-деʼ] «обману (поддаваться)» (дат. п. от *мек* [мэке] «обман»), *мока-**д*** [мока-дъʼ] «глупому» (дат. п. от *мока* «глупый»). Окончание *-д* здесь выступает в двух вариантах [-де / -дъ], гласные звуки которых [ъ] и [е] не имеют смыслоразличительной функции. Следовательно, в рамках окончания *-д* гласные звуки [ъ] и [е] не фонемы, а показатели рядности звуков сопоставляемых слов и словоформ. Такая же ситуация и с окончанием *-т*, которое выступает в двух вариантах [-тъ / -те], а гласные [ъ] и [е] в них тоже не являются фонемами, так как не различают грамматических форм, но выражают отношение звуков словоформ дательного падежа к их рядности: *гер-**т*** [гэр-те] «дома» (дат. п. от *гер* «дом»), *һар-**т*** [һар-тъ] «в руке» (дат. п. от *һар* «дом»), *үкр-**т*** [үкер-те] «корове» (дат. п. от *үкр* «корова).

Совместный падеж имеет одно окончание в двух вариантах: [-та / -тә], зафиксированное в ХОТ, например: *ах-**та*** «со старшим братом» (совм. п. от сущ. *ах* [а-хъ] «старший брат»), *һар-**та*** «с руками» (совм. п. от сущ. *һар* «дом»), *гер-**тә*** «с домом» (совм. п. от сущ. *гер* [гэр] «дом»), *үкр-**тә*** [үкер-тә] «с коровой» (совм. п. от *үкр* «корова). Следовательно, в рамках совместного падежа гласные звуки [а] и [ә], входящие в состав падежного окончания [-та / -тә], не фонемы, а звуки, выражающие отношение падежных словоформ совместного падежа к рядности.

Однако в результате сравнения словоформ дательного и совместного падежей калмыцкого языка обнаруживается, что звуки [ъ] и [е], не отраженные в современном письме, составляют одну фонему <ъ/е>, а звуки [а] и [ә] – другую фонему <а/ә>, благодаря которым сегодня различаются грамматические значения окончаний дательного [-тъ / -те] и совместного [-та /-тә] падежей.

Результаты и обсуждение

В современном калмыцком языке на основе смыслоразличительной функции можно выделить 10 гласных фонем: <а>, <о>, <у>, <э>, <ө>, <ү>, <ә>, <и>, <ъ>, <е>. При характеристике гласных фонем мы акцентировали внимание на фонематическом, фонетическом и орфографическом аспектах их изучения.

Фонема <а>

1. Фонематический аспект. Фонема <а> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <а> участвует в различении слов, если находится под ударением:

а) в первом слоге, например: *цааснˈ* [ц**аа**ˈсън] сущ. и *цәәснˈ* [ц**әә**ˈсен] прич. «светлеющий» (от гл. *цәәх* «белеть, светлеть»), где выделяются гласные фонемы <а> и <ә>, находящиеся под ударением и реализованные в звуках [аа] и [әә]. В этом случае учитываем

закон сингармонизма, в соответствии с которым ударные и безударные гласные, стоящие в первом слоге, определяют рядность остальных гласных в составе слов и словоформ. Этим объясняется то, почему в словах и словоформах типа *цаасн* [цаӑ-сън] появляется во втором слоге звук [ъ], а в словах и словоформах типа *цәәсн* [цәә̆-сен] во втором слоге появляется звук [е];

б) во втором слоге: *тарха* [тар-х**а**̆] сущ. уст. «голова» и *тарх* [тар-х**ъ**̆] гл. «расходиться; рассеиваться»;

в) в третьем слоге: *тасрха* [та-сър-х**а**̆] сущ. «обрывок, клок» и *тасрх* [та-сър-х**ъ**̆] гл. «рваться, отрываться».

1.2. Фонема <а> участвует в различении слов, если находится в начале слова. В силу действия закона сингармонизма гласные начального (первого) слога, даже без ударения, находятся в сильной позиции, произносятся четко и ясно и определяют рядность остальных звуков словоформы, ср.: *алх* [**а**л-хъ̆] гл. «убить» и *олх* [**о**л-хъ̆] гл. «найти»; *амн* [**а**-мъ̇н] сущ. «рот; уста» и *әмн* [**ә**-ме̇н] сущ. «жизнь»; *арсн* [**а**р-съ̇н] сущ. «шкура; кожа» и *орсн* [**о**р-съ̇н] прич. «вошедший» (от гл. *орх* «войти»); *нар* [н**а**р] сущ. «косточка, кубик (игральный)» и *нәр* [нәр] сущ. «праздник».

1.3. Фонема <а> участвует в различении грамматических форм одного слова, например: *һарта* [һар-т**а**̆] «с рукой» (совм. п. от сущ. *һар* «рука») и *һарт* [һар-т**ъ**̆] «в руке» (дат. п. от сущ. *һар* «рука»).

2. Фонетический аспект. Фонема <а> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [а], который встречается в любых безударных слогах, например: *цасн* [ц**а**-съ̇н] «снег», *така* [т**а**-кӑ] «курица», *багла* [б**а**г-лӑ] «связка, узел», *харада* [х**а**-р**а**-дӑ]. Второй звук – долгий [аа], который встречается в разных слогах под ударением, например: *баатр* [б**аа**̆-тър] «богатырь, герой», *даах* [д**аа**̆-хъ] «ручаться, брать ответственность»; *тарах* [та-р**аа**̆-хъ], *дава* [да-в**а**̆] «перевал», *мана* [ма-н**а**̆] «стража»; *давхцан* [дав-хъ-ц**а**н̆] «давка; учащенное дыхание», *татуһар* [та-ту-һ-**а**р̆] нареч. «недостаточно, мало», *тажрхаһар* [та-жър-ха-һ-**а**р̆] нареч. «редко, не густо», *тагтаһа* [таг-та-һ**а**̆] «горлица обыкновенная».

3. Орфографический аспект. На письме фонема <а> в любых слогах (ударных и безударных) передается одной буквой «а», ср.: ***н**асн* [н**а**-съ̇н] «возраст» и *адһ**а**х* [ад-һ**аа**-хъ] побуд. форма «торопить» от *адһх* [адһх] «торопиться, спешить». Исключение составляют случаи, когда фонема <а> находится в первом слоге под ударением. В таких случаях она передается двойным написанием буквы «аа», например: ***аа**һ* [**аа**-һъ] «пиала», *ц**аа**сн* [ц**аа**-съ̇н] «бумага», *т**аа**лх* [т**аа**л-хъ] «ласкать».

Фонема <ә>

1. Фонематический аспект. Фонема <ә> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <ә> участвует в различении слов, если находится в последнем слоге без ударения, ср.: *түүкә* [түү̆-кә] «сырой; недоваренный» и *түүк* [түү-к**е**] «повесть; сказание».

1.2. Фонема <ә> участвует в различении слов, находясь в первом слоге без ударения, благодаря сингармонизму, например: *бәрх* [бәр-хӗ] гл. «держать в руках» и *б**а**рх* [б**а**р-хъ̆] гл. «положить конец»; *әмн* [ә-ме̇н] сущ. «жизнь» и ***а**мн* [**а**-мъ̇н] сущ. «рот; уста»; *әрүн* [ә-рү̇н] прил. «чистый» и ***ө**рүн* [**ө**-рү̇н] прил. «утро»; ***ә*** сущ. «звук» и ***ө*** сущ. «дефект, изъян, неровность»; *әңгин* [әң-гин] «родовой; отдельный» (род. п. сущ. *әңг* [әң-ге] «род; племя») и ***а**ңгин* [**а**ң-гин] «звериный» (род. п. от сущ. *аң* «зверь»); *хә* «ищи» (побуд. от гл. *хәәх* «искать» и *ха* «закрой» (побуд. от гл. хаах «закрыть»).

2. Фонетический аспект. Фонема <ә> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [ә], который встречается в любых безударных слогах, например: *әдл* [**ә**-де̇л] «подобный, похожий», *әмн* [**ә**-ме̇н] «жизнь», *әрүн* [**ә**-рү̇н] «светлый, прозрачный»; *көөһәч* [көө̆-һ**ә**-че] «гонщик; угонщик», *келкәтә* [кел-к**ә**-тә̆] «нанизанный», *тәрәнә* [тә-р**ә**-н**ә**̆] «хлебный; зерновой». Второй звук – долгий [әә], который встречается в разных слогах под ударением, например: *тәәҗ* [тә**ә**̆-же] «тайджи, князь», *әәх* [**ә**̆**ә**-хе] «бояться», *бәәх* [бә**ә**̆-хе] «быть; существовать», *бәәрн* [бә**ә**̆-рен] «помещение, место»; *керә* [ке-р**ә**̆**ә**] «ворона», *келнә* [кел-н**ә**̆] род. п. от *келн* «языковый», келт**ә** [кел-т**ә**̆**ә**] совм. п. от *келн* «имеющий язык», *бәрәч* [бә-р**ә**̆**ә**-че] «строитель», *тәрән* [тә-р**ә**̆**ә**̇н] «хлеб; зерно», *тәрәч* [тә-р**ә**̆**ә**-че] «хлебороб; сеяльщик»; *келткә* [кел-тер-к**ә**̆**ә**] «осколок; обломок», *келмһә* [ке-лем-һ**ә**̆**ә**] «говорливый,

болтливый», *ичмхә* [и-чем-хә**ә**ˈ] «стыдливый», *кемжәләч* [кем-жә-**лә**ˈ-че] «измеритель (о приборе)».

3. Орфографический аспект. На письме фонема <ә> в любых слогах (ударных и безударных) передается одной буквой «ә». Исключение составляют случаи, когда фонема <ә> находится в первом слоге под ударением. В этих случаях фонема <ә> передается двойным написанием буквы «ә», например: ***әә**мг* [ә**ә**ˈ-мег] «аймак», ***әә**рг* [ә**ә**ˈ-рег] «айран», *сә**ә**хн* [сә**ә**ˈ-хен] «красивый, прекрасный», *д**ә**ә**л**әч* [дә**ә**ˈ-лә-че] «завоеватель».

Фонема <о>

1. Фонематический аспект. Фонема <о> выполняет смыслоразличительную функцию только в первом слоге.

1.1. Фонема <о> различает слова, находясь в ударной позиции: *б**оо**х* [боо**о**ˈ-хъ] гл. «завязывать» и *б**уу**х* [буу**у**ˈ-хъ] гл. «спускаться».

1.2. Фонема <о> участвует в различении слов, находясь в первом слоге без ударения, благодаря сингармонизму, ср.: ***о**рн* [**о**рън] сущ. «место» и ***у**рн* [**у**рън] сущ. «мастер; мастерство»; ***о**дх* [од-хъ] гл. «пойти» и ***у**дх* [уд-хъ] гл. «медлить; замешкаться»; ***о**дн* [о-дън] сущ. «звезда» и ***у**дн* [у-дън] сущ. «ива»; ***о**ра* сущ. «вершина; верхушка» и ***у**ра* междометие; ***о**рсн* [ор-съ̀н] прич. «вошедший» (от гл. *орх* «войти») и ***а**рсн* [ар-съ̀н] сущ. «шкура; кожа».

2. Фонетический аспект. Фонема <о> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [о], который встречается в первом слоге без ударения, например: ***о**ва* [**о**-ва] «куча; насыпь», ***о**в* [**о**-въ] «хитрость», ***о**да* [**о**-да] «теперь, сейчас», ***о**дх* [**о**д-хъ] «идти», *т**о**сн* [т**о**-съ̀н]. Второй звук – долгий [оо], который встречается только в первом слоге под ударением, например: *б**оо**х* [б**оо**ˈ-хъ] «заворачивать, обертывать», ***оо**шк* [**оо**ш̀-къ] анат. «легкие», *т**оо**сн* [т**оо**ˈ-съ̀н] «пыль», *т**оо**рм* [т**оо**ˈ-ръм] «вихревая пыль», *т**оо**лх* [т**оо**л̀-хъ] «считать». Исключение составляют производные слова, образованные с помощью отрицательной частицы *уга* «не / нет», которая трансформировалась в словообразовательный суффикс *-го* с конечной гласным звуком [о]. Этот суффикс появляется во всех производных словах как с гласными заднего, так и переднего ряда, например: *гемг**о*** [гэм-го] прил. «невинный, безвредный» (от сущ. *гем* «вина»), *әәдг**о*** [әә̀-де-го] прил. «храбрый» (от прич. *әәдг* «боязливый»), *нөкрг**о*** [нө-кер-го] прил. «не имеющий друга; незамужняя» (от сущ. *нөкр* «друг, товарищ»), *ицгго* [и-цег-го] прил. «ненадежный, безнадежный» (от сущ. *ицг* «вера, надежда»).

3. Орфографический аспект. Фонема <о> встречается только в первом слоге и на письме в безударной позиции она передается одной буквой «о», например: *орн* [**о**-ръ̀н] «страна», *ору* [**о**-ру] «прибыль»; *сольх* [с**о**ль-хъ] «сменять», *сохр* [с**о**-хър̀] «слепой», в ударной позиции фонема <о> передается двумя буквами «оо», например: *оон* [**оо**ˈ-нъ] «сайгак», *оольх* [**оо**л̀ь-хъ] «побежать прочь», *ооср* [**оо**ˈ-съ̀р] «веревка», *боох* [б**оо**ˈ-хъ] «связывать».

Фонема <ө>

1. Фонематический аспект. Фонема <ө> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <ө> участвует в различении слов, если находится под ударением, ср.: *өөрх* [**өө**р̀-хе] прил. «близкий» и үүрх [**үү**р̀-хе] гл. «разбиваться»; *өөдго* [**өө**ˈд-го] прил. «неспособный, бестолковый» и *әәдго* [**әә**ˈд-го] прил. «храбрый»; ***өө**мх* [**өө**м̀-хе] гл. «плавать» и *үүмх* [**үү**м̀-хе] гл. «волноваться, беспокоиться».

1.2. Фонема <ө> участвует в различении слов, находясь в начальном слоге без ударения, благодаря сингармонизму, например: *өдн* [**ө**-деˈн] сущ. «пух, перо птицы» и *эдн* [э-деˈн] мест. «те»; *өдр* [ө-деˈр] сущ. «день» и *идр* [и-деˈр] прил. «возмужалый; молодой»; *өрә* [ө-рә̀] сущ. «комната» и *үрә* [ү-рә̀] сущ. «лошадь на третьем году; трехгодовалая лошадь»; *өмсх* [**ө**мс-хѐ] «надевать» и *үмсх* [үмс-хѐ] «целовать»; *өвртә* [ө-вер-тә̀] сущ. «имеющий рога; рогатый» (совм. п. от сущ. *өвр* «рог») и *әвртә* [ә-вер-тә̀] «гневный; раздражительный; большой» (совм. п. от сущ. *әвр* «поведение; нрав»).

2. Фонетический аспект. Фонема <ө> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [ө], который встречается только в первом безударном слоге, например: *өдр* [**ө**-деˈр] «день», *өвгн* [**ө**в-геˈн] «старик», *өдмг* [**ө**д-меˈг] «хлеб», *өскх* [**ө**с-ке-хѐ] «выращивать», *бөдүрх* [б**ө**-дүˈр-хе] «толстеть; взрослеть». Второй звук – долгий [өө], который встреча-

ется под ударением только в первом слоге, например: *бөөр* [б**өө**̓-ре] «почка», *өөкн* [**өө**̓-кен] «жир, сало»; *өөмх* [**өө**̓м-хе] «плавать», *өөдлх* [**өө**̓-дел-хе] «подниматься»; *өөрхн* [**өө**̓р-хен] «близкий / близко», *өөр* [**өө**̓-ре] нареч. «близко, вблизи».

3. Орфографический аспект. Фонема <ө> встречается только в первом слоге и на письме в безударной позиции она передается одной буквой «ө», например *өкәр* [**ө**-кәр̓] «миловидный», в ударной позиции фонема <ө> передается двумя буквами «өө», например *өөмсн* [**өө**̓м-сен] «чулки; носки».

Фонема <у>

1. Фонематический аспект. Фонема <у> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <у> участвует в различении слов, если находится под ударением в первом слоге, например: *буух* [б**уу**̓-хъ] «спускаться» и *боох* [б**оо**̓-хъ] «завязывать», *уух* [**уу**̓-хъ] гл. «пить» и *әәх* [**әә**̓-хе] гл. «бояться».

1.2. Фонема <у> участвует в различении слов, находясь в начале слова без ударения, благодаря сингармонизму, например: *урн* [у-ръ̓н] сущ. «мастер» и *орн* [о-ръ̓н] сущ. «место»; *удх* [уд-хъ̓] гл. «медлить, мешкать, задерживаться» и *одх* [од-хъ̓] гл. «идти»; *урх* [ур-хъ̓] гл. «силок, петля, ловушка» и *орх* [ор-хъ̓] гл. «войти»; *урн* [у-ръ̓н] сущ. «мастер» и *үрн* [**ү**-ре̓н] сущ. «ребенок, дитя».

2. Фонетический аспект. Фонема <у> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [у], который встречается в первом безударном слоге, например: *уг* [**у**-гъ̓] «основание, корень», *уга* [**у**-га̓] «отсутствие», *угатя* [**у**-га-тя̓] «бедный», *урсх* [**у**рсъ-хъ̓] «течь, протекать»; *унжу* [**у**н-жу̓] «висящий, висячий», *унжур* [**у**н-жу̓р] «подвеска», *зутаһул* [з**у**-та-ху̓л] «неряшливость; позорящий». Второй звук – долгий [уу], который встречается в разных слогах под ударением, например: *уунн* [**уу**̓-һън] «первенец», *уул* [**уу**̓-лъ] «гора», *уульха* [**уу**̓ль-ха] «пузырьки»; *уух* [**уу**̓-хъ] «пить», *уульх* [**уу**ль-хъ] «плакать»; *унул* [у-н**уу**̓л] «падение», *урчуд* [ур-ч**уу**̓д] «умельцы», *утхур* [ут-х**уу**̓р] «ведро (кожаное)», *утлулх* [ут-л**уу**̓л-хъ] «отрезать» побуд. от гл. *утлх* «резать», *услулх* [ус-л**уу**̓л-хъ] «напоить водой» побуд. от гл. *услх* «поить водой».

3. Орфографический аспект. На письме фонема <у> в первом безударном слоге и во втором ударном слоге передается одной буквой «у», например: *бух* [б**у**-хъ̓] «бык», *ухан* [**у**-ха̓н] «разум», *утур* [у-т**у**̓р] «отпечаток». Исключение составляют те случаи, когда фонема <у> находится в первом слоге под ударением. В этих случаях она передается двойным написанием буквы «уу», например: *буух* [б**уу**̓-хъ] «спускаться», *зуух* [з**уу**̓-хъ] «кусать», *суух* [с**уу**̓-хъ] «сидеть», *уудг* [**уу**̓-дъг] «питьевой», *уут* [**уу**̓-тъ] «кожаный мешок».

Фонема <ү>

1. Фонематический аспект. Фонема <ү> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <ү> участвует в различении слов, если находится под ударением в первом слоге, ср.: *зүүх* [з**үү**̓-хе] «носить» и *зөөх* [з**өө**̓-хе] «возить», *бүүр* [б**үү**̓-ре] «кочевье; стойбище» и *бөөр* [б**өө**̓-ре] «почка».

1.2. Фонема <ү > участвует в различении слов, находясь в начальном слоге без ударения благодаря сингармонизму, например: *үслх* [**ү**-сел-хе̓] гл. «заправлять чай молоком» и *услх* [у-съл-хъ̓] гл. «поить водой»; *үлгүр* [**ү**л-гүү̓р] сущ. «пример, образец» и *өлгүр* [өл-гүүр] сущ. «вешалка»; *үмсх* [үмс-хе̓] гл. «целовать, поцеловать» и *өмсх* [өмс-хе̓] гл. «надевать что-либо; одеваться»; *бүрх* [бүр-хе̓] гл. «заворачивать; укрывать» и *бәрх* [бәр-хе̓] гл. «держать в руках»; *зүсн* [зү-сен] сущ. «масть животного» и *зусн* [зу-съ̓н] сущ. «клей»; *үрн* [**ү**-рен] сущ. «ребенок» и *өрн* [ө-рен] сущ. «долг; задолженность»; *үргх* [үр-ге-хе] гл. «пугаться» и *өргх* [өр-ге-хе] гл. «поднимать».

2. Фонетический аспект. Фонема <ү> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [ү], который встречается в любых безударных слогах, например: *үмсх* [**ү**м-се̓-хе] «целовать», *үлх* [**ү**л-хе̓] «излишествовать», *үрх* [**ү**р-хе̓] «разрушаться», *үг* [**ү**-ге̓] «слово», *үрн* [**ү**-ре̓н] «дитя, ребенок». Второй звук –долгий [үү], который встречается в первом слоге под ударением, напр.: *шүүх* [ш**үү**̓-хе] «проверять, экзаменовать», *түүх* [т**үү**̓-хе] «собирать»; *түүк* [т**үү**̓-ке] «повесть, сказание», *түүкә* [т**үү**̓-кә] «сырой», *гүүх* [г**үү**̓-хе] «бежать», *нүүх* [н**үү**̓-хе] «кочевать», *үүдн* [**үү**̓-ден] «дверь», *үүлн* [**үү**-лен] «облако, туча».

3. Орфографический аспект. Фонема <ү> на письме выражается в любых слогах (как ударных, так безударных) одной буквой «ү», например: *үвл* [**ү**-веḷ] «зима», *үг* [**ү**-ге] «слово», *үзг* [**ү**-зеґ] «буква», *үзх* [**ү**з-хе] «смотреть, увидеть»; *бөдүн* [бө-д**ү**н] «толстый; взрослый», *хөрүл* [хө-р**ү**л] «запрет», *өрүн* [ө-р**ү**н] «утро». Исключение составляет только случай, когда фонема <ү> находится в первом слоге под ударением. В этом случае фонема <ү> выражается двойным написанием буквы «үү», например: *бүүр* [б**үү**-ре] «кочевье», *үүрлх* [**үү**-рел-хе] «дружить», *үүрмг* [**үү**р-мег] «мелкий».

Фонема <и>

1. Фонематический аспект. Фонема <и> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <и> участвует в различении слов, если находится под ударением, ср.: *иигдх* [**ии**ґ-де-хе] «прясть веретеном» (производный глагол от сущ. *иг* «прялка») и *ээгдх* [**ээ**ґ-де-хе] «греться» (страд. от гл. *ээх* «греть»).

1.2. Фонема <и> участвует в различении слов, если находится в начале слова. В этой позиции в силу действия закона сингармонизма она произносится четко и ясно даже без ударения, поскольку определяет рядность остальных гласных (а иногда и согласных) звуков в слове: *илгн* [ил-ге́н] сущ. «овечья или козлиная шкура» и *элгн* [эл-ге́н] сущ. «родственник»; *илх* [ил-хе] гл. «гладить» и *элх* [эл-хе] гл. «изнашиваться»; *ир* [и-ре] сущ. «лезвие; острый край» и *эр* [э-ре] сущ. «мужчина»; *ичр* [и-че́р] сущ. «стыд, позор» и *очр* [о-чъ́р] сущ. уст. «скипетр»; *ирх* [ир-хе] гл. «приходить», *эрх* [эр-хе] гл. «закручивать; просить» и *өрх* [өр-хе] гл. «расставлять»; *ицх* [иц-хе] гл. «надеяться, возлагать надежды» и *эцх* [эц-хе] гл. «худеть, тощать»; *ирх* [ир-хе] гл. прийти» и *үрх* [үр-хе] гл. Ї́пропасть»; *ик* [и-ке] «большой» и *эк* [э-ке] «мать».

2. Фонетический аспект. Фонема <и> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [и], который встречается в любых безударных слогах, например: *иг* [**и**-ге] «веретено», *идән* [**и**-дэ́н] «пища, еда», *ик* [**и**-ке] «большой»; *инжихә* [ин-ж**и**-хэ] «сайгачонок», *мәнжин* [мэ́н-ж**и**н] «брюква», *нуурин* [нуу́-р**и**н] «озерный» (род. п. от сущ. *нур* «озеро»). Второй звук – долгий [ии], который встречается в разных слогах под ударением, например: *ниитә* [н**ии**́-тэ] «дружелюбный» (совм. п. от сущ. *ни* «дружелюбие»), *бешин* [бэ-ш**и**́н] «печной» (род. п. от сущ. *беш* «печь»); *биилх* [б**ии**́л-хе] «танцевать»; *билчих* [бил-ч**ии**́-хе] «сильно распухать», *бөгдих* [бөг-д**ии**́-хе] «горбиться, сгибаться», *бүлтих* [бүл-т**ии**́-хе] «смотреть неподвижным взглядом».

3. Орфографический аспект. На письме фонема <и> (как под ударением, так и без ударения) передается одной буквой «и». Исключение составляют только такие случаи, когда фонема <и> находится в первом слоге под ударением. В этих случаях фонема <и> передается двойным написанием буквы «ии», например: *тиигх* [т**ии**́г-хе] «делать так», *иим* [**ии**́-ме] «такой».

Фонема <э>

1. Фонематический аспект. Фонема <э> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <э> участвует в различении слов, если находится под ударением в первом слоге, ср.: *ээх* [**ээ**́-хе] «греть, нагревать» и *өөх* [**өө**́-хе] «браковать», *ээлх* [**ээ**́л-хе] «щадить, обходиться благополучно» и *өөлх* [**өө**́л-хе] «чувствовать себя оскорбленным», *ээдрх* [ээ́-дер-хе] гл. «киснуть, кваситься» и *аадрх* [аа́-дър-хъ] гл. «быть отвлеченным; быть растрепанным»; *ээрх* [ээ́р-хе] гл. «прясть шерсть» и *үүрх* [үү́р-хе] гл. «нести на себе тяжесть».

1.2. Фонема <э> участвует в различении слов, если находится в начале слова в безударной позиции. В силу действия закона сингармонизма она произносится четко и ясно, поскольку как звук начального слога определяет рядность гласных (иногда согласных) звуков в слове, ср.: *эрх* [**э**р-хе] гл. «закручивать, завинчивать» и *ирх* [**и**р-хе] гл. «приходить»; *эм* [**э**-ме] сущ. «лекарство» и *им* [**и**-ме] сущ. «метка (в виде подреза на ушах у скота)», *эк* [**э**-ке] «мать» и *ик* [и-ке] «большой».

2. Фонетический аспект. Фонема <э> реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [э], который встречается в безударных слогах, например: *эв* [**э**-ве] «согласие», *эвдх* [**э**в-де-хе] «ломать, разбивать», *эвлүн* [эв-лү́н] «мирный, сговорчивый», *эмәх* [**э**-мәә́-хе] «стесняться». Второй звук – долгий [ээ], который

встречается под ударением, например: *ээвр* [**ээ**̓-вер] «солнцепек», *ээж* [**ээ**̓-же] «мать», *ээзгә* [**ээ**̓з-гә] «брынза»; *ээдрх* [**ээ**̓-дер-хе] «киснуть, кваситься», *ээрх* [**ээ**̓р-хе] «прясть шерсть», *ээмдх* [**ээ**̓м-де-хе] «нести на плече».

3. Орфографический аспект. На письме в любых слогах (как ударных, так и безударных) фонема <э> передается буквами «э» либо «е», например: *телх* [тэл-хе̓] «растягивать», *элх* [эл-хе̓] «изнашиваться», *тег* [тэг] «степь», *эмгн* [эм-ге̓н] «старуха». Исключение составляют только такие случаи, когда фонема <э> находится в первом слоге под ударением. В этих случаях фонема <э> выражается двойным написанием букв «ээ» или «ее», например: *ээм* [ээ̓-ме] «плечо», *бееля* [бээ̓-ля] «рукавицы, перчатки».

Фонема <е>

1. Фонематический аспект. Фонема <е> выполняет смыслоразличительную функцию.

1.1. Фонема <е> различает слова, находясь под ударением: *сүв* [сү-в**е**̓] сущ. «ушко, дырочка» и *сүвә* [сү-вә̓] сущ. «боковая часть грудной клетки»; *үкрт* [ү-кер-т**е**̓] «корове» (дат. п. от сущ. *үкр* «корова») и *укртә* [ү-кер-**тә**̓] «с коровой» (совм. п. от сущ. *үкр* «корова»); *үзл* [ү-з**е**̓л] сущ. «видимое» и *үзүл* [ү-з**ү**̓л] «покажи» (побуд. от гл. *үзх* «видеть»), *иткл* [ит-к**е**̓л] «вера» и *иткүл* [итк-**ү**̓л] «доверие, вера», *ишк* [иш-к**е**̓] «козленок» и *ишкә* [иш-кә̓] «войлок», *илх* [ил-х**е**̓] «гладить» и *илхә* [ил-хә̓] «нижняя губа».

1.2. Фонема <е> участвует в различении грамматических форм одного слова, например: *ирсн* [ир-с**е**̓н] «пришедший» (прич. от гл. *ирх* «приходить») и *ирсән* [ир-сән] «пришедшего» (прич. от гл. *ирх* «приходить» в форме вин. п.).

2. Фонетический аспект. Фонема <е> никогда не бывает в начале слова, она появляется в словах и словоформах, начиная со второго слога, и реализуется в двух звуках. Первый звук – краткий [е], который встречается в любых безударных слогах, например: *әәдг* [әә̓-д**е**г] «боязливый», *бәәдл* [бәә̓-д**е**л] «состояние», *төөрх* [төө̓р-х**е**] «заблудиться» Второй звук – долгий [ее], который встречается под ударением, например: *әмн* [ә-м**е**̓н] «жизнь», *иткл* [ит-к**е**̓л] «вера», *ишк* [иш-к**е**̓] «козленок», *илх* [ил-х**е**̓] «гладить».

3. Орфографический аспект. Фонема <е> в современном письме не находит своего выражения. В ХОТ она отражена в транскрипционной записи слов как под ударением, так и без ударения. В транскрипции фонема <е> передана буквой «е», ср.: *хөөн* [хөө̓-н**е**] послелог «после» и *хөөнә* [хөө̓-нә] «овцы; овечий» род. п. от сущ. *хөн* «овца».

Фонема <ъ>

1. Фонематический аспект. Фонема <ъ> выполняет смыслоразличительную функцию в следующих условиях.

1.1. Фонема <ъ> участвует в различении слов, если находится под ударением: *ах* [а-х**ъ**̓] сущ. «старший брат» и *аху* [а-х**у**] сущ. «хозяйство»; *ул* [у-л**ъ**̓] сущ. «подошва» и *ула* [у-л**а**̓] «подвода»; *тасрх* [та-съ̆р-х**ъ**̓] гл. «рваться» и *тасрха* [та-съ̆р-х**а**̓] сущ. «обрывок», *хаврт* [ха-въ̆р-т**ъ**̓] «весной» (дат. п. от сущ. *хавр* «весна») и *хаврта* [ха-въ̆р-т**а**̓] «с весной».

1.2. Фонема <ъ> участвует в различении грамматических форм одного слова, например: *йосн* [йо-с**ъ**̓н] им. п. «власть» и *йосан* вин. п. «власть» (от сущ. *йосн* «власть»); *hосн* [hо-с**ъ**̓н] им. п. «сапог; сапоги» и *hосан* [hо-с**а**̓н] вин. п. «сапог»; ср.: *Ус үзлго бәәҗ hосан бичә тәәл* букв. «Не видя воды, не снимай сапоги» (ср. рус. *Не зная броду, не суйся в воду*).

2. Фонетический аспект. Фонема <ъ> встречается в любых слогах, кроме первого и реализуется в двух звуках речи. Первый звук – краткий [ъ], который встречается в любых безударных слогах, например: *цаасн* [цаа̓-с**ъ**н] сущ. «бумага», *хаавр* [хаа̓-в**ъ**р] сущ. «запрет», *хуур* [хуу-р**ъ**] сущ. «музыкальный инструмент», *баатр* [баа̓-т**ъ**р] «богатырь, герой»; *даах* [даа̓-х**ъ**] гл. «ручаться, брать ответственность»; *тарах* [та-раа̓-х**ъ**] гл. «закрывать, распускать», *таалх* [таа̓л-х**ъ**] гл. «ласкать», *тоолх* [тоо̓л-х**ъ**] гл. «считать». Второй звук – долгий [ъъ], который встречается под ударением, например: *авх* [ав-х**ъ**̓] «взять»; *ут* [у-т**ъ**̓] «длинный», *бат* [ба-т**ъ**̓] «крепкий, прочный», *хар* [ха-р**ъ**̓] «черный»; *цасн* [ца-с**ъ**̓н] «снег», *насн* [на-с**ъ**̓н] «возраст», *хавр* [ха-въ̆р] «весна», *тасрх* [та-съ̆р-х**ъ**̓] «рваться, обрываться».

3. Орфографический аспект. Фонема <ъ> в современном письме не имеет своего начертания и находит отражение только в ХОТ в транскрипционной записи слов как под ударением, так и без него. В транскрипции

фонема <ъ> передана буквой «ъ», например: *дал* [да-л**ъ**ˈ] анат. «лопатка», *сумн* [су-м**ъ**ˈн] «пуля», *тасрх* [та-с**ъ**р-х**ъ**ˈ] «рваться».

Гласные фонемы современного калмыцкого языка

Итак, в калмыцком языке можно выделить только 10 гласных фонем: <а>, <о>, <у>, <э>, <и>, <ə>, <ө>, <ү>, <ъ>, <е>, а не 18, как указано в ХОТ, и не 21, как представлено в «Грамматике калмыцкого языка». Шесть из них (<а>, <ə>, <и>, <э>, <у> и <ү>) встречаются в ударной и безударной позициях в любых слогах, реализуясь под ударением в виде долгого гласного звука, а в безударной позиции – в виде краткого гласного звука. Четыре фонемы (<о>, <ө>, <ъ>, <е>) встречаются только в определенных слогах. Фонемы <о> и <ө> появляются только в первом слоге как под ударением, так и без него. Фонемы <е> и <ъ> появляются в любых слогах, кроме первого, а под ударением – только в конечном слоге.

В связи с динамическим характером ударения и сингармонизмом все гласные фонемы произносятся в первом слоге без ударения ясно как в акустическом, так и артикуляционном отношении. Если на гласную первого слога падает ударение, то она приобретает дополнительный признак – долготу в звучании. Поэтому одна и та же гласная фонема в первом слоге слова под ударением приобретает признак долготы, а без ударения произносится как обычная гласная.

В результате анализа установлено, что в калмыцком языке нет долгих гласных фонем, так как нет условий для их проявления, однако есть обычные гласные, которые под ударением приобретают долготу. Утверждение о том, что пары слов типа *цааснˈ* «бумага» – *цасн* «снег», *тоосн* «пыль» – *тосн* «масло», *таах* «гадать» – *тах* «подкова», *даарх* «мерзнуть» – *дарх* «давить» свидетельствуют о наличии долгих гласных фонем [Грамматика калмыцкого языка..., с. 14–24; Павлов, 1968, с. 43] неверно, так как для сопоставления взяты слова с разными позициями ударения. В словах *цааснˈ* «бумага», *тоосн* «пыль» и *уусн* «выпивший» ударение падает на гласные первого слога, а в словах *цасн* «снег», *тосн* «масло» и *усн* «вода» ударение падает на гласные второго слога. Следовательно, для выделения в словах типа *цааснˈ*, *тоосн*, *уусн* долгих гласных фонем [аа], [оо] и [уу], находящихся под ударением, нет условий для их выделения, так как в словах типа *цасн*, *тосн и усн*, содержащиеся в первом слоге гласные [а], [о] и [у] находятся в безударной позиции. Эти слова, хотя имеют одинаковые фонемный состав и слоговую структуру, различаются местом ударения. В этих и подобных им словах смыслоразличительную функцию выполняют не фонемы, а ударение.

Подобное явление наблюдается, например, и в русском языке, ср.: *з**а**ˈмок* [заа̍-мък] и *замо̍к* [за-м**о**ˈк], которые, совпадая по фонемному составу и количеству слогов, вне контекста различаются только благодаря ударению. При этом гласные под ударением тоже приобретают признак долготы, но они в русском языкознании не признаются долгими фонемами.

Исследуемый лексический материал, представленный в «Хальмг-орс толь», дал основание для выделения в качестве самостоятельных фонем гласных <е> и <ъ>, которые в транскрипции обозначаются соответствующими знаками [е] и [ъ]. Однако современная орфография игнорирует эти фонемы и не отражает их на письме, несмотря на ряд фактов, позволяющих признать эти гласные самостоятельными фонемами. Так, хотя в калмыцком языкознании гласные [е] и [ъ] называют «редуцированными», «неясными», трудно поддающимися анализу, они могут быть четко описаны в акустико-артикуляционном отношении, если опираться на известную теорию академика Л.В. Щербы о двух стилях произношения: полном и разговорном [Щерба, 1974, с. 141–146]. В соответствии с этой теорией в калмыцком языке тоже можно выделить два стиля произношения: полное (литературное) и разговорное (просторечное). В литературном произношении эти звуки могут быть описаны следующим образом: [ъ] – звук твердого (заднего) ряда, среднего подъема, нелабиализованный; [е] – звук мягкого (переднего) ряда, среднего подъема, нелабиализованный. Еще одним фактом, подтверждающим фонемный статус гласных [е] и [ъ], является их смыслоразличительная функция, ср.: *ah* [ah**ъ**] «княгиня» и *ah**у*** «площадь; пространство»; *ahр* [ah**ъ**р]

«сандаловое дерево» и *ahap* [ah**а**р] «воздух»; *шуурх* [шуурх**ъ**] «треснуть; разорваться» и *шуурха* «трещина»; *хорх* [хорх**ъ**] «проявлять робость; перен. расправляться» и *хорха* «червяк»; *үр* [үр**е**] «друг, товарищ; гнездо» и *үрə* «лошадь на третьем году; трехлетка»; *үнр* [үн**е**р] «запах» и *үнəр* нареч. «правда, действительно»; *үмк* [үмк**е**] «кусок» и *үмкə* «вонючий, тухлый»; *үсн* [үс**е**н] «волосы» и *үсəн* «свои волосы» вин. п. сущ. *үсн* «волосы» и т. д.

В связи с признанием гласных [е] и [ъ] фонемами актуальным становится вопрос об отражении их в современной калмыцкой графике. О ее несовершенстве писал известный калмыковед А.Ш. Кичиков (см., например: Известия Калмыкии. 1998. 21 мая (№ 105). С. 1–2). Причинами этого являются признание ударных гласных долгими фонемами и сохраняющееся в лингвистике двойственное отношение к фонемам <е> и <ъ> в калмыцком языке: одни ученые считают их «редуцированными звуками», которые не должны находить своего обозначения на письме [Павлов, 1968]; другие считают их фонемами, при этом отождествляя фонемы со звуками речи [Грамматика калмыцкого языка..., 1983]. Усовершенствование современной калмыцкой графической системы возможно только после решения вопроса об обозначении на письме ударных и безударных гласных, а также вопроса о признании звуков [е] и [ъ] гласными фонемами <е> и <ъ>.

Выводы

1. При анализе звуковой стороны калмыцкого языка необходимо опираться на такие научные понятия, как уровни языка, фонема, звук речи, которыми располагает современная наука о языке.

2. Для выделения фонем калмыцкого языка необходимо соблюдать три принципа: а) учет слоговой структуры сопоставляемых слов и словоформ; б) учет характера ударения и места ударения в слове; в) учет сингармонизма в организации звукового состава калмыцкого слова.

3. Применение вышеназванных принципов позволило выявить в калмыцком языке 10 гласных фонем: <а>, <о>, <у>, <э>, <и>, <ə>, <ө>, <ү>, <ъ>, <е>.

4. Назрела необходимость выделения специального раздела в грамматике современного калмыцкого языка – фонологии, который, в отличие от фонетики, будет изучать его фонологическую систему, гласные и согласные фонемы.

5. Актуальным становится вопрос о совершенстве современного калмыцкого письма, совершенствование которого возможно на основе решения вопроса о правилах обозначения на письме ударных и безударных гласных, а также вопроса о признании звуков [е] и [ъ] гласными фонемами <е> и <ъ>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Биткеев П. Ц., 1975. Проблемы фонетики калмыцкого языка. Элиста : Калмыц. кн. изд-во. 163 с.

Биткеев П. Ц., 2002. Проблемы неясных гласных в калмыцком языке // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка : сб. науч. ст. Элиста ; М. : Изд-во калмыц. гос. ун-та. С. 22–29.

Бондарко Л. В., 1977. Звуковой строй современного русского языка. М. : Просвещение. 175 с.

Бондарко Л. В., 1990 Звуки речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. С. 165.

Виноградов В. А., 1990. Фонетика // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. С. 552.

Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология, 1983. Элиста : Калмыц. кн. изд-во. 335 с.

Грамматика современного русского литературного языка, 1977. М. : Наука. 767 с.

Котвич В. Л., 1929. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага : [б. и.]. 216 с.

Павлов Д. А., 1968. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста : Калмыц. кн. изд-во. 237 с.

Сусеева Д. А., 2004а. Вопросы фонологической системы калмыцкого языка (постановка проблемы) // Гегəрлт. № 1/2 (20/21). С. 154–172.

Сусеева Д. А., 2004б. Способы выражения русского ударения в калмыцкой письменности XVIII века // Русская речь в инонациональном окружении. № 2. С. 119–121.

Щерба Л. В., 1974. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука. 427 с.

ИСТОЧНИК

ХОТ – Хальмг-орс толь = Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М. : Рус. яз., 1977. 768 с.

REFERENCES

Bitkeev P.Ts., 1975. *Problemy fonetiki kalmytskogo yazyka* [Problems of Phonetics of the Kalmyk Language]. Elista, Kalmyts. kn. izd-vo. 163 p.

Bitkeev P.Ts., 2002. Problemy neyasnykh glasnykh v kalmytskom yazyke [Problems of Obscure Vowels in the Kalmyk Language]. *Voprosy teoreticheskoy grammatiki kalmytskogo yazyka: sb. nauch. st.* [Questions of Theoretical Grammar of the Kalmyk Language: Collection of Scientific Articles]. Elista, Moscow, Izd-vo kalmyts. gos. un-ta, pp. 22-29.

Bondarko L.V., 1977. *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [Sound Structure of the Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 175 p.

Bondarko L.V., 1990. Zvuki rechi [Speech Sounds]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 165.

Vinogradov V.A., 1990. Fonetika [Phonetics]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., p. 552.

Grammatika kalmytskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Kalmyk Language. Phonetics and Morphology], 1983. Elista, Kalmyts. kn. izd-vo. 335 p.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Modern Russian Literary Language], 1977. Moscow, Nauka Publ. 767 p.

Kotvich Vl.L., 1929. *Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka* [Experience of Grammar of the Kalmyk Spoken Language]. Prague, s.n. 216 p.

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ, 1990. 685 p.

Pavlov D.A., 1968. *Sovremennyy kalmytskiy yazyk. Fonetika i grafika* [Modern Kalmyk Language. Phonetics and Graphics]. Elista, Kalmyts. kn. izd-vo. 237 p.

Suseeva D.A., 2004a. Voprosy fonologicheskoy sistemy kalmytskogo yazyka (postanovka problemy) [Questions of the Phonological System of the Kalmyk Language (Problem Statement)]. *Gegerlt*, no. 1/2 (20/21), pp. 154-172.

Suseeva D.A., 2004b. Sposoby vyrazheniya russkogo udareniya v kalmytskoy pismennosti XVIII veka [Ways of Expressing the Russian Accent in the Kalmyk Script of the 18th Century]. *Russkaya rech v inonatsionalnom okruzhenii* [Russian Language in a Foreign Environment], no. 2, pp. 119-121.

Shcherba L.V., 1974. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka Publ. 427 p.

SOURCE

Muniyev B.D., ed. *Khalmg-ors tol = Kalmytsko-russkiy slovar* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1977. 768 p.

Information About the Author

Danara A. Suseeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia, suseeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8814-8007

Информация об авторе

Данара Аксеновна Сусеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Россия, suseeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8814-8007

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

– комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

– поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

– расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

– повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

– поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

– comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

– supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

– expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

– enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

– supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала https://l.jvolsu.com в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website https://l.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

Scopus®

Modern Language Association MLA

copac*

crossref

Google scholar

OAJI.net Open Academic Journals Index

ULRICHSWEB™ GLOBAL SERIALS DIRECTORY

MIAR 2014 Live

CiteFactor Academic Scientific Journals

SHERPA/RoMEO

COVERED BY EMERGING SOURCES CITATION INDEX CLARIVATE ANALYTICS

ZDB

ProQuest

OCLC WorldCat®

Научная библиотека «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА LIBRARY.RU

slavistik-portal портал по славистике

DOAJ DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS

SOCIONET

IPRbooks ЭЛЕКТРОННО-БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Университетская библиотека ONLINE

SciUp НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

ISSN 1998-9911 77>
9 771998 991007

ISSN 1998-9911. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2025. Том 24. № 2. 1–147.